

Научная общественная организация «Профессиональная наука»

**Таврическая академия Крымского федерального университета
им. В.И.Вернадского**

**Лингвокультурные пролегомены: мифология,
фольклор, религия**

Сборник научных трудов
по материалам II научно-практического форума

19 апреля - 11 мая 2017 г.

www.scipro.ru
Симферополь, 2017

УДК 81
ББК 81

Главный редактор: Н.А. Краснова
Технические редакторы: Ю.О. Канаева, А.Д. Тихова

Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия: сборник научных трудов по материалам II научно-практического форума, 11 мая 2017 г. Симферополь: Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского, 2017. 257 с.

ISBN 978-5-00-007670-2

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы лингвистики, литературоведения, языкознания по материалам II научно-практического форума **«Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия»** (11 мая 2017 г.).

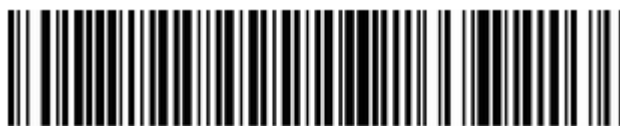
Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

УДК 81
ББК 81

978-5-00-007670-2

© Редактор Н.А. Краснова, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского

© НОО Профессиональная наука, 2017

Содержание

СЕКЦИЯ 1. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА 5

Аникеева Е. А., Буранкова С.А. Концепция загробной жизни в зороастризме 5

Хлыбова Н.А., Краснова А.О. Генетические особенности путевых дневников и путеводителей 14

СЕКЦИЯ 2. ФОЛЬКЛОР И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА 21

Елыманова Н.Н. Символы в немецком фольклоре на материале народных песен и сказок..... 21

СЕКЦИЯ 3. МИФОЛОГИЯ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 29

Лейбенсон Ю. Т. Великий Слепой как «христианин до Христа»: образ Гомера в литературе эпохи апологетов..... 29

Перепечкина С.Е., Склярова А.А. Лингвокультурологический концепт «дерево» в мифопоэтическом сознании немецкого народа..... 50

Татаренко Е.Н. Восприятие современным читателем концепта природы в элегическом творчестве Овидия 59

СЕКЦИЯ 4. ЯЗЫКИ КУЛЬТУРЫ: МНОГООБРАЗИЕ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ 64

Гавришева Г.П., Гордилов Д.И. Этимология и функционирование французских ФЕ: мифологизмы и библеизмы..... 64

Ильчинская Е.П. Диалог культур и обучение иностранному языку в ВУЗе 71

Лазарева В.Ф., Пономарёва А.В. Заимствования как средство создания национального колорита в текстах немецких футбольных отчетов 77

Лесова-Юзефович Н.С., Редько Я.О. Материнская дуальность в романе Натали Саррот «Детство» 85

Науменко Н.П., Климачёва А.И. Формирование профессиональной компетенции в обучении латинскому языку 93

Норец Т.М. Верлан как инвариант арго во французском языке..... 101

Осадчук Н.В., Зубкова Н.С. Национально-культурная специфика фразеологизмов французского и новогреческого языков с компонентом зоонимом (в сопоставительном аспекте) 105

Силин В.В. Художественные принципы поэзии дада	116
Твердохлеб О.Г. Флористическая лексика в атрибутивных сочетаниях с процессуальным признаком (К вопросу о синтаксических моделях И. Бродского).....	124
Чекалина Т.В. К вопросу о вербализации концепта «Patrie» во фразеологизмах и афоризмах французского.....	138
Шмбаева И.В., Костюченко Ю.В. Коммуникативно-деятельностный подход в формировании и развитии аудитивных навыков и умений (средний этап обучения французскому языку в средней школе)	147
Шишонина Н.В. Интерактивное отношение между культурой и языком литературы.....	159

СЕКЦИЯ 5. ЕВРАЗИЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ..... 165

Акишева Е.Г., Перепечкина С.Е. Лингвокультурологические аспекты формирования образа России в политическом дискурсе немецких СМИ	165
Емельянова Т.А., Шапошник Н.А. Гастрономические образы во французском парфюмерном дискурсе.....	175
Лукинова М.Ю., Юнак Е.О. Об особенностях перевода жанра травелог (на материале произведений Питера Мейла)	183
Новикова М.А. Рунные камни Швеции: фольклорно-магический и культурно-исторический аспекты.....	191
Палёха Е.В. Проявление элементов кельтской культуры в современном мире	200
Петренко А.Д., Гребенюк Д.А., Влияние процессов глобализации на современное немецкое студенчество: социальные и социолингвистические аспекты.....	229
Сдобнова С.В., Штольц Е.Н. Особенности композиции сюжета новеллы Стефана Цвейга «Письмо незнакомки».....	234
Чернышова М.В. Понятие социальной структуры. Социальная структура общества	241
Чернышова Т. Г., Макеева Л. Н. Использование функционального подхода в обучении специалистов профессиональной лексике.	248

СЕКЦИЯ 1. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

УДК 299.4

Аникеева Е. А., Буранкова С.А. Концепция загробной жизни в зороастризме

The afterlifeconcept in Zoroastrianism

Аникеева Елена Александровна
старший преподаватель кафедры иностранных языков №2
Института иностранной филологии
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского
Буранкова Светлана Александровна
Студентка философского факультета
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского

Anikeeva Elena Aleksandrovna
Assistant lecturer of foreign languages chair No.2
Institute of foreign philology
Crimean Federal V.I. Vernadsky University
Burankova Svetlana Aleksandrovna
student of philosophical faculty
Crimean Federal V.I. Vernadsky University
elena.anikeeva.177@gmail.com
slava.burankova@gmail.com

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение с помощью метода концепт-анализа учения Заратуштры о смерти и последующей жизни. В связи с этим сделан вывод, что зороастризм, является уникальной и самодостаточной системой знаний, которая впоследствии оказала влияние на иудаизм, христианство и буддизм.

Ключевые слова: зороастризм, Заратуштра, загробная жизнь.

Abstract. The purpose of this article is to examine the teachings of Zarathushtra about death and later life. Therefore we give the characteristic of “conception” as a phenomenon of philosophy and conclude that the idea of the afterlife in Zoroastrianism, although it echoes with other religions, is a unique and self-sufficient system of knowledge.

Keywords: conception, Zoroastrianism, Zarathushtra, afterlife, religion.

Проблема соотношения жизни и смерти, телесного и духовного является одним из наиболее актуальных вопросов для всех мировых религий и религиозных учений на протяжении многих веков, в этой связи **целью** настоящей публикации является выявление дифференциальных черт концепции загробной жизни в зороастризме.

Поставленная цель достигается путем решения следующих **задач**: 1) дать определение понятию «концепция»; 2) рассмотреть учение Заратуштры о смерти и загробной жизни; осмыслить основные содержащиеся в нем идеи; 3) выявить отличительные черты таких понятий, как смерть, суд после смерти, рай, ад, Последний суд.

Постановка проблемы. Несмотря на то, что в терминологическом аппарате современной науки понятие «концепт» и его производные становятся все более востребованными и употребляются по отношению к широкому спектру проблем и вопросов, до сих пор не выведена универсальная дефиниция данного термина, которая смогла бы отразить семантическое многообразие, вкладываемое в него лингвистами, литературоведами и культурологами.

Слово «концепт» плотно закрепляется в терминологическом арсенале гуманитарных наук на рубеже XX – XXI веков для обозначения ряда абстрактных понятий, таких, например, как результат мыслетворчества философов (Жиль Делез, Феликс Гваттари).

Изучив множество определений «концепта», мы считаем уместным процитировать только те из них, которые являются актуальными для нашей работы. Так, представители Воронежской лингвистической школы (З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) понимают концепт как глобальную мыслительную единицу, репрезентируемую различными языковыми средствами. Российский ученый, филолог и семиотик Ю. С. Степанов в

монографии «Константы: словарь русской культуры» определил концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [6, с. 13]. Основываясь на этой дефиниции, можно прийти к выводу, что общекультурные концепты, объединяясь в определенную систему миропонимания и мировосприятия, организуют концепцию, которая в свою очередь может быть присуща как одному человеку – и тогда речь идет об авторской концепции, так и коллективному сознанию – в этом случае мы говорим о культурных константах и общенациональных доминантах в коллективном сознании.

Философский энциклопедический словарь трактует концепцию как «основную точку зрения на предмет, руководящую идею для его систематического освещения» [7]. Под «концепцией» в настоящей работе мы понимаем определенный способ трактовки явления загробной жизни в одной из религиозных систем – зороастризме.

Как известно, современная концептология традиционно идентифицирует любую концепцию на основании выявления ее дифференциальных признаков по отношению к другим системам взглядов по сходной проблематике. Исследование концепции в любой из сфер гуманитарного знания предполагает поэтапную работу следующего характера: 1) определить условия происхождения концепции, ее соотношение с другими мировоззренческими системами на диахронном срезе; 2) охарактеризовать принцип построения концепции, выделяя при этом ее центральные и периферийные зоны (т.е. приоритетные, или ядерные, и опциональные концепты); 3) проанализировать смысловые изменения, произошедшие в пределах данной концепции за время ее активного функционирования в определенном социуме.

Несмотря на то, что, по утверждению З. Д. Поповой, «моделировать структуру концепции в принципе невозможно» [5, с. 5], изучение избранной нами концепции загробной жизни в зороастризме предполагает, прежде всего, определение ее модели и выделение в ней основных, базисных составляющих (таких, например, как рай и ад, Последний суд и др.)

Результаты исследования. Небезызвестно, что отдельное место в учении Заратуштры и вообще в зороастризме отводится вопросу о смерти и загробной жизни. Данная проблема интересовала людей как до появления вероучений пророка, так и после него, и Заратуштра не стал исключением. Уже в религии, на основе которой был сформирован зороастризм, существовало представление о рае и аде и переходе души из мира живых в мир мертвых. Но раньше достичь блаженства после смерти могли лишь те, кто приносил щедрые жертвы богам и за которых просили потом родственники с помощью таких же щедрых жертвоприношений. Подобная роскошь была доступна немногим, а, значит, и в рай попадали единицы. Заратуштра внес кардинальное изменение в эту концепцию. Он говорил о том, что в момент суда над душой после смерти все будут равны, и каждый будет оцениваться по его заслугам, а не по количеству жертв.

По представлениям зороастрийцев, после смерти человека душа в течение трех дней еще находится в мире живых, подводя итоги собственной жизни. После чего, на утро четвертого дня, душа отправляется на суд, который происходит на «Мосту–Разлучителе». Это мост, по которому душа поднимается к небесам. Наверху умершему уготован рай, а под мостом расположена пропасть, ведущая в царство Ангра–Минью, в «Худшее бытие», или, иначе говоря, в ад.

Мост представляется как место суда над душой, который возглавляет Митра, а чаши весов правосудия держат Сраош и Рашну. В одной чаше находятся

все благие мысли, слова и поступки, в другой – злые. В зависимости от того, что перевесит (доброе или злое), душа отправляется либо в рай (Фардус, Парадис), либо в ад (Худшее бытие, Ачишта–Ах, Дузах).

По окончанию суда мост либо расширяется, и душа шествует в царство Ахура–Мазды, или же мост сужается, и душа не может идти дальше, падая в пропасть в «Худшее место» к Ангра–Минью.

На мосту душу умершего также встречает олицетворение совести человека, принимающее различные облики. Так, в работе Мэри Бойс имеется следующее описание: «...Если добрых дел и мыслей больше, то душа считается достойной рая. Тогда, ведомая прекрасной девушкой, олицетворением собственной совести каждого (называемой даэна – буквально, «вера», собственно, «правильная вера»), она пересекает широкий мост и устремляется вверх. Если же весы склоняются в сторону зла, то мост сужается и становится словно лезвие клинка, а отвратительная ведьма, встречая душу, пересекающую мост, хватает ее и тянет вниз, в ад – в «жилище Дурного помысла»...» [2, с. 39]. Интересно, что в других работах даэной называют не только воплощение правильной веры, но и злую женщину–демона.

Что касается представлений о рае, а точнее месте, подобном раю, то оно отличается от того, которое мы можем встретить, например, в христианстве. В зороастризме рай может наступить только тогда, когда будет побеждено все зло и эра «Смещение» закончится. Согласно учению Заратуштры, Ахура–Мазда создал материальный мир как нечто совершенное, поэтому именно он и есть лучшее место. Значит, души, попавшие в рай, не смогут полностью отдаться наслаждениям, поскольку будут ждать победы над злом, ведь счастье наступит только после обретения физического тела в период Фрашегирд или «Чудоделанья».

Несмотря на то, что в раю умерший не обретет полного счастья, его все же ждут покой и наслаждения, в отличие от тех душ, которые окажутся во владениях Ангра–Минью. «...Пища обитателей рая вкусна, имеет приятный запах, хорошей усваивается и очень аппетитна, в то время как пища обитателей ада перемешана с гноем, кровью и нечистотами...» [3].

Изначально в учении Заратуштры и в Авесте нет четких указаний на структуру рая или подробного описания жизни там, но в последующие периоды такие представления сформировались. В раю выделяются 4 уровня, и каждая душа попадает на какой-либо из них. Так, на первом уровне обитают души тех людей, у которых были добрые помыслы, но они не выразили это словесно или в делах. Второй уровень занимают обладатели добрых помыслов и добрых слов. На третьей ступени обитают души людей, которые имели добрые мысли, помыслы и совершали благие поступки. Самую вершину занимают наиболее праведные, которые вдобавок ко всему почитали богов, молились Ахура–Мазде и другим богам, соблюдали ритуальную чистоту и иные религиозные ритуалы. Четвертый уровень рая называется Ангра–Руча (Бесконечное Сияние) и именно там обитает Мазда с другими ахурами.

Ад также имеет четырехуровневую структуру, на самом низшем уровне которой обитает Ангра–Минью, и он считается самым страшным и зловещим. Ад практически повторяет рай, но на оборот, со знаком минус. Так, на первом уровне находятся люди со злыми помыслами, на втором со злыми мыслями и словами, на третьем те, кто еще и совершал несправедливые дела. В аду душа обречена на страшные муки и страдания. Обитая в постоянной тьме, она будет подвергаться мучениям Ахримана (Ангра–Минью). Но даже там муки ее не будут вечны, и души «грешников» обретут спасение во время Последнего суда, поскольку, когда они исчезнут, их пытки и страдания прекратятся.

Самыми страшными грехами в зороастризме являются: несоблюдение ритуальной чистоты, осквернение огня и земли мертвым телом и т.д. Согласно Авесте, наибольшими грехами считаются закапывание мертвых тел людей и собак, а в дальнейшем, когда основным культом в зороастризме стал культ огня, самым большим грехом стало считаться трупосожжение. Благими поступками и занятиями признается почитание Ахура–мазды и других ахуров, выкапывание мертвых тел, возделывание земли и т.д. В то же время есть некоторое «ослабление» для людей, которые не исповедовали зороастризм и новообращенных, многие из грехов им «не засчитываются». Об этом есть упоминание в Авесте: «...а если будет не клявшийся или непросвященный по Вере маздаяснийской, то освобождается от этой [вины] клятвами по Вере маздаяснийской – не творить впредь неподобающих дел» [1, с. 91].

Помимо ада и рая, в учении Заратуштры было и место для душ, у которых добрые и злые мысли, слова и дела уравнивали друг друга. Это место называется «Место смешанных» (Мисван–гату) где души «...как и в старом подземном царстве мертвых, ведут мрачное существование, лишённое и радости, и печали» [2, с. 39].

Отметим, что представления о загробной жизни зороастрийцев для исследователей не всегда были понятны, но облегчила задачу расшифровка фрагментов надписи, сделанная в Накше–Рустаме в эпоху Сасанидов главным жрецом Картиром: «<...> душа после смерти отправляется к вершине “Горы Справедливости” (Харе) и должна перейти через мост Чинват, имеющий сверхъестественные свойства. Когда к мосту приближается праведник, он расширяется и становится доступным для прохода по нему. Когда по мосту пытается пройти ритуально нечистый, грешный человек, мост сужается до толщины лезвия меча и грешник падает в бездну...» [4].

Завершает весь комплекс концепции о загробной жизни представление о Последнем суде. Заратуштра предрекал, что в конце эры «Смешения», когда зло будет в большей своей части побеждено, начнется эра «Разделения», она же плавно сольется в эру «Чудоделания» и сомкнет круг. На стыке «Смешения» и «Разделения» произойдет Последний суд. Во время него будет восстановлена высшая справедливость, и на земле наступит рай, грешники вторично умрут, обретя освобождение от мук, а души праведных получают телесные оболочки и смогут быть бесконечно счастливы. Последний суд начнется, когда бог дружбы Аирйаман вместе с богом огня Атар расплавят металл в горах. Он будет течь по земле, а души умерших и живые люди пойдут по нему, и те, кто жил согласно добродетелям, будут спокойно идти по металлу, будто по молоку, а грешники переживут вторую смерть. Раскаленный металл стечет в царство Ахримана и уничтожит его и последних демонов даэва.

Согласно учению Заратуштры, после полного уничтожения будет принесена последняя жертва, на земле воцарится рай и не будет смерти.

Выводы. Рассмотрев учение Заратуштры и основы вероучения зороастрийцев, мы видим, что в этой религии есть довольно четкая концепция загробной жизни, которая включает в себя определения и подробное описание структуры таких концептов, как рай и ад, посмертное воздаяние и последний суд. Представления зороастрийцев во многом перекликаются с доктринами возникших позднее христианства и других религий, но и имеют свои характерные черты, свойственные только этой религии. Например, представление о том, что рай наступит только после полного уничтожения зла и только в телесном, материальном мире, а души грешников не обречены на вечные муки и в итоге они обретут освобождение.

Библиографический список

1. Авеста в русских переводах (1861-1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И.В. Рака. СПб.: Журнал «Нева», 1997. 480 с.
2. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 288 с.
3. Вопросы смерти в религии зороастризма [Электронный ресурс] – <http://www.zoroastrian.ru/node/1266> (дата обращения 13.03.2017).
4. Зороастризм [Электронный ресурс] – <http://www.apologia.ru/mddb/179> (дата обращения 13.03.2017).
5. Попова З. Д. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание. Воронеж, 2002. С. 4–8.
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
7. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // М.: Советская энциклопедия, 1983. – http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2537/КОНЦЕПЦИЯ

УДК 821.111

Хлыбова Н.А., Краснова А.О. Генетические особенности путевых дневников и путеводителей

Genetic features of travel diaries and travel guides

Хлыбова Наталия Александровна
заведующая кафедрой иностранных языков №2, кандидат филологических наук, доцент

Краснова Алина Олеговна
Студентка Института иностранной филологии
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского

Khlybova Natalia Alexandrovna
head of the department of foreign languages №2,
Candidate of philological sciences, associate professor
Krasnova Alina Olegovna
Student of the Institute of Foreign Philology,
Crimean Federal V.I. Vernadsky University
nathaliekhlybova@yandex.ua
alinenok1992@yandex.ru

Аннотация: Целью данной статьи является исследование генетических особенностей путевых дневников и путеводителей. В работе были использованы структурный и описательный методы. В статье рассматривается 2 вида литературы путешествий «путеводитель» и «путевой дневник», прослеживаются их основные генетические черты. Объектом исследования являются путевой дневник *The Pylgrimage of Sir Richard Guylford to the Holy Island, A.D. 1506*, и путеводитель Карла Бедекера *Central Italy and Rome*.

Ключевые слова: литература путешествий, путеводитель, путевой дневник, паломнический тур.

Abstract: The aim of the article is a study of genetic features of travel diaries and travel guides. The descriptive and structural methods were used. The article provides classification of travel literature. It also demonstrates the concepts of “travel guide” and “travel diary”; their main genetics characteristics. The travel diary *The Pylgrimage of Sir Richard Guylford to the Holy Island, A.D. 1506* and Travel guide of Karl Baedeker *Central Italy and Rome* were analyzed as an object of study.

Keywords: travel literature, travel guide, travel diary, pilgrimage tour.

Для полноценного исследования жанра литературы путешествий, при всем её многообразии, необходимо обратиться к истории развития данных форм, и исследовать генезис с их соответствующими структурными характеристиками. Литература путешествий довольно разнообразна и включает в себя несколько

разновидностей: *путевой дневник* и *туристические книги и журналы* (включают в себя путеводители).

Путевой дневник это один из предшественников современных путеводителей. *Дневник* – это произведение, написанное от первого лица в форме ежедневных (чаще всего с указанием даты) или периодических записей, современных описываемым событиям. Прототипом дневников послужили корабельные бортовые журналы, хроники военных кампаний, заметки о путешествиях. «*Путеводитель* – важнейший источник информации о природных, экономических и культурно-бытовых особенностях страны, визитная карточка народа, обеспечивающая связь между представителями разных стран в культурном пространстве» [2, с. 678].

Предшественники путеводителей появились ещё в древности. По принципу путеводителя построена, например, книга древнегреческого историка Павсания «Описание Эллады», в которой подробно рассматриваются достопримечательности греческих областей и городов. Существовавшие в Древнем Риме прообразы путеводителя, дорожники (*Itineraria*), были двоякого рода: *Itineraria adnotata или scripta* – расписания дорог, которые содержали только названия и расстояния до мест, лежащих по известному пути; *Itineraria picta*, состоявшие из измерений расстояний и географических карт [3].

В Средние века создавались литературные произведения, содержащие описания маршрутов для паломников. Можно выделить два жанра такой литературы – собственно путеводители (практические сведения и рекомендации по маршруту) и «хождения» (описания совершённых путешествий) [1]. Первым из дошедших до нас средневековых «путеводителей» считается «Бордоский путник», составленный жителем города Бордо, посетившим в 333 году Константинополь и Иерусалим [5].

Самые древние из известных образцов этого жанра в Древней Руси – «Житие и хождение» игумена Даниила в Иерусалим и Святую землю (начало XII века), уникальное по своей исторической ценности, и «Книга Паломник» Антония, архиепископа Новгородского, о его «хождении» в Царьград (конец XII века). А самый известный и, наверное, самый совершенный – «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Обилие и достоверность фактического материала в его записях были для своего времени ценным источником информации об Индии и Персии.

Ранний свой вклад в развитие изучаемого жанра внёс Томас Уэст, английский священник, который популяризировал идею путешествовать ради удовольствия. Им был создан путеводитель по Озерному краю, опубликованный в 1778 году. [1, с. 10].

Начало современного этапа истории развития путеводителя как жанра географической литературы и как специального типа книжного издания связано с именем Карла Бедекера (1801–1859), основавшего в 1827 году в немецком городе Кобленце издательство путеводителей по различным странам, их столицам и другим городам [1, с. 11]. Одним из примеров такого путеводителя может служить *Central Italy and Rome*. Его объем составляет 362 страницы с большим количеством карт разного формата. На титульной странице указаны название путеводителя, автор и количество карт (7), схем городов и некоторых достопримечательностей (12), панорама города Рима (1). Описания маршрута путешествия, природы и основных достопримечательностей разработаны в мельчайших деталях. Путеводитель состоит из 5 частей. Следует уделить также внимание самому содержанию книги, так как оно довольно обширное и имеет некоторые особенности. Во-первых, все цифры в номерах страниц римские. Во-вторых, в конце путеводителя предоставляется не только *Index*, но и *List of the*

streets in the plan of Rome. В самом путеводителе много планов городов, в которых легко можно запутаться и для удобства был разработан этот подпункт. В-третьих, в содержании отдельно есть подпункт *Plans of cities*, где даны названия городов и указаны номера страниц. Есть подпункт *Abbreviations*, где даны все сокращения, которые есть в тексте, и пояснения к ним.

Дальнейшее становление жанра было тесно связано с появлением и развитием транспортной инфраструктуры (в первую очередь железных дорог и пароходного сообщения). Путешествия для развлечения (то есть собственно туризм) стали доступными не только привилегированным слоям общества, но и средне- и даже малообеспеченной его части.

При рассмотрении литературы путешествий следует уделить внимание основным структурным особенностям, характерным как для исторических путевых дневников, так и для современных: соблюдение хронологии, монологичность и неретроспективность [4, с. 37-38].

Большинство из этих черт присущи путевому дневнику Ричарда Гилфорда – *The Pylgrymage of Sir Richard Guylford to the Holy Island, A.D. 1506*. По объему дневник довольно небольшой и состоит из 120 страниц. В начале и в конце издания есть несколько иллюстраций, на первой странице нарисован герб семьи Гилфордов, а на последней – семейная печать с большой буквой Р посередине. Путеводитель написан на ранненовоанглийском языке, поэтому текст довольно сложно воспринимать, так как многие слова имеют иную грамматическую форму и иногда приходится догадываться о значении того или иного слова, повествование ведётся от первого лица. Он не рассчитан на массовую аудиторию. Только паломническая направленность определяется в произведении довольно подробно описываемым маршрутом и религиозных святынь, как и примерной длительностью путешествия, в данном случае, по

морю. Очень редко и довольно скупо автор выказывает свое отношение к путешествию. Его целью не является привлечение внимания других паломников, он, скорее, предстает как свидетель событий, отстраненно описывая их.

Данный путеводитель состоит из нескольких частей. *Introduction* приводит биографию Ричарда Гилфорда, краткое содержание книги и обращает внимание на то, что само произведение написано от руки священника, который путешествовал вместе с Гилфордом. Глава дается довольно развернуто и занимает 10 страниц. *Family Tree* – несколько страниц, где проиллюстрировано фамильное древо семьи Гилфордов. *Main body* – основная часть произведения, где и ведётся рассказ о самом путешествии. *Epilogue* – священник описывает путь домой и смерть Ричарда Гилфорда. Также редакторы предоставляют примерное содержание книги. *Index* – алфавитный указатель с ключевыми словами из текста и номерами страниц к ним.

Основная часть книги поделена на отдельные заголовки, которых всего 12. Вводная часть – рассказ о путешествии Гилфорда в Венецию, где проходил религиозный праздник. Сам город проиллюстрирован автором как один из красивейших городов. Описание довольно подробное и занимает не менее 10 страниц. Очень поверхностно дан рассказ о посещении Греции и Кипра. Значительной характеристикой в тексте выступают заголовки: *Firste of our landyna at Jaffe* – прибытие в порт древнего Израиля; *Pylgrymage of mounte Syon* – автор описывает само место, рассказывает различные истории, связанные с ним (*рассказ о месте, помеченном красным камнем, где святой Матвей был избран в апостолы*); *Pylgrymage within the Temple of the Holy Sepulcre* – подробное описание храма. В данной заголовке есть подпункт под названием *of the procession done there*, в котором говорится о том, что они вошли в Храм в тот момент, когда велась погребальная церемония; *Pylgrymages within Iherusalem* –

посещение религиозных святынь и их подробное описание; *Pylgrymage into the vale of Josophat* – автор дает много фактов из истории города или приводит рассказы из Библии; *Pylgrymage at the Mounte of Olyuete* – герои книги проходят путь Иисуса, и автор это записывает, приводя много цитат из Библии (*Sedete hic, donec vadam illuc et orem; Si cognouisses et tu*); *Pylgrymage of the vale of Syloe*; *Pylgrym to Bethlem* – посещение Церкви Пресвятой Богородицы (*churche of our Lady*), где родился Иисус Христос. Автор называет это место, как *wonder fayre cytell Chapell, at the highe aulter wherof is the very place of the byrthe of our Lord*; *Pylgrym to Mountaine of Jude*; *Pylgrymage of Bethangue*; *Pylgrym to Jordan*; *of the Temple of Salomon*.

Абзацы расположены по всей длине страницы, в основном, короткие, за исключением тех случаев, когда автор описывает какую-либо святыню. Каждый абзац непременно начинается со дня недели, числа, и, реже, месяца. Путешествие началось в апреле на Пасху и продолжалось до конца зимы. Описания природы и городов довольно скупы и весьма объективны. Внимание автора сосредоточено в основном на тех местах, где есть большое количество религиозных реликвий, и только они освещаются подробно. Например, по прибытии в Венецию, герои произведения посещают могилы святых (*tombes of Antenore of Troe and of Tytus Luuyus, tombes of seynt Luke and seynt Mathye*) и описывают их в деталях. Если автор и говорит о природе (*например, о реке Роо, которая делится на две части*), то эти наблюдения весьма точны, и излагаются как сухие факты, без эпитетов и метафор, как это принято в современных путеводителях. Периодически автор высказывает свое мнение о каком-либо городе или реликвии (*...It is the strongest towne of walles, towed, watches, and wardes that ever I sawe in all my life...*). Часто в произведении присутствуют неполные предложения и неправильный порядок слов.

Особое внимание уделяется системе исчисления. Автор пишет не арабскими, а римскими цифрами, и примечательно, что перед каждой цифрой и после неё ставятся точки.

В тексте много значительных и содержательных ссылок на Библию, приводятся легенды, связанные с несколькими достопримечательностями в Израиле (... *And so this day a foresayle we vusyted all ye longe wey by the whiche our Sauyour Christe was led frome the house of Pylate unto the place of his crucyifyinge...*).

Таким образом, проанализированные источники показали взаимопереплетение основных характерных особенностей двух видов литературы путешествий – путевого дневника и путеводителя (наличие *introduction, main body u index*; карты и иллюстрации различного формата и характера; присутствие автора в тексте и неретроспективность). Этот аспект можно считать генетической характеристикой с точки зрения структуры.

Библиографический список:

1. Антонова З. В. Становление и развитие путеводителя как вида издания / З. В. Антонова. – М.: МГОУ, 2006. – 56 с.
2. Большая советская энциклопедия / под общ.ред. С. В. Прохорова, Т. Н. Криворук. – М.: Русский язык, 1975. – 700 с.
3. Любкер Фридрих. Реальный словарь классических древностей / Под ред. С. В. Шевкуна. – М.: Москва, 2001. – 453 с.
4. Рудзиевская С.В. Дневник писателя в контексте культуры XX века / С.В. Рудзиевская // Филологические науки. – СПб. – 2002. – №2. – с. 37
5. Хитрово В.Н. Бордосский путник / Хитрово В.Н. // Православный Палестинский сборник. – СПб. – 1882. – Т. 1. – С. 78 – 80.

СЕКЦИЯ 2. ФОЛЬКЛОР И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК: 811.112.2: 801.81

Елыманова Н.Н. Символы в немецком фольклоре на материале народных песен и сказок

Symbols in German folklore on the material of folk songs and fairy tales

Елыманова Наталия Николаевна,
студентка института иностранной филологии,
кафедра немецкой филологии,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь
nataliel_2012@mail.ru
Научный руководитель:

Перепечкина Светлана Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии института
иностранной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г.
Симферополь

Yelymanova Nataliya Nikolayevna,
student of Institute of Foreign Philology,
Department of German Philology,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
Scientific adviser:

Perepechkina Svetlana Evgenyevna,
Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Institute of Foreign
Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие «символ», а также его трактовки, имеющиеся в теоретической литературе. Целью статьи являлось исследование национальных символов, представленных в немецком фольклоре (песни, сказки). На основе анализа символов, выделенных путем направленной выборки, была составлена их классификация. Отмечено также, что изученные символьные образы раскрывают особенности немецкой национальной культуры.

Ключевые слова: немецкий фольклор, символ, народная сказка, народная песня, национальная культура.

Abstract: In this article the concept of "symbol", as well as its interpretations in the theoretical literature was considered. The study of national symbols represented in German folklore (folk songs and fairy tales) was the purpose of the article. The classification was made on the basis of the analysis of symbols detected by the directional selection. Also it was noted that the studied

symbolic images reveal the peculiarities of the German national culture.

Keywords: German folklore, symbol, folk fairy tale, folk song, national culture.

Введение. Символы представляют собой одну из основополагающих составляющих культуры народа, формировавшуюся на протяжении столетий. Они национальны, ведь представление о мире, применительно к отдельным этносам, характеризуется специфическими маркерами, не свойственными другому этносу или этнической группе. Знание символов и их значений определяет уровень владения культурой нации. Эта культура, материализованная и закреплённая в знаках живого языка, называется лингвокультура.

Проблема взаимодействия языка и культуры привлекает внимание ученых конца XX – начала XXI веков. Одно из центральных понятий в лингвистических исследованиях – символ. Многочисленные исследования этого понятия могут быть зафиксированы также и в других областях знаний, прежде всего в философии, семиотике, психологии, филологии, мифопоэтике и фольклористике. Во всех этих трудах понятие «символ» является многозначным. Некоторые ученые трактуют символ как знак, наделенный многозначностью образа (С.С. Аверинцев, В.В. Виноградов, А.Ф. Лосев, Н.Д. Арутюнова). Согласно другой точке зрения, символ отождествляется с понятием (Б.В. Марков). В некоторых других работах можно проследить синтез этих двух подходов, то есть символ воплощает и образ, и понятие одновременно (В.В. Колесов, А.А. Потебня). В любом случае, все они единогласно признают, что символ есть способ воплощения какой-либо культурной идеи нации.

Несмотря на уже имеющиеся научные труды в этой области, вопрос символики в литературе, а именно в немецком фольклоре, еще недостаточно изучен. В связи с данным фактом в работе поставлена следующая **цель:**

лингвокультурологическое исследование национальных символов, представленных в немецком фольклоре (песни, сказки) и выделенных путем направленной выборки, а также составление классификации символов на основе их анализа.

Поставленная цель достигается путем решения следующих **задач**:

- обозначить понятие «символа» как знака культурного сегмента лингвокультуры;
- выявить особенности символов, свойственные немецким мифам, сказкам и песням;
- составить классификацию символов по результатам анализируемого фольклорного материала.

Фактическим материалом исследования послужили около 20 сказок и 100 песен немецкого фольклора, представленных на языке оригинала.

Методика исследования основана на использовании метода лингвокультурологического описания, гипотетико-дедуктивного метода, метода направленной выборки и аналитического метода.

Результаты исследования. Язык и культура находятся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии. В языке отображаются как окружающая действительность и вещественный мир, так и традиции, обычаи, моральные принципы, образ жизни и т.д. Единица, синтезирующая в себе оба связанных феномена, называется «лингвокультурема». Кроме сегментов языка (языкового значения), она включает еще и сегменты культуры (внеязыкового культурного смысла). Каждый сегмент культуры представлен в языке соответствующим определенным знаком [4, с. 141]. Символ как знак предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания. Символ – это представление об определенном «предмете», выполняющем

символьную функцию, который был осознан, переосмыслен и занял свое место в культуре [1, с.17].

Средоточием образности, по словам Масловой В.А., является фольклор, объединяющий «различные элементы народной духовной культуры: мифы, верования, народную философию, народную педагогику, эстетические взгляды и представления, художественные вкусы, мораль и идеалы и т.д.» [2, с. 104]. Фольклор – это отражение души народа. Можно проследить, как он развивался, чем жил, какие вопросы интересовали его в тот или иной период становления. Устное народное творчество во всем многообразии составляет неповторимый облик этноса, уходящий своими корнями вглубь веков. В фольклоре непосредственно отражается культура нации, поэтому количество символов, каждый из которых характеризуется определенными качествами, функциями, сферой употребления, в любом языке очень велико.

Анализируя произведения национального фольклора, в частности сказки и песни, можно заметить мотивы, повторяющиеся во многих из них. Как раз они и называются национальными культурными символами, то есть символами, которые многократно находят отображение в различных произведениях, народных и авторских.

В результате детального исследования немецких песен и сказок, обладающих национальным и фольклорным характером, для упорядочения и выстраивания структуры все обнаруженные символы были распределены по следующим группам:

1. Мистические (*der Weg, der Teufel, der Wald, das Schwert, das Wasser, der Stern usw.*)
2. Аллегорические (*der Wolf, der Hase, der Hund, die Linde, der Klee, die Rose, der Kuckuck, der Rabe, usw.*)

3. Социально-бытовые (*der Tisch, das Haus, der Brunnen usw.*)
4. Математические (*zwei, drei, sieben, acht, usw.*)
5. Цветовые (*blau, grün, rot, weiß, schwarz, usw.*)

Анализ произведений немецкого фольклора показал, что к **мистическим символам** относятся дорога, лес, черт, меч, вода и др. Доминирует в фольклорных произведениях символ лес (*der Wald*). Он представляется как место обитания и присутствия священных объектов, то есть языческих богов. Наиболее часто в народных песнях («*Du edler, grüner Wald*», «*Herzlich tut mich erfreuen*», «*Es ritten zwei Herzliefchen*» и др.) лес характеризуется эпитетами *grün* и *liebe*. Каждое германское племя имело свой священный лес или рощу, которые очень почитались, там же проводились жертвоприношения и религиозные обряды, а также назначались собрания и решались общественные дела [3].

Следующая группа символов – **аллегорические**. На примере фольклорных символов из этой категории можно увидеть, что значение некоторых не оставалось постоянным, но приобретало новые оттенки. В народных песнях и сказках отражаются изменения в понимании символов, происходившие с течением времени. Среди аллегорических следует обозначить такие символы, как липа, кукушка, клевер, ворон, дуб и др. Так, например, lipa (*die Linde*), считавшаяся в германской мифологии священным деревом богини плодородия Фрейи, для германцев ассоциируется со словом «Родина», а вместе с началом христианизации символизирует жизнь. В народной песне «*Der Mai ist gekommen*» шелест ветвей липы приносит успокоение и мир: «...so lieg' ich zur Nacht.../im Winde **die Linde**, die rauscht mich ein gemach..» [8]. Кроме того, она была местом встречи и росла обычно в центре деревни, недалеко от церкви. Неоднократно описываются хороводы вокруг нее и другие обряды. Во многих песнях, таких как «*Und wieder blühet die Linde*», «*Hoch auf dem gelben Wagen*» и

«*Da droben vor meines Vaters Haus*» [8], отражается любовь молодежи к этому дереву, приходившей на встречи под липой с большим удовольствием.

Кукушка (*der Kuckuck*) – это еще один аллегорический символ, несущий положительный смысл. В немецких народных песнях он ассоциируется со временем. Например, в песне «*Erwachtet ihr Schläfer drinnen*» крик кукушки возвещает начало дня, а в песне «*Nicht lange mehr ist Winter*» тепло, приход весны и наступление солнечных дней. Ее крику присущи эпитеты *lustig, lächerlich, fröhlich* в песнях «*Im grünen Wald, dort wo die Drossel singt*», «*Herzlich tut mich erfreuen*», «*Ein Jäger aus Kurpfalz*» [8]. В песне «*Ein Schäfermädchen weidete*» [8] кукушка – символ счастья.

Дуб (*die Eiche*) является одним из древнейших немецких национальных символов. Твёрдая древесина и характерные листья дуба еще со времён германцев стали символами бессмертия, стойкости, как в народной песне «*Die alte Eiche*». Затем в более поздних песнях к этому значению добавились другие. Дуб стал символом верности и справедливости. В швабской сказке «*Das Vöglein auf der Eiche*» дуб выступает справедливым карателем за злые дела [7, S. 9-11]. А в народной сказке «*Der Teufel und die Eiche*» он символ защиты от злых сил и помощник [5, S. 256].

Ворон (*der Rabe*) в немецком устном народном творчестве, был символом мудрости и силы. Примером этому может служить сказка «*Der Salbyer Rabe*» [6, S. 218–231].

К **социально-бытовым символам** принадлежат дом, печь, веретено, колодец и другие. Символ колодец (*der Brunnen*) очень важен для немецкого народа, так как предстает пред нами как дающий воду и вместе с ней жизнь, как, например, в народных песнях «*Wie ist der arme Mensch veracht*», «*Der Wächter auf dem Turme saß*», «*Es ritten zwei Herzliebchen*» [8].

Математические символы в немецком национальном фольклоре – это 2, 3, 4, 6, 8, 12 и т.д. Часто они фигурируют с самого начала – в названиях. Например, мы видим цифру *два* в заголовках таких песен: «*Wenn ich zwei Vöglein wär*», «*Es waren zwei Königskinder*», «*Es ritten zwei Herzliebchen*», «*Auf dem Donnerbalken saßen zwei Gestalten*», «*Stehn zwei Stern am hohen Himmel*», «*Es leuchten zwei Sterne am Himmel*», а цифру *три* – «*Es saßen drei Burschen um einen Tisch*», «*Es sungen drei Engel*», «*Die heil'gen drei König' mit ihrigem Stern*» [8].

Последняя группа, выделенная в классификации, – это **цветовые символы**, которые придают описываемому герою или предмету окружающей действительности как детальную, так и объективную характеристику. В группу входят такие цвета: *gelb, rot, weiß, schwarz, blau*. В народной песне «*Grün, grün, grün sind alle meine Kleider*» [8] в каждом куплете по 7 раз повторяется каждый цвет *grün, rot, blau, schwarz, weiß*, характеризую разные роды деятельности человека, каждому из которых свойственен тот или иной цвет.

Выводы. В данной работе приведены не все исследованные образцы, однако даже на примерах толкования отдельных, наиболее распространенных символов, встречающихся в немецком фольклоре, мы пришли к подтверждению того факта, что

- 1) в любом символе ярко отражены национальные особенности того или иного этноса;
- 2) национальная культура фиксируется в языке через разные виды устного народного творчества;
- 3) можно проследить изменения в восприятии символа народом, так как это находит отражение в оттенках значения, выраженных в народных песнях и сказках;
- 4) по характеру все символы в немецком фольклоре можно соотнести с

одной из выделенных групп символов – мистические, аллегорические, социально-бытовые, математические, цветовые.

5) декодировка символьных образов открывает особенности понимания того или иного предмета или явления, свойственные именно немецкой нации.

Библиографический список

1. Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectusphilologicus*. – № 7 (12). – М., 2005. – С.10 – 24.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 127 с.
3. Тацит П.К. О происхождении германцев и местоположение Германии: пер. с лат. – М.: АСТ, Ладомир, 2003. – С. 424 – 522.
4. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
5. Bauer E. Wien in seinen Sagen. – Weitra, 2002. – 321 S.
6. Grundtvig S. Dänische Volksmärchen. – Leipzig: Joh. Barth, 1999. – 274 S.
7. Meier E. Deutsche Volksmärchen aus Schwaben. – Stuttgart, 2001. – S. 9 – 11.
8. Schellenberg E. Das deutsche Volkslied. Ein Hausschatz von über 1000 der besten deutschen Volkslieder. – Berlin, 1915. – 376 S.

СЕКЦИЯ 3. МИФОЛОГИЯ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 23/28

Лейбенсон Ю. Т. Великий Слепой как «христианин до Христа»: образ Гомера в литературе эпохи апологетов

The Great Blind person as "Christian before Christ": Homer's image in the literature of age of the Apologists

Лейбенсон Юлия Тарасовна,
ассистент кафедры
истории древнего мира и средних веков
исторического факультета
Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского

Leybenson Yulia Tarasovna, Teaching Assistant,
Department of the Ancient and Medieval History,
Faculty of History, V. I. Vernadsky CFU

Аннотация: Сегодня ни один исследователь гомеровского вопроса не возьмется настаивать на историчности Гомера. Между тем, древность, как и средневековая эпоха, не сомневались в существовании великого рапсода. Сложился целый корпус легенд о Гомере: он объявлялся сыном божества, участником Троянской войны. Гомер понимался как образцовый поэт и в средневековую эпоху, посредством византийской культуры с ним познакомилась Русь. Гомера считали «христианином до Христа», в «Илиаде» и «Одиссее» находили свидетельства знакомства рапсода с Библией. Все это стало возможным благодаря той интеллектуальной работе, которую проделали христианские апологеты II-III веков, объявившие лучшие достижения античной культуры вполне христианскими по духу, своеобразными «детоводителями ко Христу» для язычников. В свою очередь, методы согласования гомеровской поэзии и библейской религиозной мысли апологеты заимствовали у представителей эллинистического иудаизма: Аристобула, Филона, Иосифа Флавия.

Ключевые слова: апологетическая литература, иконография, рецепция античности.

Abstract: Nowadays any researcher of a homeric question won't undertake to insist on Homer's historicity. Meanwhile, people of antiquity, as well as a medieval era, didn't doubt that great rhapsode existed. There was a case of legends of Homer: he appeared the son of a godhead, or the participant of the Trojan war. Homer was understood as the exemplary poet and during a medieval era, by means of the Byzantine culture Russia has got acquainted with him. Homer was considered "the Christian before Christ", people found the evidence of acquaintance of a rapsode to the Bible in "Iliad" and "Odyssey". All this has become possible thanks to that intellectual work which was done by Christian apologists of II-III centuries AD. They proclaimed the best achievements of ancient art

quite Christian on spirit, peculiar "child's leaders to Christ" for pagans. In return, apologists borrowed methods of coordination of homeric poetry and a bible religious thought representatives of the Hellenistic Judaism: Aristobulus, Philo Judaeus, Flavius Josephus.

Keywords: apologetic literature, iconography, antiquity reception.

В северной и западной частях галереи Благовещенского собора Московского Кремля, на пазухах сводов и простынках, помещены фигуры древних языческих мудрецов и Сивилл. Каждому из изображений сопутствует цитата в развернутом свитке, «изречение, близкое к христианскому учению». Так, Сократ держит «хартию» с надписью: «Доброго мужа никакое зло не постигнет. Душа наша бессмертна. По смерти будет добрым награда, а злым наказание». Есть среди образов древних мудрецов на фресках и фигура Гомера [3, с. 15-16]. Также и на створках медных врат Благовещенского собора евангельская сцена Благовещения и фигуры ветхозаветных пророков соседствуют с Ермием (Гермесом Трисмегистом), Гомером, Афродитианом Персиянином, Платоном, Еврипидом, Плутархом, Диогеном, Менандром. Гомер изображен рядом с Афродитианом Персиянином (вымышленное лицо средневекового апокрифического произведения). Цитата, начертанная рядом с фигурой Гомера, повторяет надпись на фреске галереи: «Светило земный возсияет во языцех. Христос ходити начнет странно и съвокупити хотя земная с небесными». Очевидно, что это псевдоцитата, но, по мнению иконописцев, Гомер действительно пророчествовал о Христе. Цитата была взята мастерами из «Поучения еллинских мудрецов», переводного сочинения, популярного на Руси в XVI-XVII вв. Еще одно изображение Гомера в русской иконописи – фреска в Николаевской церкви Отенского монастыря¹ [17, с. 365-368].

Нетрудно установить, что «еллинские мудрецы» появляются в русской культуре посредством усвоения греческих образцов. Паперть Благовещенского

собора Московского Кремля была расписана по примеру Афонского Иверского монастыря, где находим изображения Александра Великого, Аристотеля, Платона, Солона, Фукидида и Софокла [4, с. 144]. На фреске монастыря Большой Метеор соседствуют неопифагорец Аполлоний, раннехристианский апологет и мученик Иустин Философ, Гомер, философы Фукидид, Аристотель, Платон и Плутарх. Фигура Гомера сопровождается пояснением и псевдоцитатой в развернутом свитке: «Грек Гомер, поэт: Он придет к нам на землю, единственный владыка и будет явлен во плоти без всякого недостатка». Достаточно легко объяснить появление на фресках философов Платона и Аристотеля², моралиста Плутарха³. Но появление среди «христиан до Христа» древнего рапсода, воспевавшего битвы героев и козни олимпийских богов, требует отдельного объяснения.

В античную эпоху Гомер понимался как идеальный поэт, в его историчности древние не сомневались [6, с. 51]. Определение «божественный» было частым эпитетом героев в гомеровском эпосе (напр., II. I. 7; II. 335; III. 310; IV. 467, 601; VI. 318), и оно же стало прилагаться к имени самого Гомера (Plat. Ion, 530b) [23, p. 247]. Существовали различные версии происхождения поэта от бессмертных: от реки Мелес, от музы Каллиопы, от «демона, танцевавшего с Музами», от Аполлона и Эфусы, дочери Посейдона. Изображали апофеоз Гомера, увенчание его венком Ойкуменой и Хроносом, т.е. Миром и Временем (рельеф Архелая из Приены II в. до н.э.) [8, с. 413; 34, с. 109]. Обширная литературная традиция о Гомере уже в эпоху архаики приписывала его авторству множество произведений кроме «Илиады» и «Одиссеи»: «Гомеровские гимны», «гомеровские эпиграммы», «Маргита», «Войну мышей и лягушек», «Фиваиду»

и другие киклические поэмы (Paus. IX. 9. 5) [13, с. 73]. От Великого Слепца вели род хиосские Гомериды – династия поэтов-рапсодов. Цитаты и реминисценции из произведений Гомера рассыпаны по всей античной литературе: от произведений поэтов и философов до биографий знаменитых людей. Эсхил называл свои трагедии «крохами от великих пиров Гомера»; Тиртей вдохновлялся Гомером при создании маршевых песен [8, с. 413]. «Так и толпа песнопевцев бледнеет, Гомер, пред тобою,/ Самым блестящим огнем между светилами Муз» – писал Леонид Тарентский в III в. до н. э. [36, с. 131]. Гомер стал фигурой не просто поэта, но мудреца, сведущего во всех областях интеллектуальной деятельности: он первый и всезнающий географ у Страбона (Geogr. I. 1. 1-10), искусный оратор у Квинтилиана (Inst. Orat. X. 1. 46). В Гомере видели специалиста в военном искусстве, сельском хозяйстве, искали в приписываемых ему стихах рекомендации буквально на все случаи жизни.

Во II-III вв., когда христианство распространилось среди нееврейского населения Римской империи, далеко не все интеллектуалы-христиане из эллинов и римлян (по рождению, а главное, по языку и культуре) могли отказаться от наследия Гомера⁴. Но необходимо было принимать в расчет, что Гомер рассказывал непристойные истории о богах, и эти боги совершенно не похожи на Единого Бога Писаний. Сложно представить также, что герои Гомера могут служить примером добродетели для христианина.

Тем не менее, включение Гомера в ряд «христиан до Христа» произошло, а появление его на фресках христианских храмов даже в новое время пояснялось тем, что Гомер «выразил в своих сочинениях истины, близкие евангельскому учению, и тем самым открыл себе доступ в преддверия дома Божия» [3, с. 17]. Для того чтобы внести Гомера в перечень авторитетов древности, не только не

противоречащих Писанию, но и свидетельствующих о его подлинности, потребовался пересмотр легендарной биографии поэта и веские аргументы в пользу единобожия Гомера. Все это было сделано христианскими апологетами.

Апологетами принято называть христианских авторов II-III веков, писавших до эпохи Константина Великого⁵ [26, с. 25]. Наиболее известны Татиан, Ориген, Климент Александрийский, Иустин Философ, Феофил Антиохийский, Иринея Лионский, Афинагор Афинский, Ермий, Ипполит, Мильтиад, Минуций Феликс, Тертуллиан, Лактанций. Христианские писатели апологетической эпохи отстаивали положения веры перед лицом языческой власти (например, Иустин Философ адресовал свои «Апологии» императорам Антонину Пию и Марку Аврелию) и языческих философов (сочинение Оригена «Против Цельса»), а также полемизировавшие с иудейскими и гностическими общинами с целью показать их отличие от христианского учения и правоту христиан (такими были сочинения «Опровержение всех ересей» Иринея Лионского, «Диалог с Трифоном иудеем» Иустина). Но нельзя забывать о происхождении и интеллектуальных привычках апологетов. Это были уроженцы греческого и римского мира, воспитанные не в культуре Танаха, но в культуре Гомера и Вергилия. Языческая интеллектуальная традиция была актуальна и значима для христианских авторов, необходимо было дать ей какую-то оценку и найти применение в христианской жизни (или же отвергнуть вовсе). По отношению к «эллинской премудрости» апологетических авторов обыкновенно делят на две группы: избравших «позицию примирения» и «позицию отказа» (термины Л. Бриссона [5, с. 771-820]).

«Позиция отказа» обнаруживается в сочинениях Татиана, Гермия, Иринея Лионского и Ипполита Римского, а также Арнобия, Лактанция и Тертуллиана. В

текстах авторов, обозначивших «позицию отказа», находим идеи о ложном источнике мудрости языческих философов (от падших ангелов), о «плагиате» эллинов (крупницами настоящей премудрости они обязаны исключительно иудейской мысли). Необходимо помнить, однако, что христианские апологеты видели себя в качестве представителей философской школы, с той лишь разницей, что христианская философия была единственным истинным учением, а все остальные – ложными (точно так же, впрочем, о себе говорили стоики, скептики и последователи других философских школ). К тому же, философия, поэзия и искусство язычников были для апологетов привычным и хорошо знакомым культурным фоном. Так, позднее сочинение Тертуллиана «О плаще», казалось бы, призвано воздать почести паллию, плащу, четырьмя концами которого покрываются все свободные искусства и вместе с ними христианская философия. Но собственно о христианстве говорится крайне мало, основная часть трактата отведена тому, чтоб показать эрудицию автора в области языческого искусства и мифологии.

Представители «позиции примирения», жившие во II-III веках, более многочисленны: это Иустин Философ, Афинагор Афинский, Климент Александрийский, Ориген, Минуций Феликс [5, с. 793-794]. Они также поддерживали идею «плагиата» и в некоторых случаях суждение о ложном источнике языческой мудрости. Вместе с тем, указанные авторы находили «плагиат» достоинством языческих философов и поэтов. Кроме того, по мысли избравших «позицию примирения», некоторые язычники, даже не будучи знакомы с Писанием, «невольно» свидетельствовали об истине: ведь в них (как и в каждом человеке) действовал Логос. Таким образом, языческая философия – это такой же «детоводитель ко Христу» для эллинов, как и Ветхий Завет для

иудеев, и эта философия может оказаться полезной для христиан⁶. Наиболее последовательно эту позицию выражали Климент Александрийский и Иустин Философ. По Клименту, «виновником всяких благ является Бог, но одних, например, Ветхого и Нового Заветов – непосредственно, других же, например, философии, – опосредованно. Возможно, философия изначально была даром Бога эллинам до того, как Он обратился к ним явно. Ибо философия для эллинов – это то же, что закон для иудеев, а именно: наставник, ведущий их к Христу. Итак, философия является пропедевтическим учением, пролагающим и выравнивающим путь к Христу, который приводит ученика к совершенству» (Strom., I. 5. 28) [цит. по: 19, с. 91-92].

Иустин Философ говорил о действии Логоса в философах: «все те писатели посредством врожденного им семени Слова, могли видеть истину, но темно» (Apol. II, 13) [цит. по: 15, с. 119], а также о знакомстве языческих мудрецов с учением Моисея, то есть, о «плагиате» эллинов: «а чтобы вы знали, что Платон заимствовал от наших учителей, то есть из сказания, преподанного пророками, когда он говорил, что Бог изменил безобразное вещество и сотворил мир, – послушайте, как то же самое буквально сказано Моисеем, о котором было прежде упомянуто, как о первом пророке и древнейшем, нежели эллинские писатели» (Apol. I., 59) [цит. по: 14, с.89-19]. Иустин применил определение «христиане до Христа» по отношению к языческим мудрецам: «те, которые жили согласно с Словом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников: таковые между эллинами – Сократ и Гераклит и им подобные...» (Apol. I. 46) [цит. по: 14, с.77].

Среди языческих мудрецов, с которыми полемизировали и к авторитету которых апеллировали, апологеты отводили должное место фигуре Гомера.

Практически все указанные авторы получали базовое грамматическое образование, воспитывались на Гомере. Поэтому апологеты должны были дать ответы на следующие вопросы: приемлем ли Гомер для христианского чтения; если приемлем, то в какой мере; что у Гомера ложно, а что истинно.

В большинстве случаев для христианских авторов было очевидным, что боги Гомера – не Бог Писания. У Иринея Лионского (представитель «позиции отказа») легендарный рапсод вдохновляется не Единым Богом, а, скорее, теми же источниками, которые питали мысль гностиков. В его «Обличении и опровержении лжеименного знания» находим такие характеристики творчества Гомера: «не видишь ли, любезный друг, что эти учителя имели в виду больше Зевса Гомерова, который от беспокойства не спал, но все думал, как бы почтить Ахиллеса и погубить множество греков, чем Владыку вселенной, Который вместе с тем, как имеет мысль, и совершает то, что восхотел, и вместе с хотением имеет в мысли, что восхотел» (*Contr. Haeres. I.12.2*) [цит. по: 12, с. 55]; «и если Отец всего будет раб необходимости и должен уступать судьбе, неохотно терпя то, что происходит, и ничего не может сделать против необходимости и судьбы, – так же, как Юпитер у Гомера, говорящий о необходимости: "я дам тебе охотно, но не хотя"; – тогда согласно с таким рассуждением и их Глубина окажется рабом необходимости и судьбы» (*Contr. Haeres. II.5.4*) [цит. по: 12, с. 123]; «сказал и поэт Гомер, вдохновляемый конечно матерью их (валентиниан) заблуждения» (*Contr. Haeres. II.21.6*) [цит. по: 12, с. 176].

Несмотря на выраженную им в общих чертах «позицию примирения», Афинагор Афинский в «Прошении о христианах⁷» также не принимает «теологию» Гомера: «страшный в войнах, помощник Зевса против титанов является слабейшим Диомеда: "Свирепствовал словно Арей сотрясатель копья".

Замолчи, Гомер: Бог не неистовствует. А ты представляешь мне Его и злодеем и губителем людей: "Бурный Арей, истребитель народов, кровью покрытый!", и описываешь его прелюбодеяние и оковы» (*Legat. pro Christian. 21*) [цит. по: 1, с. 71].

Феофил Антиохийский («позиция отказа») согласен с Иринеем в том, что Гомер вдохновлялся ложными источниками и вводил в заблуждение своих слушателей. В «Послании к Автолику» находим: «что пользы в том, что Гомер описал троянскую войну и ввел столько людей в заблуждение» (*ad Autolic. III.2*); «поэты Гомер и Гезиод, вдохновенные, как говорится, музами, говорили под влиянием фантазии и обольщения, от духа не чистого, но обманчивого» (*ad Autolic. II. 8*). Но какие-то следы изначальной мудрости, например учение о бессмертии души, можно найти и у певца Троянской войны: «итак, писатели, говорившие о множестве богов, возвращались к единовластительству Божию, отрицавшие Промысл, говорили о Промысле, утверждавшие отсутствие суда признавали, что будет суд, и не допускавшие чувства по смерти, признавали, что оно останется. Так Гомер говорил: "душа отлетела подобно сну"» (*ad Autolic. II. 38*) [цит. по: 30, с. 144, 170-171]

Но уже Климент Александрийский («позиция примирения») в «Строматах» находит не только доброе слово для Гомера, но и ряд соответствий его поэтических выражений образам Писания⁸. Гомер учит о бессмертии души, о сотворении человека из праха земного, о различных талантах, данных человеку. В этом Гомер согласен с Моисеем, Исаией, апостолом Павлом. Сотворение мира в описании Моисея соответствует рассказу Гомера о Тифиде и Океане и описанию щита Ахилла: «и Гомер в мифе о разводе Тифии и Океана не представил ли отделение воды от земли и образование суши?»; «Гомер, описывая

щит, скованный Гефестом, в полном согласии с Моисеем, сказал: "Там представил он землю, представил и небо и море (...)/ Все прекрасные звезды, какими венчается небо"». Гомеру известно и о семи днях творения, и о святости седьмого дня: «Семь дней – это движение семи планет и дела творения, совершающиеся в течение семи дней и ведущие к успокоению...Священную седмицу почитали не только иудеи, но и эллины, ведь в соответствии с семеричным циклом движется весь космос, живая и растительная природа. Гесиод выразил это так: "Дни священные, день пред первым числом, и четвертый, /день седьмой... ". И Гомер: "И на седьмое, когда настал святой день... ". И опять: "Семерка – святое число". И еще: "И в день седьмой, когда все свершится... ". И наконец: «На утро седьмое оставили мы реку Ахерон» (Clem. Alex. Strom. IV. 132.2; V. 99,1-5; 5. 101, 4; V. 107. 3) [цит. по: 20, с. 59, 204-205, 208]. Толкуя место из апостольских посланий («я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах», 1 Кор. 3:2), Климент Александрийский пришел к выводу, что молоко – это символ совершенной духовной пищи. Были привлечены и стихи из Гомера как авторитетное подтверждение правомерности такого вывода: «о том же поет и Гомер. Состоя невольным пророком, он называет праведных "галактофагами" (млекоедами)» (*Pedag.* I. 6) [цит. по: 18, с. 34]. Отдельные места у Гомера могут даже быть отнесены к божественному вдохновению: «Гомер, не иначе как по божественному вдохновению, намекает на Отца и Сына» (Strom. V. 116. 1) [цит. по: 20, с. 213]. Несмотря на то, что боги у Гомера подвержены страстям, поэт все же передает мнение о справедливости божества (Strom. V. 117.1; 5. 130. 2. С. 213) [цит. по: 20, с. 220].

Если Гомер во многом согласен с Писанием, то каким образом это получилось? Отдельные совпадения еще можно пояснить «невольным

пророчеством», природным действием изначальной божественной мудрости в языческой среде. Но как понимать сущностные совпадения гомеровых поэм с Писанием? Здесь становится приемлемой упоминавшаяся идея «плагиата» эллинов: Гомер был знаком с восточной мудростью о Едином Боге, это отразилось на его сочинениях. В «Строматах» уже намечается такое разрешение вопроса наряду с «невольным пророчеством»: «поэты, научившись этой теологии у пророков, философствуют со скрытым смыслом. Таковы Орфей, Лин, Мусей, Гомер, Гесиод и другие, отмеченные мудростью. Их поэтическое чародейство – это как бы занавес от толпы. Значение снов и символов они скрывают от непосвященных не из ревности (недостойно ведь считать Бога подверженным страстям), а для того, чтобы через постижение скрытого смысла, ищущий в своем исследовании сам смог бы прийти до уяснения истины» (Strom. V. 24. 1) [цит. по: 20, с. 159]. Конечно, это создает неустранимое противоречие: Гомер либо намеренно передал образы Писания в завуалированной форме, либо выступал невольным носителем истины. Климент Александрийский этого противоречия окончательно не снимает.

Зато в апологетическом сочинении эпохи «Увещание к эллинам» (кон. II – нач. III в.), приписываемом Иустину, связь Гомера с библейским текстом объясняется более развернуто и стройно (хотя беглое упоминание о невольной передаче истины встречаем и здесь). Псевдо-Иустин добавляет еще одну деталь в легендарную биографию поэта: Гомер был в Египте и познакомился там с книгами Ветхого Завета (*Protrept.* 14, 24) [цит. по: 16, с. 419, 430]. В итоге рапсод добавил к своим ранним стихам (которые он написал «злоупотребляя свободой поэзии и следуя мнению Орфея о множестве богов, выраженному им сначала» (*Protrept.* 17) [цит. по: 16, с. 422]) другие стихи, вполне согласные с Писанием: «думаю не безызвестно некоторым из вас... что Орфей, Гомер и Солон,

написавшие законы афинянам, также Пифагор и Платон и другие некоторые, бывши в Египте и воспользовавшись писаниями Моисея, после того высказывали мысли противоположные прежним их ложным мнениям о богах» (*Protrept.* 14) [цит. по: 16, с. 419-420]. Именно поэтому в «Илиаде» и «Одиссее» можно встретить упоминание о Боге Писания: «он ясно и открыто излагает свою мысль о едином Боге, говоря – то устами Феникса к Ахиллесу: "Хотя бы сам Бог обещал всемогущий,/ Старость совлекши вновь возвратить мне цветущую младость", где чрез местоимение «сам» обозначает Того, кто поистине есть Бог; то влагая Одиссею такие слова к эллинскому народу: "Нет в многовластии блага; да будет единый властитель"» (*Protrept.* 17) [цит. по: 16, с. 422-423]. Рассказ о золотой цепи, посредством которой Зевс утверждает свою власть над людьми и остальными богами, Псевдо-Иустин также интерпретирует как рассказ Гомера о единобожии: «единому же и первому Богу Гомер приписывает власть и могущество над всем посредством золотой цепи, о которой он говорит; и полагает такое различие между Его божеством и прочими богами, что не сомневается именовать их вместе с людьми. Так Одиссей представляется говорящим Ахиллесу о Гекторе: "Буйно свирепствует крепкий на Зевса; в ничто он вменяет/ Смертных и самых богов, обладаемый бешенством страшным". Здесь, мне кажется, и Гомер, подобно Платону⁹, узнавши в Египте о едином Боге, ясно выражает это, говоря, что надеющийся на сущего Бога не обращает внимания на тех богов, которые не существуют» (*Protrept.* 24) [цит. по: 16, с. 428].

Гомер учит о бессмертии души, о телесном воскресении и наказании души и тела: «Вот как Одиссей говорит Алкиною видении теней умерших: "Тития также увидел я, сына прославленной Геи,/ Девять заняв десятин под

огромное тело, недвижим/ Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали/ Печень его и терзали когтями утробу". Очевидно, печень принадлежит не душе, а телу. Таким же образом Гомер написал о телесных мучениях Сизифа и Тантала. А что Гомер был в Египте и многое из того, что узнал там, он перенес в свою поэзию, об этом ясно свидетельствует нам славнейший из историков Диодор¹⁰» (*Protrept.* 28) [цит. по: 16, с. 435].

По Псевдо-Иустину, Гомер передал в своих поэмах целые сюжеты из библейских книг. В первую очередь, это рассказ о сотворении мира: «Гомер также внес в свои поэмы многое из священных сказаний пророков, и во-первых то, что говорится Моисеем о начале миротворения. Моисей написал так: "в начале сотворил Бог небо и землю, потом солнце, луну и звезды". Гомер, который в Египте с удовольствием прочитал то, что написано Моисеем в книге Бытия, воспроизвел ту же картину творения мира на щите Ахиллеса, сделанном Гефестом. Вот Гомерово описание: "Там представил он землю, представил и небо и море,/ Солнце в пути неистомное, полный серебряный месяц,/ Все прекрасные звезды, какими венчается небо"» (*Protrept.* 28) [цит. по: 16, с. 436]. Совпадают, по мнению Псевдо-Иустина, описания Эдемского сада и сада на острове феаков: «и описание у Гомера сада Алкиноева весьма походит на изображение рая; он представляет его всегда цветущим и наполненным плодами. Вот стихи Гомера: "росло там/ Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,/ Яблонь и груш и гранат, золотыми плодами обильных,/ Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих..." Эти слова не представляют ли ясного подражания описанию рая у первого пророка Моисея?» (*Protrept.* 28) [цит. по: 16, с. 436-437]. Гомер аллегорически передал и историю о столпотворении, рассказав о том, как братья Алоады грозились добраться до

богов, поставив друг на друга высокие горы (за это братья были убиты Аполлоном): «если кто также обратит внимание на столпотворение, посредством которого люди того времени мечтали устроить себе восход на небо, то найдет у того же поэта аллегорическое подражание сему. Говоря об Оте и Эфиалте, Гомер так изображает их: "Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их/ Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;/ Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный / Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо/ Взять"...» (*Protrept.* 28) [цит. по: 16, с. 437]. Больше того, Гомер изобразил падшего ангела: «подобным образом, кто будет внимательно смотреть, найдет у Гомера и о падении с неба врага человечества, которого священные Писания называют дьяволом и который получил такое имя от первой клеветы, употребленной для обольщения человека. Поэт не упоминает имени дьявола, но дает ему название от самого низкого его действия; он называет его Атою (Обидою) и говорит о низвержении ее с неба, как бы вспоминая слова о нем пророка Исаии. Так он написал в своей поэме: "...Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,/ Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,/ Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо/ Век не взыдет Обида, которая всех ослепляет./ Так произнес он; и махом десницы от звездного неба/ Ринул ее, и упала она на дела человека"» (*Protrept.* 28) [цит. по: 16, с. 438].

Образ Гомера в сочинении Псевдо-Иустина оказывается достаточно объемным и внутренне непротиворечивым: Гомер описывает мир согласно книге Бытия (поскольку он познакомился с Писанием в Египте), но у него есть много неправильных суждений, о множестве богов Гомер пишет из-за боязни отступить от традиции (и в этом отражен «языческий», более ранний период творчества Гомера).

Раннехристианские авторы были не первыми, кто «познакомил» Гомера с Писанием. Корни представлений апологетов находим в эллинистическом иудаизме (в меньшей степени у Иосифа Флавия, в большей – у Филона Александрийского). Возможно, первым, кто отправил Гомера в Египет для знакомства с библейским текстом, был эллинизированный иудей Аристокл Александрийский, автор II века до н.э. Приведенная выше цитата из пятой книги «Стромат» Климента Александрийского (о Гомере и седьмом дне творения) совпадает с текстом «Приуготовления к Евангелию» Евсевия Кесарийского (Praep. Ev. 13. 12). У Климента не указан автор цитаты, но Евсевий его назвал. Согласно Евсевию, Аристокл отстаивал идею «плагиата». Платон и Пифагор, по Аристоклу, интересовались еврейской историей и законами, и многое из них ввели в свои учения. Так же поступили и многие другие философы. Гомер узнал о святости седьмого дня недели именно из библейского текста: «Гомер также и Гесиод заявляют о том, что они заимствовали из наших книг, что это святой день» [37].

О плагиате эллинов писал Иосиф Флавий (I в. н.э.) в сочинении «О древности еврейского народа»: «вообще же у эллинов нет ни единого достоверного письменного памятника, который был бы старше произведений Гомера... что касается первых эллинских философов, рассуждавших о небесном и божественном, как-то: Ферекид Сиронец, Пифагор и Фалес, – все единодушно признают, что они были учениками египтян и халдеев и что написали мало» (Contr. Apion. I. 2) [цит. по 11, с. 113]. Значительного внимания Гомеру Иосиф Флавий не уделял. Но, когда это было необходимо, привлек его как автора, авторитетного для языческого читателя. В «Иудейских древностях» писатель сослался на Гомера в вопросе об основании Иерусалима: «Давид, изгнав из Иерусалима иевуситов, первый назвал этот город по своему имени, потому что

при праотце нашем Авраме он носил имя Солимы. Ввиду этого, по заявлению некоторых, и Гомер называл город Солимою; он называет святилище солимою, что на еврейском языке означает "спокойствие"¹¹» (*Ant. Iud.* VII. 3. 2) [цит. по: 10, с. 371].

Значительно больший интерес к Гомеру находим у Филона Александрийского (кон. I в. до н.э. – сер. I в. н.э.). В трактате «О посольстве к Гаю¹²» Филон порицал императора за его стремление выглядеть как божество и сравнивал с гомеровым Протеем: «...стал примерять, как на театре, различные костюмы: то шкуру льва наденет, палицу возьмет (все позолоченное!) – и готов Геракл, то войлочную шляпу, когда захочет быть Диоскуром, а порою Дионисом делается с плющом, и тирсом, и оленьей шкурой... чем создавал великое многообразие форм на лад Протея, а тот, как показал нам Гомер, мог изменяться всячески, как в мельчайшие частицы, так и в образуемых ими животных и растения» (*ad Gaium.* 11) [цит. по: 31, с. 58]. В «Жизни Авраама» Филон указывал, что Гомер единственный из числа поэтов может называться просто «поэтом» так, чтобы читателю было очевидно, о ком идет речь (*de Abraham.* 10) [37, р. 2].

Но наиболее яркое место о Гомере у Филона – в трактате «О смешении языков». Филон первым использует метод аллегии, чтобы толковать Писание и сопоставить его с языческой литературой¹³: «одно такое предание похоже на историю с Алоадами. Как говорит великий и досточтимый поэт Гомер, они задумали взгромоздить друг на друга три самые высокие горы в надежде, что это сооружение, поднятое в эфирные выси, облегчит путь на небо желающим туда взойти. А в стихах это звучит так: "Оссу на древний Олимп взгромоздить,

Пелион многолетий. Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо Взять"... где «Олимп», «Осса» и «Пелион» суть названия гор. А у Законодателя вместо них — башня, которую строили тогдашние люди, по глупости своей и надменности пожелавшие коснуться неба. Не крайнее ли это безумие? Ведь даже если все континенты поставить друг на друга, подведя небольшое основание и соорудив нечто вроде колонны, то и тогда до эфирной области останутся расстояния и расстояния, что совершенно сообразно с мнением философов, исследующих природу и единодушно полагающих Землю центром Вселенной» (de Confus. Ling. 4) [цит. по: 33, с. 308-309]. Как мы видели, этот сюжет впоследствии повторяется у Псевдо-Иустина.

Таким образом, включение Гомера в христианскую культуру и перечень «христиан до Христа», появление фигуры поэта в иконописной традиции, наконец, интерес к Гомеру на Руси – все это становится возможным не в малой степени благодаря текстам апологетов II-III веков. В свою очередь, идеи о «совпадениях» стихов Гомера с библейскими текстами унаследованы апологетами от литературы эллинистического иудаизма. Обращает на себя внимание тот факт, что Гомеру в апологетических текстах не приписывают пророчества о приходе Мессии, очевидно, это позднейшее явление.

Библиографический список

1. Афинагор. Прошение о христианах // Сочинения древних христианских апологетов / Пер. П. Преображенского. – СПб.: Изд. Книгопродавца И. Л. Тузова, 1895. – С. 128-191.
2. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 8: XIV – первая половина XVI века. – 581 с.

3. Благовещенский собор в Москве. – М.: Тип.Ведомостей Московской городской полиции, 1854. – 50 с.
4. Большой Кремлевский дворец, дворовые церкви и Придворные Соборы: Указатель к их обозрению /сост. С. П. Бартенева. – М., 1916. – 169 с.
5. Бриссон Л. Христианство перед лицом философии // Греческая философия. В 2-х т. Т. 2. Под. ред. М. Канто- Спербер / Пер. В. П. Гайдамака. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. – С. 771-820.
6. Добрицын А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII–начала XIX века. – Bern; Lang: Peter Lang, 2008. – 561 p.
7. Егунов А. Н., Зайцев А. И. «Илиада» в России // Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. – Л., «Наука», 1990. – С. 417-427.
8. Зайцев А. И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. – Л.: Наука, 1990. – С. 395-416.
9. Иоанн Мавропод // Памятники византийской литературы IX-XIV веков / Под. ред. Л. А. Фрейберга. – М.: Наука, 1969. – С. 288.
10. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2-х т. Т. 1. / Под ред. Ю. А. Михайлова. – М.: ООО «Издательство»; Ладомир, 2002. – 784 с.
11. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа // Филон Александрийский. Против Флакка; О посольстве к Гаю; Иосиф Флавий. О древности еврейского народа; Против Апиона / Пер. О. Л. Левинской. - Москва-Иерусалим: Гешарим. Еврейский университет в Москве, 1994. – С. 113-222.
12. Иринеи Лионский. Творения. / Пер. П. Преображенского. – Репринтное издание 1900 г. – М., Благовест, 1996. – 640 с.
13. История греческой литературы. В 3-х т. Т.1. / Под ред. С.И.Соболевского, Б.В. Горнунга, С.Г.Гринберга и др. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 487 с.

14. Иустин Философ. Первая апология // Иустин Философ. Творения / Пер. П. Преображенского. – Репринтное издание 1892 г. – М.: Паломник, 2005. – С. 31-104.
15. Иустин Философ. Вторая апология// Иустин Философ. Творения / Пер. П. Преображенского. – Репринтное издание 1892 г. – М.: Паломник, 2005. – С. 105-124.
16. Иустин Философ. Увещание к эллинам // Иустин Философ. Творения / Пер. П. Преображенского. – Репринтное издание 1892 г. – М.: Паломник, 2005. – С. 401-452.
17. Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Н. А. Казакова. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – Т. 17. – С. 358-368.
18. Климент Александрийский. Педагог. / Пер.Н. Н. Корсунского, Г. Чистякова. – М.: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996. – 290 с.
19. Климент Александрийский Строматы. Т. 1 (Книги 1-3). Издание подготовил Е. В. Афонасин – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. –544 с.
20. Климент Александрийский Строматы. Т. 2 (Книги 4-5). Издание подготовил Е. В. Афонасин – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. – 336 с.
21. Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется. – СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2006. – 286 с.
22. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М.: Наука, 1974. – 233 с.
23. Лосев А. Ф. Гомер. – М: Молодая гвардия, 2006. – 400 с.

24. Мейендорф И. Византийское богословие: Исторические тенденции и доктринальные темы. – Мн.: Лучи Софии, 2001. – 334 с.
25. Михайловский А.М. Апологеты // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 2010. – С. 149-150.
26. Никифоров М. В. Апологеты // Православная энциклопедия Т. III: «Анфимий — Афанасий». – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – С. 91-93.
27. Реверсов И. П. Апологеты. Защитники христианства. – СПб.: Сатисъ, 2007. – 191 с.
28. Тацит Корнелий. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. История / Подгот. изд. Г. С. Кнабе, М. Е. Грабарь-Пассек, И. М. Тройского, А. С. Бобовича. – Л.: Наука, 1969. – 378 с.
29. Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI-XVII веков. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова; комм. М. Н. Ботвинника, О. В. Творогова. – Л.: Наука, 1972. – 232 с.
30. Феофил Антиохийский. К Автолику // Сочинения древних христианских апологетов / Пер. П. Преображенского. – СПб.: Изд. Книгопродавца И. Л. Тузова, 1895. – С. 128-191.
31. Филон Александрийский. О посольстве к Гаю // Филон Александрийский. Против Флакка; О посольстве к Гаю; Иосиф Флавий. О древности еврейского народа; Против Апиона / Пер. О. Л. Левинской. – Москва – Иерусалим: Гешарим. Еврейский университет в Москве, 1994. — Стр. 51-112.
32. Филон Александрийский. О том, что худшее склонно нападать на лучшее // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета / Вступ. ст. Е. Д. Матусовой, пер. и комм. А. В. Вдовиченко, М. Г. и В. Е. Витковских,

О. Л. Левинской, И. А. Макарова, А. В. Рубана. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000. – С. 200-235.

33. Филон Александрийский. О смешении языков // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета / Вступ. ст. Е. Д. Матусовой, пер. и комм. А. В. Вдовиченко, М. Г. и В. Е. Витковских, О. Л. Левинской, И. А. Макарова, А. В. Рубана. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000. – С.308-338.

34. Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в слове и образе. – М.: Прогресс, 1984. – 314 с.

35. Хрисмологион Николая Спафария [рукопись]. - [Б.м.], начало XVIII в. – 309 л. Л. 121 об.

36. Чистякова Н. А. Греческая эпиграмма // Греческая эпиграмма / Изд. подг. Н. А. Чистякова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. — СПб: Наука, 1993. — С. 325—365.

37. Eusebius of Caesarea: Praeparatio Evangelica (Preparation for the Gospel) / Tr. by E.H. Gifford. – Vol. II. Book 13. – Oxford: Clarendon Press, 1903. – 217 p. – Режим доступа: http://www.tertullian.org/fathers/eusebius_pe_13_book13.htm

УДК 81:008

Перепечкина С.Е., Склярова А.А. Лингвокультурологический концепт «дерево» в мифопоэтическом сознании немецкого народа

Linguocultural concept “tree” in the mythopoetic mind of the German people

Перепечкина Светлана Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии института иностранной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
s.perepechkina@gmail.com

Склярова Анастасия Андреевна,

студентка кафедры немецкой филологии института иностранной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
nast_sklyar-25@mail.ru

Perepechkina Svetlana Evgenyevna,

Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Institute of Foreign Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Sklyarova Anastasiya Andreyevna,

student at the Department of German Philology, Institute of Foreign Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: В статье, на материале германской мифологии, фольклора и литературы, рассматривается лингвокультурологический концепт «дерево», отображающий мировидение немецкого народа. В ходе исследования проводятся количественные подсчёты лингвокультурологических единиц, содержащих концепт «дерево», определяются наиболее важные концепты-фитонимы данного рода, раскрывается их символика в немецкой лингвокультуре.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт «дерево», символ, немецкая культура, мифология, фольклор.

Abstract: This paper, based on the material of German mythology, folklore and literature, deals with the linguoculturological concept “tree” that reflects the mythopoetic world perception of the German nation. The study gives counts of linguoculturological units containing the concept “tree” and defines the most important concepts-fitonyms of this kind, reveals their symbolism in the German linguoculture.

Keywords: linguoculturology, the concept “tree”, symbol, German culture, mythology, folklore.

Введение. Исследование национально-специфичного взгляда на окружающий мир и его восприятие, закрепленное в языке и культуре этноса,

осуществляется в современной лингвистике, прежде всего, в рамках лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов. Вопрос о взаимодействии языка и культуры, стоящий в центре внимания активно развивающейся в последние десятилетия лингвокультурологии, интересовал языковедов и философов и ранее. Ещё в начале XIX века его поднимали знаменитые собиратели и исследователи немецкого фольклора братья Гримм, а немецкий филолог Вильгельм фон Гумбольдт высказал тезис о том, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различное видение ее ... Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» [2, с. 346].

Концепции, разработанные Ф.И. Буслаевым, А.Н. Афанасьевым, А.А. Потебней, Б.Л. Уорфом и Э. Сепиром, К. Леви-Строссом, Л. Вайсгербером и другими учеными, подводят к выводу о том, что язык происходит из культуры и выражает её, их связь неразделима. Язык – это не только орудие создания, развития и хранения (в виде текстов) культуры, но и её часть, ведь именно благодаря языку создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры [4, с. 28].

Одним из ключевых понятий лингвокультурологии, таких как языковая картина мира, прецедентные имена культуры, лингвокультурема или лингвокультурная парадигма, является культурный концепт. Согласно определению Ю.С. Степанова, концепт – это «...сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в его ментальный мир. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [5, с. 40]. К основным концептам относятся базовые единицы мировоззрения, такие как *совесть, вера, судьба, грех, закон, любовь* и другие. Концепты содержат в себе «не только намёки на возможные

значения, но и отражение всего коллективного опыта конкретного этноса» [3, с. 5]. Концепт как единица коллективного знания / сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеет языковое выражение и отмечен этнокультурной спецификой [1, с. 70].

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить и описать в рамках концепта «дерево» наиболее важные для немецкого мировосприятия и культуры роды деревьев и их символику.

Поставленная цель достигается путем решения следующих **задач**:

- ознакомиться с определениями понятия «концепт» в научной литературе;
- выявить ключевые концепты немецкой лингвокультуры;
- раскрыть концепт «дерево» как отображение мировосприятия немецкого народа;
- описать символику популярных в немецкой культуре родов деревьев;
- провести количественные подсчеты частотности использования отдельных наименований деревьев, составляющих концепт «дерево».

Материалом исследования послужили немецкие пословицы и поговорки, фразеологические обороты, мифы древних германцев, народные обычаи и традиции, фольклорные песни, а также стихотворения и сказки немецких поэтов и писателей, содержащие в себе концепт «дерево».

Методика исследования основана на использовании аналитического метода (анализ научной литературы по теме), метода выборки и классификации, метода лингвокультурологической интерпретации языковых единиц.

Результаты исследования. В ходе исследования был собран и проанализирован материал лингвокультурологического характера, содержащий концепт «дерево». В результате анализа 161 культурно значимой единицы было

выделено 22 рода деревьев и выявлено, что наиболее часто (а именно 54 раза) встречается не конкретизируемый образ дерева; среди родов деревьев наиболее популярна яблоня (23 единицы), липа (13 единиц) и дуб (8 единиц).

В немецкой культуре образ дерева часто символизирует жизнь человека. Этапы роста дерева отражают этапы развития жизни человека: рост, цветение, созревание, плодоношение и, наконец, увядание и смерть. Это отражается в традиции сажать дерево, когда в семье рождается ребёнок. Так, например, в Швейцарии, сажали грушу в честь рождения сына и яблоню в честь рождения дочери [6]. Это объясняет использование образа яблони, её плодов в пословицах и поговорках, отражающих, в частности, связь родителей и детей: *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* (Яблоко от яблони недалеко падает), *Wenn der Apfel reif ist, fällt er ab* (Когда яблоко спелое, оно падает); человеческое естество: *Der glänzendste Apfel beinhaltet den größten Wurm* (В самых блестящих яблоках – самые большие червяки). Также существовал обычай посадить дерево, когда один из членов семьи отправлялся в долгое и далёкое путешествие: дерево связывалось с его судьбой. Если такое дерево или же дерево, посаженное по случаю рождения ребёнка, начинало засыхать, это предзнаменовало скорую смерть человека. Так в сказке братьев Grimm «*Die zwei Brüder*» («Два брата»), если нож, воткнутый одним из братьев при разлуке в дерево, начинал ржаветь, означало, что другой (брат) умер.

Деревья могут символизировать не только течение жизни в целом, но и самого человека. Примеры этому находим в народных песнях: «*Aus ihr wuchs ein Zitronenbaum...*» («Из неё росло лимонное дерево...»); в многочисленных паремиях: *Die Eiche wäre nicht so stark, wenn es keine Stürme gäbe* (Дуб не был бы таким крепким, если бы не было бурь); в творчестве поэтов и писателей – Генриха Гейне («*Ein Fichtenbaum steht einsam*»), Клеменса Брентано («*Märchen*

von dem Myrtenfräulein») и мн. др.

Деревья могут выступать в качестве «alter ego» умершего человека. Отсюда пошла традиция изображения деревьев на надгробных памятниках или посадки их на могилах. Так, на надгробье умершего преждевременно молодого человека можно увидеть надломленный молнией дуб, а на могилах двух влюбленных – деревья, верхушки которых переплетаются. В сказках братьев Гримм этот образ также используется достаточно часто. В сказке «*Vom Wacholderbaum*» («Сказка о заколдованном дереве», букв. «О можжевельнике») умершая при родах женщина завещала похоронить её под можжевельником, а в сказке «*Aschenputtel*» («Золушка») главная героиня посадила на могиле матери веточку, которая впоследствии выросла в красивое дерево [6].

Образы деревьев используются, однако, не только в качестве воплощения души умершего человека, они могут также помогать зародиться новой жизни. По преданиям древних германцев боги сотворили мужчину из ясеня, а женщину – из ольхи (по другим источникам – из ивы). В литературных произведениях также встречаются сюжеты, где человек «рождается» из дерева, например, в упомянутой сказке Клеменса Брентано «*Märchen von dem Myrtenfräulein*» («Сказка о Мирточке»). Образ зарождения новой жизни из дерева отражён не только в мифологии и литературе, но и в самом языке – так в немецком языке словом «*Spross/Sprössling*» называют не только «побег» или «отросток», но и «потомка», «отпрыска».

В немецкой культуре концепт «дерево» включает не только представление о человеке и его жизни, но и является символом плодородия и расцвета природы. Традиция наряжать деревья по особым случаям или календарным праздникам уходит своими корнями далеко в прошлое. Для древних германцев особое значение имело так называемое «майское дерево»,

представлявшее собой шест с венком на верхушке, который был украшен разноцветными лентами, гирляндами, «золотыми» орехами, фруктами, а позднее в качестве украшений стали использоваться и цеховые гербы и символы. Майское дерево символизирует жизнь, рост, здоровье, плодородие, пробуждение природы. Эта традиция была распространена главным образом в деревнях, однако пользовалась популярностью и при дворе. Она жива и по сей день. Дерево устанавливается первого мая на главной площади, а вокруг него устраиваются празднества с танцами и гуляниями. В настоящее время, прежде всего в Баварии, сохранилась традиция похищения майского дерева одной деревней у другой. По этой причине дерево охраняют, т.к. лишиться его раньше времени – позор, и это может навлечь на деревню беды и несчастья. Дерево можно также выкупить, предложив достаточное количество пива. Образ майского дерева отражён и в литературе, например, в стихотворении «*Der Maibaum*» («Майское дерево») немецкого поэта Детлева фон Лилиенкрона.

Любовь – неотъемлемая часть человеческой жизни – также связана в немецкой культуре с образом дерева. Излюбленным местом встречи молодых людей была липа. Этот сюжет отражён главным образом в лирике, например, в народной песне «*Gehn wir beide in den grünen Wald...*» («Пойдём вдвоём в зелёный лес...»), стихотворении немецкого миннезингера Вальтера фон дер Фогельвейде «*Under der linden*» («Под липами»). Романтики-влюблённые вырезали на коре дерева сердца и считали, что вместе с деревом будет расти и их любовь. Этому посвящено стихотворение Вильгельма Мюллера «*Ich schnitt es gern in alle Rindenein...*» («Я с удовольствием вырежу это на коре всех деревьев...»). Также влюблённым нравилось встречаться во фруктовом саду, например, в сказке братьев Гримм «*Aschenputtel*» («Золушка») главная героиня пряталась от принца в грушевом дереве, в сказке «*Das Mädchen ohne Hände*» («Девушка-безручка»)

девушка приходила полакомиться грушами в королевский сад, где её и увидел король – её будущий муж.

Деревья могут также помочь установиться справедливости: несчастным – обрести счастье, добрым – получить оплату за их хорошие поступки, а злым и жестоким – быть наказанными. В сказках чародеи и маги используют деревья в качестве посредников между ними и людьми, таким образом делая их волшебство невидимым для человека. Так, в сказке братьев Гримм «*Die goldene Gans*» («*Золотой гусь*») в благодарность за великодушные седой человечек показывает Дурню особенное дерево, в котором тот находит золотого гуся; в сказке «*Einäuglein, Zweiäuglein und Dreiäuglein*» («*Одноглазка, Двуглазка и Трёхглазка*») по совету вещей девы Двуглазка закапывает кишочки козочки в землю, а на утро обнаруживает на этом месте дерево с серебряными листьями и золотыми яблоками, которое впоследствии помогает девушке выйти замуж за принца. Волшебство может быть связано не только с одним конкретным деревом, но и с целым садом или лесом. Например, в сказке братьев Гримм «*Die Sterntaler*» («*Звёздные талеры*») девочка-сирота, раздавшая нуждающимся всё то, что имела, и оставшаяся ни с чем, приходит в лес, где на неё с неба падают звёзды и превращаются в серебряные талеры; в сказке «*Der gläserne Sarg*» («*Стеклянный гроб*») злой чернокнижник заточил в стеклянных ящиках целый замок со всеми его обитателями и спрятал их в лесу; в сказке «*Hänsel und Gretel*» («*Гензель и Гретель*») злая ведьма жила в пряничном домике в чаще леса.

Выводы. Концепт дерева занимает важное место в немецкой культуре. Образ дерева может олицетворять человека и символизировать течение его жизни. В деревьях могут обитать души умерших, а может зарождаться новая жизнь. Они – центр и главные атрибуты обрядов и праздников, на которых являются символами плодородия и расцвета природы. Деревья сопутствуют

человеку на протяжении всей его жизни: их сажают в честь рождения ребёнка, в преддверии долгой разлуки; под ними зарождаются истории любви и встречаются влюблённые; они могут являться «гарантами» хорошего года для всей деревни, а могут навлечь беду; они становятся последним пристанищем души. Образ дерева – неотъемлемая часть мифологии, фольклора и литературы, в которых в вербальной форме отражена картина мира народа.

Исследование тех или иных концептов как констант культуры народа является перспективным направлением. Это обеспечивается и тем, что изучающая их лингвокультурология – молодая наука, которая в настоящее время переживает период бурного развития и к которой проявляют повышенный интерес учёные-лингвисты; кроме того, данная тема на материале немецкого языка еще не достаточно разработана. В дальнейшем можно более подробно рассмотреть символику конкретных родов деревьев, расширить область изучаемых концептов и включить в неё весь растительный мир, а именно: кустарники, цветы, травы, овощи, фрукты, ягоды, грибы, выявить наиболее употребительные и важные виды. Это позволит составить более полную картину мировидения немецкого народа, сравнить ее с концептуальной картиной мира других народов, выявить схожие и различные черты.

Библиографический список

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки (НДВШ). – Т.1, №1. – М, 2001. – С. 64–72.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М: Прогресс, 1985. – 452 с.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – Т.2, №1. – М., 1993. – С. 3–9.

4. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2001. – 183 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
6. Fink, Gonthier-Louis, Gertrud Gréciano. Germanistik aus interkultureller Perspektive. Collection Recherches Germaniques 1. – Strasburg, 1988. – 330 S.

УДК 811.12+821.124

Татаренко Е.Н. Восприятие современным читателем концепта природы в элегическом творчестве Овидия

Perception by the contemporary reader of descriptions of nature in the elegiac work of Ovid

Татаренко Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Tatarenko Elena Nikolayevna
the senior teacher of the Department of roman and classical philology,
V.I. Vernadsky Crimea Federal University

Аннотация. Работа посвящена выявлению особенностей восприятия описаний природы в элегических произведениях Овидия с использованием метода анализа. Выявлены особенности, характерные для описаний природы как неотъемлемой составляющей поэтического творчества и дана попытка анализа восприятия текстов подобного рода современным читателем.

Ключевые слова: поэзия, анализ, жанры, стилистические средства, метафора.

Abstract. The work is devoted to revelation of peculiarities of the perception of descriptions of nature in the elegiac work of Ovid using the method of analysis. The peculiarities characteristic descriptions of the nature as an integral part of poetry and was given an attempt of analysis of the perception of texts of this kind by the modern reader.

Keywords: poetry, analysis, stylistic means, metaphor, elegiac distich.

Современная наука позиционирует человека как социальное существо, однако человечество, даже построив постиндустриальное общество, по-прежнему не может мыслить себя вне мира природы. Процесс урбанизации, являясь частью процесса глобализации, несколько отдалил человека от природы, делая его субъектом дискретного общения с окружающей средой.

Современный человек, являясь частью природы и будучи неотделимым от нее, тем не менее, не всегда ощущает эту связь в повседневной жизни, поэтому невозможно сбрасывать со счетов чувство единения с природой, особенно в эмоциональной сфере. С одной стороны, мы сегодня в меньшей степени зависим

от окружающей природы, а с другой, прагматизм, порой становясь динамическим стереотипом, заставляет нас рассматривать окружающую природу с точки зрения более или менее подходящих для повседневного функционирования условий. Природа для нас скорее означает погоду, температурный и влажностный режим, наличие либо отсутствие ветра, а время, которое мы не можем мыслить как категорию в отрыве от природы, скорее означает возможность вписаться в нормальное функционирование нас как членов общества. Постоянно ускоряющийся темп жизни делает нас в некотором смысле заложниками, но не природы, а нас самих, постепенно уводя из нашего поля зрения главное – красоту окружающего мира. Человечество, привыкнув отвечать на вызовы сегодняшнего времени, начинает забывать о своей неотделимости от природы, которую мы часто называем окружающей средой. Поэтическое творчество подобно увеличительному стеклу помогает глубже осознать неразрывную, но не всегда осознаваемую связь, ощутить единение с природой. Безусловно, такие переживания не терпят суеты и не рассчитаны на скорое восприятие. Именно произведения античных авторов помогают читателю погрузиться в этот неспешный, тонко-золотистый мир. В этом смысле произведения Овидия представляют собой уникальный для анализа материал. Разумеется, Овидий был не единственным автором, обращавшимся к описаниям природы, да, пожалуй, и невозможно представить художественное произведение, будь то жанр поэзии или прозы, без описаний природы, но именно в творчестве Овидия, на наш взгляд, такие описания наиболее органично слились с описываемым действием. Поэт остался последователем, в том числе, в любовных элегиях, школы риторики, рассчитанной на эффекты, придавая большое значение форме, как звуковой, так и лексико-стилистической. Одновременно необходимо заметить, что описания природы в произведениях

Овидия являются не только фоном для чувственных переживаний, но и самостоятельным фактом, так как глубже помогают постичь суть переживаний героев.

Мир переживаний и эмоций человека не всегда можно выразить на вербальном уровне, и тем большее преклонение вызывают авторы, которым удастся отобразить словами тонкие чувства, знакомые практически каждому человеку. Мысли, чувства, эмоции в элегиях особенно наглядно передаются через описания природы, причем не всегда эти описания носят, на первый взгляд, позитивный характер. Так, Овидий называет рассвет, выступающий в персонализированном образе богини утренней зари Авроры, ненавистным, враждебным и женщинам, и мужчинам. На первый взгляд, подход выглядит парадоксальным – обычно ночь выступает символом враждебного и опасного человеку, а метафора не совсем прозрачна – что может быть желаннее рассвета и нового дня? Однако рассвет и новый день обозначает расставание для влюбленных. Ночь, как одно из проявлений природного цикла, несет и иную нагрузку, о которой говорили поэты-лирики – это пора романтическая, близкая и желанная для всех влюбленных. Герой элегии не думает о том, что день, пришедший на смену ночи, вновь сменится ей и будет означать новую встречу; нет, он хочет остановить время, задержать сладостные мгновения встречи с возлюбленной, что так понятно каждому человеку. Налицо субъективное восприятие общепринятого позитивного образа. В другой элегии влюбленные – Геро и Леандр сожалеют о краткости ночей, отпущенных им для свиданий. Несмотря на то, что эти мотивы повторяются у различных авторов античности (например, в произведениях Вергилия), они не являются шаблонными. Повторение этих мотивов дает возможность читателю сравнить отношение поэтов к течению времени и природе. Необходимо заметить, что Овидий не

одинок в подобных трактовках. Так, Гораций в оде «К Левконое» говорит о зиме, возможно, последней для героя, терзающей бурей прибрежные утесы.

Безусловно, природа не всегда доброжелательна по отношению к человеку, и долгое время она оставалась враждебной средой, полем битвы за выживание. Однако Овидий сумел уйти от прозы жизни, несмотря на такие обычные для описания погоды эпитеты как холодный, проливной. Именно эти тяжелые условия автор и описывает как признак мужества, терпения и умения достичь желанной цели: Кто, кроме влюбленного и воина, может переносить и ночные холода, и проливной дождь, смешанный со снегом?

Для современного читателя описание времени суток, погоды, являющееся необходимой составляющей творчества античных поэтов, вообще, и элегического, в частности, может быть несколько затруднено обилием метафор: так, Овидий описывает рассвет как расставание Авроры со своим высохшим от старости супругом (Тифоном); автор говорит о том, что златокудрая (Аврора) несет новый день в покрытой ином повозке, имея в виду прохладу раннего утра. Безусловно, метафора превалирует в элегиях Овидия, но это далеко не единственный прием. Так, читатель может встретить метонимии: птица воспекает утреннюю свежесть тонким голосом (в тексте: горлом), мифологические реалии: птицы Мемнона, миф о Геро и Леандре, обобщающие высказывания: ныне так сладко лежать в объятиях любимой, тесно прильнув к ней и т.п.

Творчество античных поэтов и элегическое творчество Овидия в том числе, имеют исключительное значение для истории европейской литературы, так как являются прообразом средневековой альбы. Также необходимо заметить, что описание явлений природы органично сочетается со стихотворным размером

– элегическим дистихом, мастерски использованном Овидием, что дает редкие по красоте строки: *Roscida purpurea supprime lora manu.*

Для наших современников творчество поэтов античности тем более важно, что помогает нам, практически лишенным в городской среде непосредственного наблюдения за природой, ее проявлениями, нам, имеющим сугубо практический подход к природным явлениям, прямо не связанным с нашими повседневными нуждами, увидеть ее непреходящую красоту, запечатленную и отраженную в чудесных текстах античной эпохи через призму времени. Это восприятие помогает ощутить принадлежность к общечеловеческим ценностям и единство западноевропейской, в широком понимании этого слова, цивилизации.

Библиографический список

1. Шталь И. В. Поэзия Гая Валерия Катулла. М.: Наука, 1977, 263 с.
2. Плунгян В. А. Голос музыки. М.: Велес, 1998, 256 с.

СЕКЦИЯ 4. ЯЗЫКИ КУЛЬТУРЫ: МНОГООБРАЗИЕ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

УДК 811.133.1

**Гавришева Г.П., Гордигов Д.И. Этимология и функционирование
французских ФЕ: мифологизмы и библеизмы**

Etymology and Functioning of the French Phraseological Units: Mythological and
Biblical Set Expressions

Гавришева Галина Петровна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии

Гордигов Дмитрий Игоревич

Студент Института иностранной филологии

Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского

Gavrisheva Galina Petrovna

Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Roman and Classic
Philology

Gordikov Dmitrii Igorevich

The student of the Institute of the Foreign Philology,
the Crimean Federal V.I. Vernadsky University
dmitriy.gordikov@ya.ru

Аннотация: В статье освещена проблема особенностей этимологии и функционирования фразеологических единиц мифологического и религиозного содержания в современном французском языке. На материале ФЕ данной тематики показано происхождение, первоначальное этимологическое, а также современное значение ФЕ в результате переосмысления как одной из форм семантического преобразования.

Ключевые слова: фразеологизм, мифологизм, библеизм, этимология, функционирование

Abstract: In this article there is touched the problem of particularities of the etymology and functioning of the phraseological units based on mythology and religion in the modern French language. On the material of the phraseological units of such character there is shown the origin, the initial etymologic meaning as well as modern one as a result of the rethink as one of the forms of the semantic transformation.

Keywords: phraseological unit, mythologic expression, biblical expression, etymology, functioning

Задачей данного исследования является рассмотрение некоторых особенностей функционирования определенной группы фразеологических оборотов современного французского языка с компонентом мифологического и религиозного содержания (мифологизмов и библеизмов). Развитие фразеологии привело к выделению в составе этой науки самостоятельного раздела – фразеологической этимологии, которая изучает источники происхождения ФЕ. Этимологическим исследованиям фразеологизмов на материале французского языка посвящены работы В.Г. Гака, И.Н. Тимесковой, А.Г. Назаряна [1;5;3], которые были использованы для настоящего анализа.

Одно из общеизвестных определений фразеологизма характеризует его как раздельно оформленную единицу языка, которой свойственно полное или частичное преобразование семантических компонентов. Многие исследователи однозначно высказывают мнение, что именно семантическое преобразование и переосмысление лежат в основе фразеологизации свободных компонентов, поскольку приводят к формированию новых единиц языка. [3;с. 42-43].

Поскольку язык, в том числе и фразеология, отражают культурные тенденции в жизни народа, важным вопросом для научного осмысления ФЕ является изучение их лингвокультурной актуализации. Фразеологизмы способны выражать сложные понятия в краткой форме, а также служат средством языкового общения. Еще в XVIII веке французский лингвист Фердинанд Гоан в своей книге «*Les transformations de la langue française au XVIII siècle (1740-1789)*» утверждал, что «фразеологизм – это составная часть мысли, которая, будучи соотнесенной с самой действительностью, представляется более правдивой и более искренней» [2]. Следовательно, анализ ФЕ из различных сфер жизнедеятельности человека, в особенности с мифологической и религиозной тематикой, позволит лучше понять особенности национального менталитета.

Значимой группой источников происхождения фразеологизмов являются мифы Древней Греции. Для понимания семантики компонентов ФЕ на мифологической основе необходимо знакомство с конкретным сюжетом мифа. Фразеологизмы с мифологической тематикой относятся к наиболее древним в плане хронологии. Частотность и устойчивость употребления данных ФЕ апробированы временем.

Ниже приводятся ФЕ мифологизмов, этимология которых представляется общеизвестной. По этой причине даны лишь значения в современном языке для иллюстрации семантического преобразования и переосмысления.

1. *Les écuries d'Augias* (Авгиевы конюшни) – «грязное место, не имеющее должного ухода, беспорядок».
2. *Cheval de Troie* (троянский конь) – «хитрый умысел, направленный на достижение своей цели».
3. *Tonneau des Danaïdes* (наполнить бочку Данаид) – «бесполезный, не имеющий конца труд».
4. *Trancher le Noeud gordien* (разрубить гордиев узел) – 1) «трудноразрешимое, запутанное дело, задача, какие-то затруднения»; 2) «разрешить сложный запутанный вопрос смело, решительно и сразу».
5. *La pomme de discord* (яблоко раздора) – «причина конфликта».
6. «*Etre dans les bras de Morphée*» (быть в объятиях Морфея) – «погрузиться в сон» (данная фразеологическая единица имеет шуточный оттенок).

Следующим источником ФЕ следует отметить Библию. Библия по праву считается самой читаемой книгой человечества, ее переводят на все языки мира. Библейские тексты звучат во время церковного богослужения, поэтому многие фразеологизмы появились в литературном и разговорном языках именно из

Библии. Они употребляются и в повседневной речи. Их отличает высокая нравственная составляющая и то, что они понятны многим людям. Фразеологизмы библеизмы достаточно многочисленны, что подтверждается фразеологическими словарями и справочниками [4;6].

Ниже приведены примеры фразеологизмов библеизмов *торжественного характера*.

1. ***Porter sa croix*** (нести свой крест) - В Евангелии от Иоанна говорится о том, что Иисус сам нес крест, на котором его должны были распять (гл. 19, ст. 17): «И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски современная Голгофа». Современное значение: «терпеливо выполнять свой долг, обязанности».
2. ***Trouver son chemin de Damas*** (найти свой путь в Дамаск) - один из эпизодов Жития апостола Павла (ок. 33-36 гг. н. э.), сыгравший колоссальную роль в его обращении в христианство и, следовательно, для распространения христианства в мире. Современное значение: «поворотный пункт, водораздел — событие, знаменующее уникальную или важную историческую перемену».
3. ***Être au septième ciel***. Восходит к афоризму древнегреческого философа Аристотеля (384-322 гг. до н.э.), который в сочинении "О небе" объясняет устройство небесного свода. Он полагал, что небо состоит из семи неподвижных кристалльных сфер, на которых утверждены звезды и планеты. Седьмая сфера - это рай, куда всегда стремится попасть человек после своей физической жизни на Земле, там "царство Небесное", где обитают ангелы. Отсюда современное выражение «быть на седьмом небе от счастья».

Среди фразеологизмов библейского происхождения можно выделить выражения *разговорного характера*, такие как:

1. *Etre comme Saint Thomas* (быть как Фома неверующий). В Новом Завете (Евангелие от Иоанна, гл. 20, ст. 24—29) рассказывается о том, как один из учеников Иисуса, апостол Фома, не поверил вести о воскресении распятого Христа и сказал: «Если не увижу на руках его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра его, — не поверю». Современное значение: «Фома неверующий». (о недоверчивом человеке).
2. *Un bouc émissaire* (козел отпущения). Упоминается в Ветхом Завете (Левит, гл. 16, ст. 21—22). У древних евреев был обычай: в день грехоотпущения первосвященник возлагал свои руки на голову живого козла в знак возложения на него всех грехов еврейского народа. Потом животное отпускали в пустыню, тем самым как бы избавляясь от грехов. Современное значение: «козел отпущения». (Так говорят о человеке, на которого всегда сваливают ответственность за всех).
3. *A Pâques ou à la Trinité* (после дожидчка в четверг). В древности галльские друиды верили, что четверг – это день божества, приносящего дождь, поэтому они молились о дожде именно в этот день, но не всегда его дожидались.
4. *Faire le mariol* (притворяться благочистивым). Современное значение: «пускать пыль в глаза, задаваться, важничать».
5. *«Devoir une fière chandelle à quelqu'un»* (поставить большую свечу в честь кого-л.). Современное значение: «быть обязанным по гроб жизни».

Среди рассмотренных примеров значительную часть представляют ФЕ с ономастическим компонентом. Ономастика изучает имена собственные, их этимологию, лексические и стилистические особенности. Большая часть анализируемого класса слов содержит имена собственные мифологических и библейских героев, знаменитых людей, монахов, представителей искусств и т.п. Le talon d'Archille (Ахиллесова пята) – «уязвимое место»; le baiser de Judas (поцелуй Иуды) – «лицемерие, ложь, измена»; la fille d'Eve (дочь Евы) – «женщина».

Во французском языке достаточно большое количество насчитывают фразеологизмы, содержащие компонент « Dieu » (Бог): Bon Dieu ; avoir le bon Dieu dans sa poche ; Dieu ne plaise ; Dieu donne le boeuf, et non pas la corne; а также ФЕ с компонентом « diable »(черт): se donner au diable ; donner une chandelle à Dieu et une au diable . Присутствуют и устойчивые выражения с компонентом именем собственным - антропонимом (la religion de Saint Joseph), с топонимом – (faire tout à rebours comme les cordeliers d'Antibes).

Анализ подтверждает, что язык несет и сохраняет информацию с помощью устойчивых выражений. Как справедливо отмечает А.Г. Назарян – «колорит» фразеологизмам придают их стилистические особенности. Последние в значительной степени определяются теми стилистическими средствами, которые наряду с собственно лингвистическими (лексико-грамматическими и семантическими) участвуют в образовании ФЕ.

Фразеологизмы с религиозным компонентом важно понимать и выявлять в тексте и в речи для лучшего осмысления языкового материала. Кроме того, изучение ФЕ мифологизмов и библеизмов позволяет судить об отношении к религии и культуре в той или иной стране.

На наш взгляд, приведенные примеры могут быть интерпретированы как разновидность двойной актуализации ФЕ в том смысле, что изначально мифологический или библейский компонент входил в состав свободного словосочетания. Со временем, благодаря метафорическому (тропеическому) переосмыслению прототипа, общее значение словосочетаний стало выступать как семантически преобразованная языковая единица, то есть как фразеологизм. В наших примерах современное значение фразеологизмов далеко ушло от первоначального этимологического значения (прототипа), что объясняется, в первую очередь, историко-хронологическим фактором. Эти единицы прошли значительный путь исторического развития, и хотя детали сюжета мифов забыты, но высокая частотность употребления позволяет говорить об апробации временем данного типа ФЕ.

Библиографический список:

1. Гак В.Г. Беседы о французском слове. – М., 1966.
2. Косицына Н. О. Фразеологизм как средство отражения культурно-религиозных знаний в художественном тексте // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. №1 (33) С.102-108.
3. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М. 1987.
4. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>
5. Тимескова И.Н. О некоторых приёмах трансформации фразеологических единиц в современном французском языке// Исследования по романской филологии. – Л., 1978.
6. Французско-русский фразеологический словарь: / Сост. В. Г. Гак, И. А. Кумина, И. П. Лалаев и др./Под ред. Я. И. Рецкера. – М, 1969.

УДК 81.39

Ильчинская Е.П. Диалог культур и обучение иностранному языку в ВУЗе

Dialogue of cultures and learning a foreign language in High School

Ильчинская Елена Петровна

Гжельский государственный университет

доцент

пос.Электроизолятор Раменский район МО

e-mail: ilchinskaya.06@mail.ru

Ilchinskaya Elena Petrovna

Gzhel State University

associate Professor

s. Elektroizolyator

e-mail: ilchinskaya.06@mail.ru

Аннотация: данная статья посвящена особенностям обучения иностранному языку в вузе в контексте диалога культур. Автор статьи подчеркивает, что образование в настоящее время становится интернациональным, многоязычным и поликультурным, возникает необходимость включения в образовательный процесс такой концепции, как диалог культур. Обучение иностранному языку в вузе направлено на формирование и развитие межкультурной компетенции у студентов.

Ключевые слова: диалог культур, межкультурная коммуникация, иностранный язык, вуз.

Abstract: the article is devoted to features of teaching foreign language in high school in the context of dialogue of cultures. The author emphasizes that education is international, multilingual and multicultural, it is necessary to include such a concept as dialogue of cultures in the educational process. Learning a foreign language in high school is aimed at formation and development of intercultural competence in students.

Keywords: dialogue of cultures, intercultural communication, foreign language, high school.

Конец XX и начало XXI вв. ознаменовались в мире резко усилившимся процессом глобализации, охватившим экономическую, политическую, а также и культурную сферы общества.

В современных гуманитарных науках понятие «культура» относится к числу фундаментальных. Академический словарь русского языка дает несколько значений этого слова, но для образовательных целей культура - это совокупность

материальных предметов, объектов, идей, образов, созданных человеком на протяжении его истории [2, с.273].

Существует также и несколько определений понятия «язык», из которых можно выделить две его основные функции: язык — это средство общения, средство выражения мыслей [5, с.543]. «Язык является коммуникативным процессом в чистом виде в каждом известном нам обществе» [3, с 211].

В нашем контексте язык – это зеркало культуры, отражающее окружающий человека мир, реальные условия его жизни, общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира. Язык — сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности — в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. Язык — передатчик, носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение. Язык — орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т. п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

Язык не существует вне культуры, как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной.

Нельзя не согласиться с мнением С.Г. Тер-Минасовой: Язык – это мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий

нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива [5, с. 503].

Поэтому овладение иностранным языком - это приобщение к иной культуре, овладение новым социокультурным содержанием, и в этом контексте обучение иностранному языку рассматривается как диалог двух культур (своей собственной и иноязычной) в общем формате межкультурной коммуникации.

Под международной коммуникацией понимается "процесс общения (вербального и невербального) между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков, или иначе – совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам" [4, с. 16].

Межкультурная коммуникация предполагает преподавание иностранного языка в вузе не только на основе культуры этого языка, но и с учетом национальной культуры. Это означает, что в учебных планах высших учебных заведений должно быть усилено внимание преподаванию родного языка и российской культуры. Поликультурное образование позволяет определить роль и место родной культуры в системе мировых цивилизаций, позволяет понять, что родная культура представляет собой только небольшую составную часть взаимозависимого мира. Именно поликультурное образование помогает понять мир и понять другого, с тем, чтобы понять самого себя.

Как показывают исследования М.С. Кагана, между культурами может быть три типа отношений:

- отношение одной культуры к другой как некоему объекту, в результате наблюдается чисто утилитарное отношение одной культуры к другой;
- отношения неприятия одной культуры другой;

– отношения взаимодействия и взаимообогащения культур, т.е. отношения культур друг к другу как к равноправным субъектам.

Именно третий тип отношений представляет для нас наибольший интерес, поскольку "способствует развитию социокультурного понимания, принадлежности к национальному и мировому сообществу и готовности к межличностному и межнациональному общению. Каган М.С. определяет третий тип отношений между культурами как "диалог культур" [1, с. 222].

Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире.

Изучение языка не есть чисто технический процесс, а широкое овладение культурой других стран, это наведение живых мостов между народами, формирование новой личности, способной к адекватному восприятию многовариантной картины мира. Вне языка не может сохраняться и развиваться культура, общение в мире, поэтому познать мир во всем его многообразии можно только через освоение языков.

Поэтому, основная задача преподавания иностранных языков в России в настоящее время — это обучение языку как реальному и полноценному средству общения. Решение этой прикладной, практической задачи возможно лишь на фундаментальной теоретической базе. Для создания такой базы необходимо:

- 1) приложить результаты теоретических трудов по филологии к практике преподавания иностранных языков;
- 2) теоретически осмыслить и обобщить огромный практический опыт преподавателей иностранных языков [5, с.453].

В обучение иностранного языка в вузе следует включать два основных компонента: опыт культуры народа-носителя языка и учёт родного языка и родной культуры. Только в этом случае можно рассчитывать на успех учащихся при описании российской действительности и культуры на иностранных языках. Необходимо, чтобы они обладали достаточной информацией о своей стране, ее географии и истории, политике и экономике, о традициях, обычаях, привычках, национальных чертах и пристрастиях народа. Эта проблема, которую можно сформировать как проблему культурной грамотности, далеко не проста, так как все средства обучения (учебники с их текстами и упражнениями, аудиотексты, визуальные средства) несут информацию о стране изучаемого языка, а владение информацией о родной стране принимается как само собой разумеющееся.

Таким образом, познание чужой культуры происходит при помощи образов предметов и деятельности собственной культуры, что позволяет человеку взглянуть на собственную культуру с другой стороны, более глубоко её осмыслить или переосмыслить. Освоение иностранного языка как знания нового социокультурного содержания требует от преподавателей своего собственного осмысления такого подхода и овладения соответствующими формами работы с иноязычным материалом.

Библиографический список

1. Крупнов, В.Н. Перевод как профессиональная деятельность и его взаимодействие с видами речевой деятельности / В.Н. Крупнов // Теоретические и экспериментальные исследования в области обучения речи и чтению: сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1082. Вып. 2006. С. 222 – 234.
2. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - 352 с.

3. Э. Сепир. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, с. 211.

4. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая этнология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания; под ред Н.В.Уфимцевой. М.: Ин-т языко- знания РАН, 1996. С. 7 – 22].

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.

УДК 81'373.45/811.112.2

Лазарева В.Ф., Пономарёва А.В. Заимствования как средство создания национального колорита в текстах немецких футбольных отчетов

Borrowings as a means of creating national color in the texts of German football reports

Лазарева В.Ф.,
студентка магистратуры
кафедры теории и практики перевода
института иностранной филологии
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Пономарёва А.В.,
кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкой филологии,
института иностранной филологии
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Lazareva V.F.,
the student of the department of the Theory and Practicy of Translation,
the Institute of the Foreign Philology ,
Taurida Academy,
Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol
e-mail: hauptmannkaneel@yandex.ru

Ponomarova A.V.,
candidate of Philologocial Science,
Associate Professor of German Philology department
the Institute of the Foreign Philology ,
Taurida Academy,
Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol
e-mail: ponomarova_anna@ukr.net

Аннотация. В данной статье рассматривается такой способ создания национального колорита в тексте, как заимствования. Материалом для исследования послужили футбольные отчеты немецких спортивных журналистов о матчах ведущих европейских футбольных лиг.

Ключевые слова: национальный колорит, заимствования, футбольный отчет.

Abstract. This article considers such a way of creating national color in the text, as borrowing. The material for the study was the football reports of German sports journalists about the matches of the leading European football leagues.

Keywords: national color, borrowing, football report.

Спортивная реальность, как объект лингвистических исследований, очень чувствительна к изменениям, обусловленным постоянным взаимодействием различных культур и народов. Это связано с тем, что спорт выходит за рамки узкопрофессиональных интересов и является общественным достоянием.

Современный немецкий язык активно использует заимствованные слова в различных сферах коммуникации. Что касается языка футбола, то лексические инновации имеют место не только в области терминологии, но и в других пластах лексики. Более того, исследователи отмечают влияние языка футбола на литературный немецкий язык в целом. Так, в повседневной речи носители языка используют такие футбольные метафоры, как *die Rote Karte* («красная карточка»), *Eigentor* («автогол») или *Abseits* («положение вне игры») [1].

Заимствование представляет собой элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [2, с. 214]. Как подчеркивает Л. Н. Мирошниченко, «основным внешним фактором, обуславливающим процесс заимствования в спортивную лексику, является интенсивное взаимодействие носителей языков в политической, культурной, экономической и общественных сферах». До сегодняшнего дня особую роль играла именно географическая близость между носителями языков-доноров и языков реципиентов, но в контексте современных условий этот фактор не становится определяющим [3]. Кроме английского языка, культурным адстратом для заимствований в немецкую спортивную терминологию являются такие языки, как: французский, японский, испанский, португальский, итальянский, китайский, корейский (приводятся в порядке убывания по количеству заимствований) [4].

Интернационализация спорта, объединение европейских стран в единое общественно-экономическое пространство, создание международных спортивных организаций, проведение соревнований международного уровня, участие легионеров во внутренних чемпионатах по различным видам спорта, – все это способствует активному взаимодействию между различными нациями.

Несмотря на всеобщую глобализацию, народам важно сохранять национальный колорит, даже если это касается спортивных состязаний. Футбольные традиции для каждой страны свои, это касается не только особенностей проведения матчей, организации турниров, перфомансов, но и языковых традиций. Примером могут служить кричалки, гимны, прозвища команд.

Цель данного исследования состоит в определении средств передачи национального колорита в текстах немецких футбольных отчетов.

Для достижения заданной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- описать средства передачи национального колорита в текстах немецких футбольных отчетов;
- выявить общие закономерности появления заимствований в текстах немецких футбольных отчетов.

Методика исследования включает в себя количественный и лексико-семантический анализ языкового материала.

В ходе исследования было проанализировано 100 отчетов футбольных матчей Английской Премьер-лиги, французской Лиги 1, испанской Ла Лиги и итальянской Серии А, отобранных на электронных ресурсах fussballdaten.de, goal.com, fupa.net, sprox.com, sport1.de, ran.de, kicker.de. В результате анализа было выделено 118 заимствованных единиц.

Изучение источников заимствования лексики показало, что подавляющее большинство единиц (62 единицы) представляют собой лексемы английского происхождения, что составляет 52,5% от общего количества лексем. Несомненно, культурная глобализация повлияла на язык спорта, но также стоит отметить тот факт, что футбол берет свое начало из Англии, что, в свою очередь, обуславливает активное использование англицизмов в немецком языке футбола. В данной группе заимствований оказались лексемы, относящиеся к футбольной и спортивной терминологии: *Top Transfer* – „топ-трансфер“, *Triple* – „трипл“, *Joker* – „джокер“, *Back Up* – „замена“, *Comeback* – „возвращение, камбэк“, *Keeper* – „вратарь“, *Coach* – „главный тренер“, *Team* – „команда“, *Foul* – „фол. Также было выделено несколько общеупотребительных лексических единиц, к примеру: *Statement* – „официальное заявление“, *Power* – „мощь“, *Standing* – „репутация“, *Underdog* – „аутсайдер“, *Flop* – „поражение“.

Немецкие спортивные журналисты также используют заимствования из французского языка. Среди выделенных 23 лексических единиц (19%) оказались как футбольные термины (например: *Saison* – „сезон“, *Trikot* – „форма“, *Remis* – „ничья“), так и общеупотребительные лексемы (например: *Blamage* – „позор“, *Solide* – „прочность“, *Schock* – „шок“, *Rivale* – „соперник“).

Заимствования из итальянского языка не так часто употребляются в немецких футбольных отчетах и представлены 14 лексическими единицами (11,8%). С точки зрения семантики они, в большинстве своем, представляют собой прозвища команд, но присутствует также и спортивная терминология, например: *Konto* – „счет“, *defensive* – „нападающий“, *offensive* – „защита“, *kassieren* – „забивать“. Испанские заимствования также оказались немногочисленными – 10 лексических единиц (8,4%), которые представлены прозвищами команд Примеры.

Анализ лексического материала позволил выделить 8 единиц, заимствованных из латинского языка (6,7%), например: *in puncto* – „с точки зрения“, *Rotation* – „ротация“, *Klausel* – „оговорка“, *Nonplusultra* – „экстра-класс“, *furios* – „яростный“.

Рассматривая тексты футбольных отчетов с точки зрения тематической направленности, обнаруживается значительное количество прозвищ команд, каждое из которых имеет свою многолетнюю историю. В немецкоязычной прессе они находят свое отражение в исходной форме языка-оригинала, что способствует сохранению национального колорита.

Так, в футбольных отчетах по матчам Английской Премьер-лиги 87% заимствований являются англицизмами. Среди этих лексических единиц встречаются не только спортивные термины, но и прозвища команд и тренеров, например: *Potters* – „Гончары“ (о футбольном клубе (далее – ФК) «Сток Сити»), *Cherries* – „Вишни“ (о ФК «Борнмут»), *Spurs* – „Шпоры“ (о ФК «Тоттенхэм»), *Citizens* – „Горожане“ (о ФК «Манчестер Сити»), *Black Cats* – „Чёрные коты“ (о ФК «Сандерленд»), *Foxes* – „Лисы“ (о ФК «Лестер Сити»), *The Special One* – „Особенный“ (о тренере Жозе Моуринью). Единиц французского происхождения в отчетах по матчам Английской Премьер-лиги оказалось 7%, итальянские заимствования представлены 5%.

Галлицизмы в свою очередь преобладают в текстах французской Лиги 1 и составляют 38% заимствованной лексики. Подобное распределение также свидетельствует о наличии большого количества прозвищ команд, например: *Les Gones* – „Дети“ (о ФК «Олимпик Лион»), *Les Grenats* – „Тёмно-бордовые“ (о ФК «Мец»), *Les Parisiens* – „Парижане“ (о ФК «Пари Сен-Жермен»). Однако среди данной группы заимствований есть и футбольные термины, например: *Saison* – „сезон“, *Beletage* – „подвал таблицы“. Лексическая единица *Beletage* является

эквивалентом немецкого слова *Tabellenkeller*, которое часто употребляется в отчетах матчей других лиг. При анализе текстов были также обнаружены галлицизмы общеупотребительной направленности, например: *Szene* – „сцена“, *Kulisse* – „кулисы“, *souverän* – „единый“, *Lethargie* – „ступор“, *profitieren* – „получать выгоду“. Около трети найденных в данных текстах заимствований представлены англицизмами, среди которых термины и названия международных турниров, например: *Champions League* – „Лига Чемпионов“. Латинизмы и итальянизмы представлены в равном объеме и составляют приблизительно по 14% от общего числа выделенных заимствований.

Если рассматривать немецкие футбольные отчеты по матчам итальянской Серии А, то можно обнаружить, что большинство заимствованных единиц (42%) имеет итальянское происхождение. Как в случаях вышеописанных отчетов, они в большинстве своем являются прозвищами, например, *Milanisti* – „миланцы“ (о ФК «Милан»), *Nerazzurri* – „Чёрно-синие“ (о ФК «Интернационале»), *Partenopei* – „партенопейцы“ (о ФК «Наполи»), *Neroverdi* – „Черно-зелёные“ (о ФК «Сассуоло»), *Giallorossi* – „Желто-красные“ (о ФК «Рома»). Англицизмы, представляющие собой футбольную терминологию, составили 35% заимствований в данных текстах, также были обнаружены латинизмы (12,9%) и галлицизмы (9,6%).

При написании футбольных отчетов по матчам испанской Ла Лиги немецкие журналисты наиболее активно употребляли англицизмы (45%). Испанизмы использовались реже (25%), они также включали в себя прозвища команд, например: *Colchoneros* – „Матрасники“, *Rojiblancos* – „Красно-белые“ (о ФК «Атлетико Мадрид»), *Madridista* – „Мадридцы“, *Blancos* – „Белые“ (о ФК «Реал Мадрид»), *Blaugrana* – „Сине-гранатовые“ (о ФК «Барселона»). По отношению к принципиальным матчам ФК «Реал Мадрид» используются

лексемы *das Derbi marileno* – „Мадридское дерби“ (противостояние с ФК «Атлетико Мадрид») и *El Clasico* – „Эль-Класико“ (матч с ФК «Барселона»). Заимствования из французского языка были использованы в том же объёме, что и испанизмы (25%). Также в текстах, посвященных матчам испанской Примеры, были обнаружены итальянизмы (5%).

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что при составлении текстов футбольных отчетов по матчам ведущих европейских лиг немецкие спортивные журналисты используют заимствования из государственных языков тех стран, в которых имеют место игры определенной лиги. Исключением стало наличие испанизмов в футбольных отчетах матчей Ла Лиги.

Большинство заимствований из государственных языков Англии, Франции и Италии были представлены прозвищами команд, которые имеют определенную историю. Кроме того, описанные заимствования не были достаточно ассимилированы в немецком языке. Эти два фактора подтверждают присутствие национального колорита, который исследуемые языковые единицы придают текстам футбольных отчетов.

В отношении отчетов матчей Чемпионата Испании стоит отметить, что выделенные в рамках анализа испанизмы используются только в отношении трех клубов, что свидетельствует о повышенной заинтересованности прессы этими футбольными командами.

Нельзя не отметить тот факт, что заимствованная лексика в большинстве своем представлена англицизмами, обозначающими не только спортивную терминологию, но и множество прозвищ английских команд и названия турниров. Наличие в числе англицизмов общеупотребительных лексем является следствием глобализации и активной экспансии английского языка в современном обществе.

Библиографический список:

1. Лазарева В. Ф. Лексико-семантические и словообразовательные особенности языка немецких футбольных болельщиков // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского. Сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. Том. 7. Таврическая академия. 2016. С. 242–243.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 763 с.
3. Мирошниченко Л. Н. Факторы заимствования в спортивную терминологию немецкого языка // НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 2013. С. 95–100.
4. Born J. Vom Stufenbarren in die Halfpipe. Die deutsche Sportsprache im historischen Wandel // Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache. Herausgegeben von Armin Burkhardt und Peter Schlobinski (= Thema Deutsch, 10). Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2009. S. 11–33.

УДК 8 1751 82-3111

Лесова-Юзефович Н.С., Редько Я.О. Материнская дуальность в романе Натали Саррот «Детство»

Maternal duality in Nathalie Sarraute's «Childhood» novel

Лесова-Юзефович Надежда Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия КФУ им. В.И.

Вернадского

Редько Яна О.

Студентка 5 курса кафедры теории языка, литературы и социолингвистики

КФУ им. В.И. Вернадского

Симферополь

Lesova-Yuzefovych Nadejda Sergeevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of roman and classical philology, The Institute of Foreign Philology, Taurida Academy (Academic Unit) of V.I.

Vernadsky Crimean Federal University

Redko Yana O.

5th year student at the Department of language and literature theory and sociolinguistics

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение образа матери, в частности его дуальности в автобиографическом романе «Детство» Натали Саррот, с учетом проблем жанра и принципов психологизма в литературе постмодернизма. В статье рассмотрены контексты в романе «Детство», соответствующие теме исследования.

Ключевые слова: дуальность, автобиография, детство, модернизм, мать, Натали Саррот, новый роман, французский язык.

Abstract. The main purpose of this scientific research is analysis of the mother figure and maternal duality in Nathalie Sarraute's «Childhood» novel taking into account problems of genre and principles of psychologism in postmodern literature. The contexts corresponding to the theme were discovered.

Keywords: duality, artistic concept, autobiography, childhood, French, modernism, mother, Nathalie Sarraute, nouveau roman.

Изучение творчества Натали Саррот является актуальным в связи с тем, что она является представителем современной литературы, а именно такого литературного направления XX века, как новый роман. Специфические приёмы

структурной организации текста обусловлены тем, что автор концентрирует внимание читателя не на событийной части произведения, а на состояниях человека, его переживаниях и эмоциях.

В своей автобиографической повести «Детство» Натали Саррот объединяет эпизоды первых одиннадцати лет своей жизни. «Воскресить воспоминания детства» - для Саррот значит восстановить эту связь, реконструировать детство посредством деконструктивно поднятых на поверхность сознания разрозненных воспоминаний, осколков, собирающихся в единое целое только в этой форме фрагментарности.

Образ матери, один из основных в романе, несет двойную нагрузку, являясь одновременно олицетворением, с одной стороны, внешней красоты и безупречности, и, с другой стороны, бездушности и холодности по отношению к ребенку.

Одной из особенностей этого рассказа является наличие двойника рассказчицы. Это меняет традиционный монолог автобиографии от первого лица повествования на диалог, созданный благодаря вмешательству второго голоса, придающего объективности повествованию. Вместо непрерывного рассказа, в котором соблюдается строгая хронология, текст представляется как серия эпизодов, связанных между собой диалогом между рассказчицей и её двойником, который следит за повествованием и не дает неверно интерпретировать факты. «- И чем же ты занимаешься? - Ах, не старайся поймать меня... Чем попало, тем же, чем и все дети, которые играют... внезапно замирают на месте и следят остановившимися глазами за другими детьми, за взрослыми, которые сидят на каменных скамьях, на стульях... уставятся в одну точку и стоят неподвижно, разинув рот... - Может с тобой это случалось чаще, чем с остальными, может, как-то иначе, по-другому...» [2, с. 20].

Поскольку Саррот была ребёнком, чьи родители были разведены, эффект этого развода отразился в её творчестве. Тяжёлое чувство отдаления матери, нехватка сочувствия ложится грузом на всю автобиографию Саррот. Возможно, именно подобные впечатления, вызванные «отказом» её матери быть матерью, действительно вдохновили Саррот стать писательницей, а страдание стало средством её литературного выражения.

Дуальность образа матери Наташи заключается в неоднозначности фигуры матери, воспринимаемой ребёнком. Автор подаёт этот образ в его двоякой сложности. Для маленькой Наташи мать – это в первую очередь красота, единственное реальное ощущение, которое остаётся от её лица, это ощущение её красоты. «Мне нравились черты её лица – тонкие, легкие, словно размытые... не нахожу другого слова... под золотистой, розовеющей кожей, мягкой, шелковистой на ощупь, шелковистой шелка, теплее и нежнее перышек птенчика, его пуха... В изгибе, идущем от её слегка выпуклых век к скулам, довольно высоким, была та чистота, та непорочность, которая отличает иногда эту линию у детей. Глаза у неё, того же золотисто-карего оттенка, что и гладкие, шелковистые волосы, были небольшие, чуть неправильной формы...» [2, с. 57].

Однако впоследствии, стараясь сблизиться с матерью, Наташа обнаруживает безразличие и холод, сравнимый лишь с холодом хоть и красивой, но неживой куклой. Метафорой этой дуальности становятся игрушки Наташи, кукла, олицетворяющая индифферентную, но красивую мать, и мишка, воплощающий в себе нежные чувства Наташи к матери, связанные, скорее всего с мечтой об идеальной матери, вычленившейся из детских сказок.

Необходимо отметить, что в отсутствие тепла, внимания и заботы, привязанность ребёнка к матери ослабевает и трансформируется в привязанность к игрушкам.

Отношение Наташи к матери некоторым образом воплощается в описании её плюшевого медведя Мишки, в котором проявляется двойное восприятие ребенком ее матери. С одной стороны, нежность мягкой плюшевой игрушки вызывает у девочки воспоминание о внешней красоте и нежности ее матери, однако, тут же приходит горькое осознание покинутости и одиночества. Описывая своего плюшевого мишку, Натали Саррот использует те же самые эпитеты, которые использовала в описании кожи матери: «шелковистая, тёплая, мягкая, гладкая». «Но по-настоящему родной мне только Мишка, мой плюшевый медведь, шелковистый, теплый, приятный, мягкий, весь какой-то домашний. Он всегда спит со мной...я ни за что не заснула бы, не чувствуя его рядом, около себя, я никуда не уезжаю без него, он сопровождает меня во всех моих путешествиях»[2.с.58]. Таким образом, можно предположить, что она пытается заполнить пустоту, образовавшуюся в связи с отсутствием матери и, возможно, даже делает попытку заменить её плюшевым мишкой, испытывая к нему чувство близости, сравнимое с тем, что она испытывает к своей матери.

Нехватка заботы проявляется постепенно, обнаруживая безразличие и отрешённость матери Наташи: «А мама, насколько я её знала, легкомысленная и рассеянная, сама бы, наверное, быстро обо всем забыла...» [2, с. 17]. «Взгляд у мамы был какой-то необычный... иногда твердый и жесткий, а иногда – живой и наивный... Часто как бы отсутствующий... В ней действительно была некая отрешенность, которая делала её временами совсем недоступной» [2, с. 58]. «Сколько времени тебе понадобилось, чтобы понять наконец, что она никогда не пыталась – а если и пыталась, то рассеянно и неумело – поставить себя на твоё место... – Да, что ни говори, это равнодушие и развязность составляли неотъемлемую часть её очарования, она просто околдовывала меня...» [2, с. 22].

Наряду с плюшевым мишкой, Наташа находит и другую игрушку, становящуюся его антиподом, это – красивая, гладкая, но холодная кукла. Натали Саррот описывает красоту куклы, которая как бы воплощает красоту её матери, репрезентирует её: «Какая она красивая... Я вижу только её лицо, довольно расплывчатое, гладкое и розовое... лучащееся... словно освещенное изнутри... и ещё гордый изгиб ноздрей, губ, приподнимающихся в уголках... Я помню только своё восхищение... всё в ней было красиво. Красота заключалась именно в ней. Именно это значило быть красивой» [2, с. 56]. Наташа предпринимает попытку обдумать, в чём же заключается эта красота. Она сравнивает мать с куклой и приходит к заключению, что кукла куда более симпатична, чем её мать. ««Красивая» прилегает к маме не повсюду, неплотно, вот здесь отстает, и тут тоже, как ни старайся, ничего не поделаешь, это бросается в глаза: мама не такая красивая» [2, с. 60]. Она даже осмеливается признаться матери: «Я считаю, что она красивее тебя» [2, с. 60]. Конечно же, Наташа мечтает об обычном ответе или реакции, такой, какую можно было бы ожидать от матери: «Ну и что, глупышка, конечно, она красивее, чем я...» [2, с. 58]. Нужно отметить здесь, что Натали Саррот выражает ожидаемую реакцию матери, используя будущее время, но «ответ», который она воображает, выражен в прямой речи, где используется настоящее время. В подобной ситуации нельзя ожидать высокомерной или негативной реакции матери, однако «мама отпускает мою руку или сжимает её не так крепко, она смотрит на меня недовольно и произносит: «Ребёнок, который любит свою мать, не может считать, что кто-то красивее её» [2, с. 59]. С одной стороны, эта достаточно жёсткая, неожиданная реакция подчеркивает превосходство ее матери, с другой стороны, отражает её холодность и безразличие по отношению к дочери.

Внешне красивая, но не живая кукла становится метафорой безразличия красивой матери. До сих пор ребенок учился обожать и любить свою мать, не сомневаясь в её красоте: «Сейчас я ясно вижу, что никогда не задавалась вопросом, красива ли мама» [2, с. 58]. Но когда Наташа видит куклу в магазине, она спрашивает себя, что означает слово красота, и как выглядит красивый человек. Она приходит к выводу, что важность, которую она придавала слову «красота», исходила, скорее всего, от матери. Кукла действительно побуждает ребёнка критически взглянуть на мать [5].

По словам Натали Саррот, целью автобиографического романа было описать как «рождается страдание, сопровождающее кощунство» [4]. Это кощунство, возникшее внезапно в сознании ребенка, заставляет маленькую Натали усомниться в том, что для каждого ребенка является почти святыней – в материнской красоте. Однако она признаёт, что у её памяти есть множество погрешностей: «Мне и теперь непонятно, что побудило меня в тот день завладеть этим «она красивая», так ловко упрятым в кукле из парикмахерской, казалось, специально для неё сотворенным, и перенести это нечто, попробовать насадить его и на мамину голову» [2, с. 58]. Одно лишь ясно для Наташи – то, что «кукла красивее мамы».

«Меня уже не полнят, как прежде, как всех других, настоящих детей, живые, быстрые, прозрачные воды, подобные водам горных рек, стремительных потоков, теперь это стоячие, грязные, затхлые воды прудов... рассадник комаров. Мысли налетают, когда им вздумается, и кусают, гляди вон, летит... крохотное жало впивается, мне больно... «У мамы кожа как у обезьяны». Вот какие они теперь, мои мысли – позволяют себе всё, что им вздумается. Я хочу всё стереть, уничтожить... неправда, я так не думаю... это подумала не я. Но ничего не поделаешь, шерсть обезьяны, которую я видела в клетке

зоологического сада, сама не знаю как, расположилась на маминой шее, руках, и вот родилась эта мысль...мне от неё больно...» [2, с. 61].

Наташа не может контролировать свои мысли, они ей больше не подвластны. Она надеется на помощь матери в такой непростой для ребенка момент, вновь моделирует возможный ответ и реакцию матери, ждет чего-то, что сразу принесет облегчение, но мать в очередной раз её отталкивает: «А мама презрительно смеется и говорит: «Что ж, благодарю тебя... как любезно, дальше некуда...» [2, с. 62]. Мать не только не помогает Наташе, но напротив, оставляет её одну наедине со своими мыслями, со своим одиночеством, ей неоткуда больше ждать помощи. Девочка замыкается в себе, а на вопросы, почему она не играет, отвечает лишь: «У меня мои мысли» [2, с. 62].

Таким образом, появление куклы является неким толчком, способом вскрытия истины, которую ранее хотелось не видеть, не замечать. Кукла становится символом безразличной матери в глазах Наташи.

Очевидно, что фигура матери в романе «Детство» для главной героини Наташи является двойственной. С одной стороны у девочки складывается образ идеального детства, а соответственно и идеальной матери, но в реальности она сталкивается с тяжёлыми детскими травмами, связанными с разрывом родителей и индифферентностью матери, которая становится для Наташи тождественна красивой, но не живой кукле. Таким образом, двойственность восприятия маленького ребёнка делает этот образ дуальным.

Библиографический список

1. Еремеев, Л. А. Французский «новый роман» / Л. А. Еремеев. – К. : Наукова думка, 1974. – 223 с.
2. Саррот, Н. Детство. Золотые плоды / Н. Саррот. – М. : Полиформ, 1995. – 277 с.

3. Sarraute N. *Enfance* / N. Sarraute // Paris. – 1989. – 277 p.

4. Bullentini G. *Enfance ou l'impossible mise en mots* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rief.revues.org/820?lang=en> (дата обращения 15.03.2016).

5. Salehi H. *Maternal duality in Nathalie Sarraute's autobiography, Enfance II* 2011 International Conference on Languages, Literature and Linguistics [Электронный ресурс] / H. Salehi, Z. Salehi // IPEDR. – 2011. – Vol. 26. – 568-571 p. Режим доступа: <http://www.ipedr.com/vol26/113-ICLLL%202011-L10201.pdf> (дата обращения 29.03.2016).

УДК 811.124.

Науменко Н.П., Климачёва А.И. Формирование профессиональной компетенции в обучении латинскому языку

The formation of the professional competence while teaching the Latin language in higher education institutions

Науменко Нина Петровна

Старший преподаватель кафедры романской и классической филологии

Климачёва Анастасия Игоревна

Ассистент кафедры романской и классической филологии,

Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского

nina1963vasya@mail.ru

brooder9@rambler.ru

Naumenko Nina Petrovna

The senior teacher of the Department of roman and classical philology

Klimachiova Anastasia Igorevna

Assistant of the Department of roman and classical philology,

the Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Аннотация. Статья представляет собой попытку классификации компетенций, формирующихся при изучении латинского языка в ВУЗах, общепрофессиональных и ключевых компетенций. Целью исследования является обозначить пути формирования профессиональной компетенции студентов гуманитарных специальностей в процессе обучения латинскому языку.

Ключевые слова: латинский язык, общепрофессиональные компетенции, ключевые компетенции.

Abstract. The article is an attempt to classify the competences forming while teaching Latin in higher education institutions, professional and key competences. The aim of the research is to define the ways of formation of the professional competence of the students of humanitarian specialties in the process of teaching Latin.

Keywords: the Latin language, professional competences, key competences.

Изучение иностранного языка позволяет понять культуру других народов, а также улучшает владение родным языком, а изучение латинского языка является одним из важных элементов в области высшего образования.

Латинский язык имеет огромное значение на протяжении многих столетий, являясь дисциплиной, история которой восходит к античным временам и

представляет собой основу романских языков и гуманитарного знания. Изучать латинский язык всегда было очень важно и престижно, и актуально в настоящее время. Автор учебника «Lingua Latina. Введение в античную культуру» А. В. Подосинов отмечает, что «если латынь и «мертва», то ее «смерть» была прекрасной – она «умирала» тысячу лет и оплодотворила собой большинство европейских языков, став основой для одних (итальянский, испанский, французский, румынский, молдавский и некоторые другие) и одарив сотнями, тысячами слов и терминов другие языки, и русский язык не избежал этого влияния» [2, с. 4].

Испанский лингвист А. Кольменарес сказал: «Изучение языка – сегодня необходимость, а не обязанность, изучая язык, мы приобретаем навыки, необходимые для общения в мире, в котором конкуренция постоянно растёт» [4].

Перуанский лингвист Э. В. Маркина придаёт латинскому языку исключительный, высший статус. Он утверждает, что «в свою очередь, латинский, в отличие от других индоевропейских классических языков, как греческий или санскрит, заключает в себе особенную идеологию и вызывает большое уважение, так как это язык науки и элиты. Он очень востребован и вызывает интерес тех, кто хочет изучить древнюю историю и культуру. Несмотря на то, что латинский язык – мёртвый, он является родителем испанского, итальянского и многих других языков. Романские языки – это формы латинского, которые претерпели эволюцию, результат того, как он менялся на протяжении истории» [5].

Профессор, автор учебников и пособий по латинскому для высшей и средней школы Н.Л. Кацман считает, что «преподавание латинского языка в институтах иностранных языков служит для расширения лингвистического кругозора, развития абстрактного грамматического мышления, научного

подхода к родному и изучаемому западноевропейскому языку, а также общекультурного развития студентов через усвоение элементов античной культуры» [1].

Цели изучения латинского языка студентами гуманитарных специальностей выходят далеко за общелингвистические рамки. Латинский язык является материалом для изучения основ европейской культуры, средством продемонстрировать на языковом материале масштаб влияния античной культуры на последующее духовное развитие европейских стран. Отношение к латинскому языку как общегуманитарной дисциплине способствует формированию всесторонне развитой личности, а в формате гуманитарного образования - формированию профессионального, компетентного, творчески развитого человека, будущего историка, археолога, культуролога, философа, политолога, исследователя, учёного.

Переход латинского языка из предмета средней школы (в дореволюционных классических гимназиях) в дисциплину высшей школы (в советских университетах) определило совершенно новые и притом не одинаковые (на факультетах разного профиля) задачи. В последние десятилетия круг гуманитарных специальностей дополнился целым рядом направлений, таких как культурология, социология, политология, философия, в программу которых включено изучение латинского языка.

Исследования проблем профессиональной компетентности подтвердили первостепенность ключевой и профессиональной компетенции в парадигме современного образования. Объединение данных компетенций является частью стратегии подготовки будущего специалиста. По мнению А.В. Хуторского, образовательные компетенции обусловлены личностно-деятельностным подходом к образованию, поскольку относятся исключительно к личности

ученика и проявляются, а также проверяются только в процессе выполнения им определённым образом составленного комплекса действий [3]. Компетентностный подход в подготовке специалистов – это не просто передача знаний, умений и навыков от преподавателя к студенту, а формирование у будущих специалистов профессиональной компетентности, а также формирование личностных качеств будущего специалиста, подготовка выпускника к самообразованию и самовоспитанию.

А. Кольменарес в своём труде «Metodología en la enseñanza de la lengua latina» отмечает, что одной из главных целей преподавания латинского языка является развитие у студентов логического, индуктивного и дедуктивного мышления, что невозможно осуществить без овладения некоторыми компетенциями [4].

Целью исследования является обозначить пути формирования профессиональной компетенции студентов гуманитарных специальностей в процессе обучения латинскому языку. Формирование профессиональных качеств начинается в стенах университета и достигается межпредметным взаимодействием дисциплин филологического и гуманитарного цикла (иностраные языки, история, литература, философия).

В процессе изучения латинского языка студенты гуманитарных специальностей овладевают рядом ключевых компетенций:

1) общекультурная компетенция – это понимание феномена тысячелетней античной культуры, умение анализировать и адекватно оценивать потенциал культуры Древней Греции и Рима для современной Европы и мира, общекультурные ценности и нормы;

2) ценностно-смысловая компетенция – это понимание национальной культуры, ценностей и менталитета носителей языка (латинского, русского,

английского и пр.), умение определять для себя нравственные модели поведения, культурные основы социальных явлений и традиций;

3) коммуникативная компетенция – это понимание грамматического и лексического строя латинского языка как грамматической и лексической базы для изучения современных европейских языков, умение применять культуросообразные формы взаимодействия с людьми в условиях межкультурного общения;

4) информационная компетенция – это понимание принципа работы с латинскими аутентичными текстами и необходимости историко-культурологического комментария, умение осуществлять поиск различных источников информации (печатных, электронных, Интернет, аудиовизуальных), извлекать и обрабатывать информацию, оформлять информацию в виде сообщений, рефератов, мультимедийных проектов;

5) учебно-познавательная компетенция – это понимание целей и задач курса изучения латинского языка, умение осуществлять самостоятельную учебную деятельность, умение пользоваться справочной и вспомогательной литературой (учебными пособиями и словарями по латинскому языку), умение использовать полученные знания при изучении современных европейских языков, использовать языковой и общекультурный опыт в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Изучение латинской грамматики, анализ грамматических и синтаксических особенностей латинского языка и комментирование латинских текстов способствуют формированию общепрофессиональных компетенций:

1) организационная компетенция – это понимание целей своей деятельности, умение планирования, организации самостоятельной работы, контроля и оценивания результатов деятельности;

2) исследовательская компетенция – это понимание причинно-следственных связей проблемы или задачи, умение выбирать оптимальные способы действий, применять различные формы исследования (филологическое исследование, анализ, обобщение), различные формы презентации результатов исследовательской работы (сообщение, реферат, мультимедийный проект), наблюдение оценивать полученные результаты;

4) социокультурная компетенция – это понимание основных исторических и культурных событий, основных реалий социальной, политической и культурной жизни древних римлян и средневековой Западной Европы, влияния Древней Греции и Древнего Рима на развитие современной цивилизации, умение использовать социокультурный опыт, представленный в образцах античной культуры, умение анализировать содержание и смысл латинских изречений, крылатых выражений, пословиц.

В обучении латинскому языку компетентностный подход позволяет повысить эффективность аудиторной и самостоятельной работы студентов, повысить интерес к античной истории, культуре, мотивацию к изучению других современных европейских языков. «Изучение латинского языка способствует развитию компетенции учиться учить, это благоприятствует способности организовать обучение, развивает самообучение, дисциплину, размышление, практику восстановления данных посредством запоминания и помещает образовательный процесс в контекст логической строгости» [6].

Несмотря на то, что латинский язык не используется людьми в повседневной жизни, его изучение на протяжении многих веков по сей день остаётся актуальным, так как это язык науки и дипломатии. Его бесспорное преобладание во всех областях науки способствует поддержанию его благоприобретённого привилегированного статуса. Не стоит недооценивать тот

факт, что, будучи языком науки, латинский язык в то же время обогащает словарный запас современного человека. Одним из самых важных преимуществ изучения латинского языка в образовательных учреждениях, и особенно в институтах иностранных языков, является то, что он является прародителем многих других языков и его изучение гарантирует лучшее понимание структуры языка. Таким образом, изучение латинского языка облегчает изучение других романских языков, особенно в области лексики и грамматики.

Библиографический список

1. Кацман Н. Л. Индоевропейское языкознание и классическая филология. XIV Чтения памяти И. М. Тронского, часть 2. – Санкт-Петербург, 2010. 83 с.
2. Подосинов А. В. *Lingua Latina*. Введение в латинский язык и античную культуру. Часть 1. – Москва: Издательство Флинта, 2011. С. 4.
3. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения: 06.02.2017).
4. Albert Colmenárez *Metodología en la enseñanza de la lengua latina*. Revista electrónica REDINE-UCLA. Volumen 2, № 10. – Barquisimeto, 2012. 25 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://books.google.com/books/about/Metodología_de_investigación_en_las_ar.html?id=J7_NoAEACAAJ (дата обращения: 06.02.2017).
5. Elio Vélez Marquina. Enseñanza actual del latín [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.saberescompartidos.pe/humanidades/ensenanza-actual-del-latin.html> (дата обращения: 06.02.2017).
5. Latín - Educación Secundaria obligatoria (ESO) LOE - Ministerio de Educación y Ciencia . Real Decreto 1631/2006, de 29 de diciembre, por el que se

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

establecen las enseñanzas mínimas correspondientes a la Educación Secundaria Obligatoria. Ministerio de Educación y Ciencia (BOE núm. 5, viernes 5 de Enero de 2007) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mecd.gob.es/educacion-mecd/areas-educacion/estudiantes/educacion-secundaria.html> (дата обращения 1.02.2017).

УДК 811.133

Норец Т.М. Верлан как инвариант арго во французском языке

Verlan as a slang invariant in French

Норец Татьяна Михайловна

к. филол. н., доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Norets Tatyana Mihajlovna

the senior teacher of the Department lecturer of faculty of the theory of language, the literature and sociolinguistics. V.I.Vernadsky the Crimea Federal University

Аннотация. Статья посвящена вопросу влияния форм молодежного общения на развитие современного французского языка. Определяется роль арго, верлана в процессе словотворчества.

Ключевые слова: языковая среда, язык молодежи, современный французский язык, словообразование, языковые изменения, верлан, арго.

Abstract. Article is devoted to a question of influence of forms of youth dialogue on progress of modern French language. The role of a slang, verlan during словотворчества is defined.

Keywords: the language environment, language of youth, modern French language, word-formation, language variations, verlan, a slang.

Изучение современной языковой ситуации постоянно находится в центре внимания лингвистов. Языковая вариативность тесно связана с вопросами соотношения социального статуса и уровня речевой культуры человека. Так, в последнее время существенно изменилось отношение французской лингвистической общности к сниженным стилям языка из-за подвижности языковой нормы. Происходит стирание границ между сниженными регистрами языка, а именно между фамильярным стилем, просторечием и арго. Одним из наиболее употребляемых инвариантов арго во французском языке является верлан. Он представляет собой пласт лексики в молодежном арго.

Нынешний верлан распространился во французском языке во второй половине XX века, хотя обратное написание букв или слогов с целью создания

определенного стилистического эффекта, использовалось и раньше писателями и философами. Сейчас довольно сложно установить первые упоминания об использовании верлана в разговорной речи. Некоторые лингвисты отмечают, что использование верлана имело определенный взлет в период Оккупации, но только с 1970 года его употребление резко увеличилось, хотя сам термин «верлан» появился только в 1950 году. Во второй половине XX века верланизированные образования пополнили общий сленг и стали общепризнанной экспрессивной лексикой с элементами языковой игры. В 1970 и 1980 годах верлан чаще всего используют в «городском патуа» обитатели пригородов. Он становится признаком принадлежности к различным обществам и субкультурам. Арго городских окраин различается в зависимости от ареала того или иного пригорода. Дифференциация происходит по способу словообразования (верланизация может быть разной – в пригороде Seine-Saint-Denis выражение *comme ça* трансформируется в *comme аç* или *ça comme*, в то время как в пригороде Vitry-sur-Seine оно имеет форму *аç meuk*).

Сегодня верлан используют школьники-подростки, для того чтобы их не понимали родители или преподаватели в школе. Во многих семьях взрослые заменяют некоторые слова верланизированными, чтобы их не понимали их дети. И конечно, верлан остается популярным среди криминальных элементов. Масс-медиа, реклама часто используют этот языковой прием, стараясь употребить «модные словечки» (*mots chebrans*) на страницах газет, журналов, рекламных изданий (*ouf (fou)* – безумный, глупый, *chelou (louche)* – подозрительный, мутный, *meuf (femme)* – женщина, *céfran (Français)* – француз, *à donf (à fond)* – исчерпывающе, *geum (mère)* – мать, *C'est cheum c'est moche* – это уродливо, *Laisser béton - laisser tomber* – забивать, отпускать, *Chelaoim - Lâche-moi-* отпусти меня, *C'est zarbi – c'est bizarre* – это странно)[4].

Даже высокопоставленные политические деятели включали верланизированные слова в текст публичных выступлений. Юные любители верлана создали в ответ сверхкодированный *verlan de verlan — le lanvere* [1, p 81].

Глобальная информатизация оказывает заметное влияние на французский язык. «Язык SMS», или «texto», значительно расширил сферу своего функционирования. С его помощью достигается экономия времени и денежных средств, а также небольшое количество символов приводит к принудительному сжатию транслируемой информации и текста. Использование графического ребуса способствует образованию новых лексических единиц, часть которых употребляется и в повседневной жизни французской молодежи. Сегодня уже издаются словари аббревиации SMS и пишутся целые произведения на языке SMS: «Pa Sage a TaBa» и «Frayeur SMS» Ф. Марсо, «Parlez-vous texto?» Ж. Ани.

Многие французские лингвисты пытались инициировать кампанию, чтобы приостановить деструктивные изменения во французском литературном языке.

Пропаганда упрощения языка наблюдается сегодня повсюду. Меры французского правительства за соблюдение языковой нормы не достигают желаемого результата. Молодые люди, воспитанные в условиях глобализации не выносят ограничений и стандартизации. Французский язык сегодня быстро меняется. При обучении ему в качестве иностранного, необходимо обращать внимание на речь молодых французов как в повседневной жизни, так и средствах современной связи. Стремительная эволюция языка заставляет исследователей-лингвистов искать новые подходы и пути, которые будут более совершенными, эффективными и оперативными при изучении модификационных процессов.

Библиографический список

1. Walter H. L'innovation lexicale chez les jeunes Parisiens // La linguistique. — 1984. — Vol. 20. - N 2. — P. 69-84.

2.Сидоров А.А. Формы молодежного общения и их влияние на состояние современного французского языка.// Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2011. № 1 (13) С 209-213.

3.Calvet, L.-J. Ce mec, c'est un vrai goyot // Le français dans le monde. – 1986. - №204. – P.27-30.

4.Goyudailler, J.-P. Les parlers branchés // Le Nouvel Observateur. – 2000. – №41. – P.1-2.

УДК 81

Осадчук Н.В., Зубкова Н.С. Национально-культурная специфика фразеологизмов французского и новогреческого языков с компонентом зоонимом (в сопоставительном аспекте)

The national and cultural specificity of the phraseological units of the French and Modern Greek languages with the zoonym component (in a comparative aspect)

Осадчук Наталья Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Зубкова Надежда Сергеевна
студентка кафедры Теории языка, литературы
и социолингвистики
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Osadchuk Natalia Vladimirovna,
Ph.D., Associate Professor, Department of Romance and classical philology
V. I. Vernadsky Crimean federal university
Zubkova Nadezhda Sergeevna
Student, Department of Theory of language, literature and
sociolinguistics
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: в данной статье объектом исследования выступают фразеологические единицы, структурным компонентом которых является зооним, входящие в корпус французского и новогреческого языков. Также рассматриваются схожие и различные коннотации, которыми оба этноса наделяют фразеологизмы с компонентом-зоонимом, интерпретируются в связи с этим особенности менталитетов двух народов, предпринимается попытка установить взаимосвязь французского и греческого национального самосознания.

Ключевые слова: зооним, коннотация, менталитет, этнос, фразеология,

Abstract: this paper considers phraseological units, the structural component of which is zoonym which is a part of the framework of the French and Modern Greek languages. There are considered, also, similar and different connotations of phraseological units which both nations endow with the zoonym component, some peculiarities of the mentalities of two folks are interpreted. There is an attempt to establish a relationship between the French and Greek national self-consciousness.

Keywords: zoonym, connotation, mentality, folk, phraseology

Общепризнанно, что мир предметов и явлений зачастую имеет выраженную национальную окраску, а язык призван не только отражать внутренний мир представителей любого этноса, но и его культуру,

самобытность. Не будет преувеличением сказать, что фразеология любого языка является, по сути, тем универсальным средством, которое способно отобразить систему ценностей народа и как отдельного структурного элемента, и как структурного компонента диалога культур. Фразеология, которая с течением времени накапливает в себе мудрость, менталитет и уклады какого-либо этноса, находит в себе отражение быта, особенностей растительного и животного мира, затрагивает исторические события и персоналии. В рамках данной статьи мы будем придерживаться широкого понимания фразеологии, включив в корпус исследования не только фразеологические сращения и единства, но и ряд иных устойчивых сочетаний, которые можно приравнять к фразеологизмам функционально.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) с компонентом-зоонимом отличаются яркой метафоричностью, они способны отобразить восприятие мира носителем данной конкретной лингвокультуры посредством зооморфных номинаций жизненных явлений и антропоморфных характеристик. Как известно, в лингвистике термин «зооним» принято понимать как в широком, так и в узком смысле. Если говорить о зоониме в широком значении, то термин рассматривается не только как наименование животного (коза, ворона), но и как название частей тела животного (хвост, лапа, щупальце), кроме того, он обозначает и клички (Зорька, Барбос), а иногда даже названия предметов, которые имеют отношение к животным (дупло, нора, хлев). В нашем исследовании остановимся на понимании термина в узком смысле, фокусируя внимание на наименованиях животных.

Зоонимы широко представлены во всех языках мира и как отдельные лексические единицы, и как структурные компоненты устойчивых выражений.

В контексте исследования мы подробно остановимся на анализе ФЕ с компонентом-зоонимом, рассматривая их сквозь призму французского и греческого менталитетов в сопоставительном аспекте. Представленный ниже синхронно-ориентированный подход к языкам, относящимся к разным языковым группам (романской и греческой) позволит определить этнокультурную специфику отдельно взятого народа и выявить у носителей двух этих языков общие и различные репрезентации как внутреннего мира, так и внешнего облика человека, его морально – этические качества и эмоциональную наполненность, ведь «соизучение языка и культуры другой страны особо важно тогда, когда родная культура обучаемого является дистантной по отношению к культуре страны изучаемого языка» [2, с. 167] Полиморфность характеристик, которыми греки и французы наделяют различные зоонимы, обуславливает актуальность и новизну данной статьи, которая, возможно, представляет собой первую попытку провести сопоставительный анализ ФЕ, структурным компонентом которых выступает зооним, на базе этих двух языков.

Фразеологии и паремиологии новогреческого и французского языков свойственен определенный способ обозначения явлений окружающего мира, при этом как греческие, так и французские ФЕ могут нести в себе и общие нравственные категории, присущие всем этносам (совесть, долг, доброта), и элементы стереотипного поведения, характерного лишь для греческого или французского народов в отдельности. Так, одной из наиболее характерных черт для представителя греческого языкового коллектива является его духовность, которая закрепляется во фразеологическом корпусе такими качествами, как кротость, доверие, честность, чистота помыслов. К примеру, «Ὁλοῖος γίνεταί πρὸβατο, τὸν τρώει ὁ λύκος» (досл. того, кто в овцой прикидывается, того волк

съедает) – доброта; «Για το άλογο που τρέχει, δε χρειάζονται σπιρούνια» (досл. лошади на бегу и шпоры не нужны) – усердие; «Οποιος αγαπά το μέλι, δε φοβάται τις μέλισσες» (досл. тот, кто любит мед, пчел не испугается) – смелость. Во французской лингвокультуре так же особая роль отводится ФЕ с компонентом-зоонимом, в котором отображаются такие положительные черты, как принципиальность: «Être à cheval sur les principes (досл. быть упорным в своих принципах, словно лошадь) — упорно придерживаться своих принципов), добродушие: «Il ne ferait pas de mal a une mouche (он и мухи не обидит), верность: «Fidèle comme un chien» (верный, как собака), кротость: «doux comme la brebis — (кроткий как овечка).

Концептосфера «мужчина/женщина» во французской и новогреческой фразеологии с составным компонентом-зоонимом представлена широким рядом номинаций. Особенно любопытны ФЕ, отображающие сферу личной жизни, темперамент. Если у французов ФЕ чаще всего имеют отношение к мужчинам всех возрастов: «Il aimerait une chienne coiffée» (досл. он любил причесанную собаку) (шутл.-ирон.) — он готов бегать за каждой юбкой; «Chaud lapin» (досл. пылкий кролик) — бабник; то у греков внимание акцентируется на возрасте мужчины: Γέρος γάτος, τρυφερά ποντίκια θέλει (досл. старый кот ищет молодых мышат) — седина в бороду, бес в ребро.

Во Франции главой семьи традиционно выступает муж. Его авторитет и право решающего голоса в самых значимых вопросах относительно семьи всегда неукоснительно воспринимается супругой и детьми. Соответственно, патриархальность французского общества также находит свое отражение во фразеологии французского языка: «La poule ne doit pas chanter devant le coq» (посл. — курице не следует петь раньше петуха) — жена должна слушаться мужа. Мать, которая проявляет безмерную любовь к

своим детям, часто сравнивают с аистом: «*mère cigogne*» (досл. мама-аист) — заботливая мамаша, клуша (ср. «*mère poule*» - мама-курица).

Тем не менее, в наши дни отмечается повышенная эмансипированность, самостоятельность француженок. В связи с вышесказанным стоит упомянуть, что абсолютное равенство в правах с мужчинами в юридических вопросах женщины во Франции получили только в 1985 году. С тех пор женщины все чаще стремятся зарабатывать наравне с мужчинами, предпочитая не сидеть дома с детьми, а реализовывать себя в профессиональной сфере. В связи с этим в современной Франции сейчас нередко встречаются семьи, в которых именно жены зарабатывают деньги, а мужья сидят с детьми, взяв на себя домашние хлопоты. Мужчины, предпочитающие подобный образ жизни, во Франции получили отдельную ироничную дефиницию: «*papa - poule*» — (досл. папа-наседка).

Связь поколений, уважение к старшим, ориентация на их мудрость и опытность красной нитью проходят по всему жизненному пути каждого грека. Многие мужчины, даже вступив в брак, не стремятся покинуть родительское гнездо. В стране часто можно столкнуться с тем, что молодожены устраивают свой быт именно в родительском доме, таким образом, пожилые люди в Греции всегда окружены заботой и особым трепетным отношением. Безусловно, такая особенность греческого национального характера нашла свое отражение во многих пословицах. Многие из них включают в себя сему опытности: «*Δεν πιάνεται δυο φορές ο λύκος στον ίδιο λάκκο*» — (досл. волк два раза в одну и ту же ловушку не попадет), «*Αξίζει η γερόκοτα, σαράντα πουλαδίτσες*» (досл. старая курица сорока цыплят стоит).

Во французской фразеологии опытность ассоциируется с такими зоообразами, как рыба: «*C'est un trop vieux poisson pour mordre à l'appât*» (досл.

эта рыба слишком стара, чтобы попасться на наживку) — (*посл.* старого воробья на мякине не проведёшь), лиса: «Le renard change de poil, mais non de nature!» (*досл.* лиса меняет шкуру, но не привычки) — (*посл.* волк каждый год линяет, да обычай не меняет). На наш взгляд, довольно интересно проследить этимологию идиоматизма «Cheval de trompette» в диахроническом аспекте с точки зрения актуализации в нем иного значения: в прошлом лошадей во Франции называли так потому, что «во время праздничных шествий, парадов и т.д. они не боялись звуков трубы (trompette) и оставались спокойными, невозмутимыми, несмотря на большой шум, царивший вокруг них» [3, с. 69]. Иными словами, в приведенной ФЕ на первый план выступала сема невозмутимости. А в современной языковой картине мира французов идиому «cheval de trompette» — (*досл.* лошадь, сопровождаемая звуками труб) — «перен. стреляный воробей» употребляют, говоря о человеке опытном.

В греческой культуре немало внимания уделяется воспитанию подрастающего поколения в духе уважения к себе и к окружающему миру, при этом делается акцент на важности формирования характера с самого малого возраста: «Το καλό πουλί απ' τ' αυγό κελαιδεΐ» (*досл.* хорошая птичка с рождения щебечет) – качества характера закладываются смолоду. Во французском языке соответствующих ФЕ с компонентом–зоонимом, которые бы имели отношение к воспитанию ребенка, найдено не было. Напротив, французы пытаются перевоспитать уже взрослого человека, чаще всего не отличающегося высоким уровнем интеллектуального развития. К примеру, выражение «lécher un ours» (*досл.* облизывать медведя) применяется тогда, когда речь идет о попытке перевоспитания глупого, неотесанного человека.

Наряду с духовностью и довольно высокой моральностью греческого и французского этносов, стоит особо выделить иррациональный подход к жизни и

здравый смысл в принятии решений этих народов. Причем чаще всего ФЕ с компонентом-зоонимом, относящиеся к оценке интеллектуальных способностей человека, носят в себе негативную коннотацию: «Δεν ξέρει να μοιράσει δυο γαϊδουριών άχυρο» (*досл.* не знает, как поделить сено между двумя ослами) – глупость; «Ενός κοκόρου γνώση» – (*досл.* знаний как у петуха) – глупость, легкомыслие. Как в греческой, так и во французской фразеологии зооним «осел» чаще всего выступает компонентом ФЕ, характеризующих глупого, упрямого человека: «A laver la tête d'un âne on perd sa lessive» (*досл.* мыть голову ослу – только порошок тратить) — (*погов.* дурака учить, что мёртвого лечить); «Ane bête» (глупый осел) — (невежда; набитый дурак); «Faire l'âne pour avoir du son» (прикидываться ослом, чтобы получить отруби) — (прикидываться дураком, чтобы провести кого-л). Порой французы ассоциируют простака и глупца с голубем: «Être un pigeon». Однако при описании умственных способностей у обоих народов встречается и позитивная отношение, интегрированное в ту или иную ФЕ: «Souris qui n'a qu'un trou est bientôt prise» (*досл.* мышь, которая знает лишь одну лазейку, скоро попадет в ловушку) – (*погов.* худа та мышь, которая одну лазейку знает) – о важности многомерного мышления, «Avoir une mémoire d'éléphant» (*досл.* обладать памятью как у слона) – обладать удивительной памятью, «Πεταλώνει τον ψύλλο» (*досл.* подковал блоху) – характеристика высоких умственных способностей человека; «Τα μεγάλα ψάρια, πάνονται με μικρά δολώματα» (*досл.* большие рыбы на мелкие приманки попадают) – достичь большого успеха маленькими средствами.

Во французском и греческом лингвокультурных коллективах очень ценится такое качество, как трудолюбие. Традиции трудового воспитания также получили отражение во ФЕ и пословицах, ведь труд – это решающее условие нравственного, умственного и физического развития личности. Во фразео-

паремиологическом фонде языков этих двух народов трудолюбие всегда выступает в качестве противопоставления безделию, всячески порицаемому общественными и моральными устоями: «Être à cheval sur le service» (досл. сидеть на лошади, состоящей на службе) — (быть пунктуальным в делах; быть служакой), «Abeille ouvrière» — (рабочая пчела), «Εἶναι σκύλος στη δουλεία» - (досл. пашет, как собака); «Εἶναι σκυλί μοναχό» (досл. он одинокий пес) – он работяга. Стоит обратить внимание на тот факт, что в языковом самосознании греческого народа образ одного и того же животного может вызывать прямо противоположные ассоциации, и если в семантическом поле «труд» зооним «собака», к примеру, несет в себе лишь положительную аксиологическую модальность, то в репрезентации поступков («γυρίζω σαν σκυλί» – (досл. бродить, словно собака) – вести бездомную жизнь;) или же эмотивной составляющей «μου έκανε σκυλί» (досл. превратил меня в собаку) – он меня разозлил) данный зооним приобретает негативную коннотацию.

Общеизвестно, что французам свойственно трепетное отношение к своему языку и национальной самоидентичности, что также не могло не проявиться во фразеологии. К примеру, говоря о себе, французы могут сказать «Je suis cocorico» (досл. я «кукареку»), ассоциируя себя, вероятно, с петухом, являющимся одним из символов Франции. Встретив на улице иностранца, который только начинает осваивать все тонкости французской грамматики и произношения и, очевидно, допускает ряд ошибок, француз с некой толикой поучения обязательно укажет на ошибки собеседника. Для греков же характерны черты антропоцентризма, в которых важную роль играют не столько собственная личность и интересы, сколько положение в обществе: («Το μεγάλο ψάρι τρώει το μικρό» (досл. большая рыба ест маленькую) – сильный берет верх).

Особое внимание во французской и греческой фразеологии уделяется и социальному расслоению общества: «Κάθε πουλί στον τόπο του κελαηδεί» – (досл. каждая птичка на своем месте щебечет) – «всяк сверчок знай свой шесток»); «Où la chèvre est attachée, il faut qu'elle broute» (досл. где коза привязана, там и должна траву щипать) (погов. всяк сверчок, знай свой шесток), («Χρυσόμενος γάιδaros, πάντα γαιδούρι είναι» (досл. золотой осел останется все же ослом) – «рожденный ползать летать не может»). Кроме того, интерес греков сосредоточен и на уровне доходов: «Από καβάλα στ' άλογο, κάθισε σε γαιδούρι» (досл. пересесть с коня на осла) – обеднеть; «Ψόφια ψείρα» (досл. тощая вошь) – бедняк. Стоит подчеркнуть, что во французской фразеологии устойчивые выражения с компонентом – зоонимом, которые бы характеризовали незавидное материальное положение, встречаются редко. К примеру, бедность у французов ассоциируется с крысой – «Gueux (или pauvre) comme un rat d'église» - (погов. беден как церковная крыса). Ориентация ФЕ у французского этноса чаще сводится к характеристике богатой, сытой жизни: «La poule au pot» — (досл. курица в супе) - «жизнь в довольстве, сытная жизнь»; «Être comme un coq en pâte» (досл. как петух в тесте) — «жить припеваючи, кататься как сыр в масле».

Говоря о сущности менталитетов жителей Греции и Франции, нельзя обойти вниманием особую эмоциональность, экспрессивность, темперамент двух этих народов. Повышенной красноречивостью обладают ФЕ, дающие характеристику как внешнему облику человека, так и его внутреннему миру, причем чаще всего восклицания, дающие характеристику внешности, носят в себе бранный характер, который, по сути, балансирует на грани с общепринятыми нормами «Αρκούδα κακομούτσουνη με τα χοντρά ποδάρια» (некрасивая медведица на коротких ножках) – о некрасивой, уродливой женщине, «Grand cheval» — лошадь, кобыла (о нескладной крупной женщине),

«Aigre comme un chat gouttiere» (досл. худой как кошка, похожая на водосточную трубу) – тощий, как драная кошка; «Sec comme un hareng (saur)» (досл. тощий как сельдь) — тощий как щепка; кожа да кости; «Laid comme un rou» (досл. уродливый как вошь) — страшный, как черт. Французскому языку свойственная репрезентация эмотивных восклицаний с компонентом-зоонимом: «Mon lap!» (досл. мой кролик!) — милочк!; «gourmand (или friand) comme un chat» (досл. обжора, как кот) — большой сладёна; «Faire le zèbre» (досл. прикинуться зеброй) — валять дурака.

В ходе нашего исследования нам также удалось обнаружить французскую ФЕ, которая находит истоки своего значения в Греции, однако распространение свое получила во Франции. Выражение «Couper la queue du chien d'Alcibiade» (досл. отрезать хвост собаке Алкивиада) сегодня дает характеристику человеку, совершающему эксцентричные поступки. Приведенная идиома непосредственно связана с именем одного из самых любимых учеников философа Сократа, который, отрезав хвост своей собаке и услышав гул неодобрения, пронесшийся по всему городу, заявил, что именно такой славы он и добивался.

Таким образом, рассмотрев ФЕ с компонентом-зоонимом сквозь призму лингвокультур французского и греческого народов, мы можем сделать вывод о том, что и у французов, и у греков доминирует эстетический критерий, способный отображать внешние и внутренние характеристики человека. Тем не менее, в корпусе фразеологии наблюдается и ряд различий. Так, в менталитете греков актуализируется ФЕ с семой бедности, когда как у французов внимание акцентируется на финансовом достатке; нетерпимость французов к неуважению собственной культуры в общем и к языку в частности диссонирует с выраженным антропоцентризмом греков. Мы также отметили, что у французов, в отличие от греков, отсутствуют ФЕ с компонентом-зоонимом, которые бы

относились к воспитанию детей. Однако в целом сходство лингвокультур двух народов в передаче эмоционального состояния и поведения очевидно и обусловлено тем, что оба эти языка функционируют на территории Европы. Мы не ставили перед собой цели дать полную характеристику менталитетов двух народов, отраженных во фразеологическом наследии, а лишь попытались наметить контуры дальнейшего исследования в сопоставительном ключе. Говоря о практической ценности приведенного выше материала, основанной на процедуре сопоставления французского и новогреческого языков, мы можем выделить его лингводидактическую ориентацию. Сопоставительный анализ ФЕ с компонентом-зоонимом может быть использован в педагогической практике, целью которой является обучение иноязычной культуре через культуру собственную.

Библиографический список

1. Кумлева Т.М. Самая современная фразеология французского языка / Т.М. Кумлева – М.: «Аст», 2011. – 416 с.
2. Мамонтов А.С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения / А.С. Мамонтов – М.: ИЯз РАН, 2000. – 183 с.
3. Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски / А.Г. Назарян – М.: «Наука», 1968. – 348 с.
4. Σιντόρη Σ.Ελευθερία Ελληνικές παροιμίες / Σ.Ελευθερία Σιντόρη - Θεσσαλονίκη, 2003. – 192 σ.
5. Σμυρνιωτάκης Γ.Κ. Λαϊκή σοφία. 10000 Ελληνικές παροιμίες / Γ.Κ. Σμυρνιωτάκης Γ.Ι. Σηφάκης – Αθήνα, 1995 – 479 σ.

УДК 82.0

Силин В.В. Художественные принципы поэзии дада

Literary principles of the Dada poetry

Силин Владимир Васильевич

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры романской и классической филологии,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Silin Vladimir Vasilyevich

PhD, Assistant-professor,
Roman and classical philology Chair,
Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: В литературоведении искусство дада иногда представляют нелепым, абсурдным и не заслуживающим внимания. Критикуют в основном из-за двух художественных принципов дадаистов, заявленных в их манифестах: полный отказ от предшествующей культурной традиции и обращение к упрощенному детскому мировосприятию. Анализ манифестов дадаизма и исследование поэтики стихотворения Тристана Тцары «Chanson Dada» позволили сделать вывод, что дадаисты не смогли отказаться от предшествующей традиции, используя поэтические формы символизма и экспрессионизма в сочетании с формами известных детских жанров. Но в их искусстве поэтика модернистских течений способствовала созданию сложных интеллектуальных произведений, в которых формы детских жанров создали яркий иронический эффект.

Ключевые слова: Дадаизм, модернизм, авангардизм, антиискусство, символизм, экспрессионизм.

Abstract: In literary criticism the art of Dada is sometimes considered as ridiculous, absurd and not worthy of attention. Mainly two artistic principles of the Dadaists declared in their manifestos are criticized : complete rejection of the previous cultural traditions and appeal to a simplified children's worldview. The analysis of the manifestos of Dada and the study of the poetics of the Tristan Tzara's «Chanson Dada» has led to the conclusion that the Dadaists could not refuse the previous tradition by using the poetic forms of symbolism and expressionism in combination with known forms of children's literary genres. But in their art the poetics of the modernist movements contributed to the creation of complex intellectual works, in which children's genres has created a vivid ironic effect.

Keywords: Dada, modernism, avant-garde, anti-art, symbolism, expressionism.

В литературоведческой критике искусство дада иногда характеризуется уничижительно, например, у Л. Г. Андреева [1, с. 88-89]. Тем не менее, даже он не отрицает, что «дадаизм оставил в искусстве глубокий и непреходящий след, поскольку он в малопочтенной форме сформулировал характерные принципы

модернистской художественной техники» [1, с.88]. Кроме того, в искусстве дада впервые отмечаются признаки *авангардизма* или «радикального модернизма», как его определяет В. А. Луков [6]. Некоторые теоретики искусства также считают, что именно из дадаизма берет свое начало постмодернизм [10].

В этой статье поставлена **цель** - доказать, что художественные принципы дадаизма ориентированы на создание *интеллектуальной* модернистской поэзии. Доказательства основаны на формулировках принципов, изложенных в манифестах дадаистов, и на анализе поэтики стихотворения Тристана Тцары «Chanson Dada» (1923) параллельно с переводом Ал. Парина - «Песенка дадаиста» (1985).

История движения дада начинается в Цюрихе 8 февраля 1916 года, со дня открытия «Кабаре Вольтер», основанного Гуго Баллем, немецким писателем и переводчиком французской литературы. В наше время такое кабаре называли бы артистическим кафе, так как в нем устраивали вечера, на которых читали стихи Аполлинера и Рембо, играли музыку Шёнберга. По стенам были развешаны работы Пикассо и Арпа. На сцене танцовщицы в абстрактных масках и костюмах работы Марселя Янко исполняли кубистические танцы. Тристан Тцара и Ганс Арп публично создавали «спонтанные работы», разрывая куски бумаги и складывая их случайным образом в коллажи. Иногда на сцену выходил Гуго Балль, одетый в трубу из синего блестящего картона с высоким металлическим цилиндром на голове и декламировал придуманные им бесконечные «звуковые» стихи [5]. Посетителями были молодые поэты, писатели, художники из разных европейских стран, которые приехали в нейтральную Швейцарию, так как ненавидели войну.

Таким образом, первым толчком к созданию движения дада стало резко *негативное* отношение молодых представителей европейской культуры к войне.

Первая мировая война началась, как известно, с убийства эрцгерцога Фердинанда, наследника австро-венгерского престола. Убийство совершил боснийский анархист Гаврило Принцип. Причиной, побудившей его на теракт, стали заявления эрцгерцога о намерении присоединить к своей империи территории балканских славян. В результате убийства *одного* человека на полях первой мировой войны погибло 10 миллионов человек и еще, по разным сведениям, от болезней и лишений умерло от 10 до 20 миллионов. Первая мировая подняла огромную волну *шовинизма* в Европе, в парламентах все партии, и левые, и правые, голосовали за войну, во многих странах прошли погромы. Против войны выступили единицы: Ромен Роллан, который поставил себя «над схваткой», Бернард Шоу, который обвинил европейскую интеллигенцию в том, что она допустила войну. А молодые дадаисты из кабаре «Вольтер» обвинили в развязывании войны *всю европейскую культуру*. Как отмечала С. Ю. Завадовская, «они обвиняли, прежде всего, человека вообще, общество, которое своей пассивностью и своим конформизмом позволили катастрофе стать мировой» [3, с. 78].

Поэтому в Манифесте дада 1918 года прозвучало декларативное заявление - «Balayer, nettoyer», в переводе «Вымести, очистить», что означает отказ от идеалов европейской культуры, приведшей к ужасной войне. И сразу же было предложено создать *новое* искусство. «Если жизнь - это дурной фарс, лишенный цели и изначального порождения, и раз уж мы полагаем, что должны выбраться из всей этой истории чистые, как омытые росой хризантемы, мы провозглашаем единственное основание для понимания: искусство», - писал Тцара [7]. Гуго Балль заявил, что дада - это «новое направление в искусстве» [2]. А С. Ю. Завадовская увидела в этом искусстве «желание создать лучший мир и лучшего человека» [3, с.78].

Таким образом, искусство дада стало *протестом* против культуры, которая привела к войне [4].

Критика сразу же обвинила дадаистов в неуважении, презрении и высмеивании культурных традиций, их обвинили в слишком вольном обращении с языком и художественными средствами, в цинизме, нигилизме и разрушении эстетики. Некоторые даже называли дадаизм «антиискусством» [4].

В своих манифестах дадаисты противопоставили рационализму и логике «детский лепет», то есть, *иррациональность*, свойственную, по их мнению, детскому мировосприятию. Поэтому, кстати, для названия нового художественного движения единодушно было выбрано детское слово «dada», которое означает на французском языке «лошадка», когда оно было случайно обнаружено в словаре «Larousse». Именно за детскую наивность больше всего критикуют искусство дада, видя в нем только «бессмыслицу», «абсурд», «нелепость» [1, с. 88; 4]. Такие характеристики кажутся странными, если учесть, что дадаисты ставили перед своим искусством высокие цели. «Высочайшим искусством будет то, которое содержанием своего сознания отразит многотысячные проблемы времени, искусство, несущее в себе следы потрясений последней недели, искусство, вновь и вновь оправляющееся от ударов последнего дня», - писал Рихард Хюльзенбек [9].

Несмотря на желание дадаистов начать все с нуля и создать новое искусство, специалисты сразу же отметили, что оно *эklekтично*, так как они пользуются *известными* средствами художественного выражения. Действительно, если обратиться к стихотворению Тцары «Chanson Dada», то формальные заимствования станут заметны сразу.

Прежде всего, на уровне формы видно отсутствие знаков препинания. Таково было нововведение Гийома Аполлинера, которым воспользовались

многие французские поэты, например, Луи Арагон. Однако у Тцары отсутствие знаков препинания и заглавных букв, очевидно, означает простоту средств выражения, свойственную детям.

Так как стихотворение заявлено как песня, то оно поделено на три куплета. В них наблюдается ритм, характерный для детских песенок. Каждый куплет, состоящий из двух четверостиший и одного трехстишия, ритмически очень похож на известную детскую песню: «Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч». Пять строк, завершающих каждый куплет, подобны рефрену, так как имеют иной ритм, похожий на детскую «считалку». Таким образом, вполне очевидно, что Тцара сознательно адаптировал в своем стихотворении формы детской песенки. Кроме того, в «Chanson Dada» присутствуют забавные ассоциации. Например, *papa à Rome* (папе в Рим) напоминает *baba au rhum* (ромовая баба), смешна также рифма *soupare - rare* (клапан - папа), где *soupare* фонетически аналогичен *sous rare* (под папой).

Все отмеченные формальные элементы стихотворения Тцары придают ему веселый *игровой* характер.

Однако содержание песни *катастрофично*: в первом куплете лифт отрезал руку королю (в переводе - графу мизинец), которую он отправил в Рим Папе римскому; во втором муж убил жену и ее любовника и отправил их тела в трех чемоданах в Ватикан; в третьем змий (в переводе - змей, так как не замечена интертекстуальная аллюзия на известного библейского персонажа) обнял Папу римского.

Отмеченная катастрофичность, очевидно, заимствована у немецких *экспрессионистов*. Недаром существует мнение, что дада происходит из одной из ветвей экспрессионизма, художественные принципы которой были опубликованы в Берлине в феврале 1915 года в некоем «Литературном

манифесте», распространявшемся в виде листовок. В этом тексте Гуго Балль и Рихард Гюльзенбек называли себя «негативистами».

Содержание пяти строк «считалки», как и подобает этому «жанру», *абсурдно*. Поэтому переводчик вполне сознательно использовал иные образы, понимая, что это не исказит перевод. Например, в оригинале рефрена первого куплета написано:

ешьте шоколад
мойте свой мозг
дада
дада
пейте воду

В переводе:

вода нужна всегда
прополощи мозги
дада
дада
отдай долги

Понятие дада в стихотворении Тцары имеет явно *символическое* значение, что указывает на его связь с французским символизмом. Дада выражает в нем доброту, которой обладают положительные образы и которой, соответственно, лишены отрицательные, например, лифт, который отрезал руку королю. Вторым символическим образом является Папа римский, притом отрицательным, главным виновником всех бед. Именно поэтому в Ватикан отправляют и отрезанную руку, и тела любовников. И даже объясняется причина зла: Папа римский находится в объятиях Сатаны.

Ради исторической справедливости необходимо напомнить, что Папа Бенедикт XV считал первую мировую войну «самоубийством Европы» и постоянно призывал к примирению, за что был прозван «апостолом мира». Очевидно, дадаисты не имели ничего лично против Бенедикта XV, для них он

был просто олицетворением европейской культуры, которую они обвиняли в развязывании кровопролитной войны.

Игровой характер формы «Chanson Dada» вполне очевидно контрастирует с серьезным содержанием произведения, создавая яркий *иронический* эффект. Впервые подобного эффекта добился создатель теории «точки зрения» Генри Джеймс в своем романе «Что знала Мейзи» (1897). В этом романе события развода родителей представлены с наивной точки зрения их четырехлетней дочери. Однако в стихотворении Тцары ирония создана не с помощью детской точки зрения на взрослую жизнь, а посредством использования поэтики детских жанров.

Таким образом, исследование показало, что поэтика дада действительно эклектична, только подбор художественных средств необычен: с одной стороны, формы известных течений модернизма - символизма и экспрессионизма, с другой, забавные формы детских жанров. Благодаря поэтике детских жанров, дадаисты в ироничном свете представляли современную им европейскую цивилизацию, которую они обвиняли в развязывании первой мировой войны. А символизм и экспрессионизм помогал им создавать глубокие по содержанию интеллектуальные произведения, которые побуждают читателей размышлять о принципах существования человеческой цивилизации.

Библиографический список

1. Андреев Л. Г. Сюрреализм // Зарубежная литература XX века: Учеб. для вузов / под ред. Л. Г. Андреева. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Высшая школа, 2000. С. 87-97.

2. Балль, Гуго. Манифест к первому вечеру дадаистов в Цюрихе // Называть вещи своими именами: Прогр. Выступления мастеров запад.-европ. лит. XX в. / Сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. - М.: Прогресс, 1986. С. 316-317.
3. Завадовская С. Ю. Литература Франции. XX век: Учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высшая школа, 1993. 304 с.
4. Риа Ю. <http://kaplyasveta.ru/posle-altamiry/dadaizm-razocharovanie-kultury.html>
5. Сартан, Марк. Дадаизм // Искусство, № 7, 2009 / http://art.1september.ru/view_article.php?id=200900705
6. Современная французская литература / под ред. проф. Вл. А. Лукова <http://modfrancelit.ru/dadaizm/>
7. Тцара, Тристан. Манифест дада 1918 / <http://zan-off.livejournal.com/24506.html>
8. Тцара, Тристан. Песенка дадаиста / Перевод Ал. Парина <http://dadako.narod.ru/nachdichten.htm>
9. Хюльзенбек, Рихард. Дадаистский манифест 1918 года // Называть вещи своими : Прогр. Выступления мастеров запад.-европ. лит. XX в. / Сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. - М.: Прогресс, 1986. С. 318-320.
10. Locher, David. Unacknowledged Roots and Blatant Imitation: Postmodernism and the Dada Movement // Electronic Journal of Sociology, 1999 / <http://www.sociology.org/content/vol004.001/locher.html>
11. Tzara, Tristan. Chanson Dada / http://www.siir.gen.tr/siir/t/tristan_tzara/chanson_dada.htm

УДК 811.161.1

Твердохлеб О.Г. Флористическая лексика в атрибутивных сочетаниях с процессуальным признаком (К вопросу о синтаксических моделях И. Бродского)

Floristic vocabulary in attributive combinations with a procedural feature
(On the question of the syntactic models of J. Brodsky)

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания
русского языка,
Оренбургский государственный педагогический университет

Tverdokhleba Olga Gennadjevna

Ph.D., Associate Professor, Department of linguistics and methodology of teaching Russian
language,
Orenburg State Teacher Training University

Аннотация: Обосновывается идея о том, что в языке поэтических текстов И. Бродского наблюдается достаточно активное использование флористических номинаций, атрибутивно охарактеризованных причастными оборотами. На иллюстративном материале показано, как при помощи причастных оборотов, атрибутивно определяющих номинации объектов растительного мира, создается характерный для поэтического творчества Бродского сложный синтаксис, обусловленный: 1) структурой причастных оборотов (включающих разное количество элементов); 2) синтаксическим употреблением причастных оборотов по отношению к главному слову, называемому флористические реалии (общие наименования и собственно фитонимы, части и совокупности растений): а) на одной строке или на нескольких строках; б) в постпозиции (в наибольшем количестве случаев) / в препозиции; в) контактно (в абсолютном большинстве выявленных контекстов) и дистантно. Приёмы, предложенные в статье, могут быть использованы при анализе поэтики других авторов.

Ключевые слова: причастный оборот, растение, идиостиль, И. Бродский.

Abstract. The author substantiates the idea that in the language of Brodsky's poetic texts there is a fairly active use of floral nominations, attributively characterized by participial turnovers. The illustrative material shows how a complex syntax, characteristic of Brodsky's poetic creativity, is created with the help of participial phrases attributive to the nomination of objects of the plant world, due to: 1) the structure of participial turns (including a different number of elements); 2) the syntactic use of participial turns in relation to the main word, which refers to floristic realities (common names and proper phytonyms, parts and assemblages of plants): a) on one line or on several lines; b) in the postposition (in the largest number of cases) / in the preposition; c) contact (in the vast majority of identified contexts) and distantly. The methods proposed in the article can be used in analyzing the poetics of other authors.

Keywords: the participle, the plant, the idiostyle, J. Brodsky.

*В роцах
те же растения...
Неподвижность огромных растений*
И. Бродский. «Колыбельная Трескового Мыса», 1975.
*Вдыхая о своих пенатах
в растительных мотивах...*
И. Бродский. «Архитектура», 1993.
*Крутя бугенвиллей вензеля,
ограниченная земля,
их письменностью прикрывая стыд,
растительностью пространству мстит.*
И. Бродский. «Иския в октябре», 1993.

I. В этнографии и мифологии, фольклористике и истории [1; 5; 9], постоянно указывается на важное значение растительного мира в сознании человека. Разные реалии растительного мира становятся регулярным объектом художественного изображения в современной поэзии и прозе, поэтому достаточно часто изучаются и в литературоведении, и в лингвистике (2; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 20; 21; 23; 25] и др.).

В данной статье мы также обратились к исследованию растительных реалий, их частей и совокупностей, в частности, художественно осмысленных и описанных в поэтических текстах Иосифа Бродского. Материалом для исследования послужило 612 стихотворений и поэм Иосифа Бродского (в: [3] – далее все примеры по этому электронному тексту).

Так как важнейшей для поэзии Бродского, занимающей особое место в литературе XX века, является, по мнению многих ученых [4; 13; 14; 15; 16; 23 и др.], её связь с идеей времени, то объектом данного исследования, продолжающего наш анализ особенностей функционирования временного процессуального признака (см., в частности: [18; 19]), являются синтаксические конструкции, в которых процессуальный признак в форме согласованного

определения, выраженного причастным оборотом (далее: ПО – О.Т.), употреблен поэтом для характеристики объектов растительного мира.

II. Употребление причастий позволяет автору образно описывать разные номинации реального мира, представляя признаки разных объектов действительности в динамическом изменении во времени.

От общего числа (более 2 000) выявленных конструкций с атрибутивной характеристикой причастными формами разных объектов и понятий реального мира) почти 5% составляют конструкции (103 случая) с главным словом — номинацией объектов мира флоры.

Выявленные нами номинации объектов растительного мира (такие как: общие наименования и собственно фитонимы, части и совокупности растений — подробнее о предложенной нами тематической классификации флористической лексики см.: [17]), И. Бродский характеризует с помощью согласованного определения, выраженного:

1) как одиночными причастиями (66 контекстов), ср., напр., определение при помощи сразу двух одиночных причастий (разных залогов и разного времени) одной лексемы *лес* в стихотворении Бродского «Северная почта»:

*... и мудрено дождаться похвалы
от спящего заснеженного леса;*

2) так и причастными формами (также разных залогов и разного времени) в составе ПО (37 контекстов), напр., для характеристики лексемы *неон* в другом его стихотворении «1867»:

*Хуарец, действуя как двигатель прогресса,
...забывшим начисто, как выглядят два песо,
неонам новые винтовки выдает.*

В этой работе будут выявлены некоторые синтаксические особенности поэтических моделей И. Бродского, включающих флористические номинации в сочетании с согласованным определением, выраженным ПО.

III. Использование в качестве согласованного определения ПО, позволяют поэту заменять придаточные предложения, создавая более концентрированные, а потому и более выразительные образы художественного мира растений.

При этом И. Бродский предпочитает самые разные модели синтаксического построения стихотворных строк, включающих ПО.

1. Живописуя флористические реалии поэт вводит в свои стихотворные строки:

1) короткие ПО из двух элементов (причастие вместе с отдельно написанной отрицательной частицей *не* мы рассматриваем в качестве одного элемента) (15 контекстов):

а) находящиеся на одной строке с главным словом (11 случаев):

— в препозиции по отношению к главному слову (2 контекста), напр., к собственно видовому названию растений (дерево *сосна*):

*По срубленной давно сосне
она ту правду изучает
что неспособность к белизне
ее от сада отличает.*

«К садовой ограде»;

— в постпозиции по отношению к главному слову (9 конструкций), представленному напр., гиперонимической лексемой *дерево*:

*Пустеть домам, и улицам пустеть,
деревьям, не успевшим облететь
теперь дрожать, чернеть на холоду,*

страдать у перекрестков на виду...

«Шествие (поэма)»;

или номинацией части растения (лексема *стебель*):

*Смерть уже в каждом слове,
в стебле, обвившем жердь.
Смерть в зализанной крови,
в каждой корове смерть.*

«Холмы»;

б) находящиеся на другой строке после (до) главного слова (4 совоупотребления):

— в препозиции по отношению к главному слову (2), представленному в частности, гиперонимической лексемой *кустарник*:

*И гребень падает, бежит;
сраженный красотой,
кустарник сучьями шуришит,
а нужен козодой.*

«В замерзшем песке»;

— в постпозиции по отношению к главному слову, представленному напр., лексемой, номинирующей собственно видовое обозначение растений – цветок *резеда* (2):

*Ночь, одержимая белизной
кожи. От ветреной резеды,
ставень царапающей, до резной,
мелко вздрагивающей звезды,
ночь...*

«Ночь, одержимая белизной...».

Ср. также стихотворные строки с дистантным расположением главного слова (представленного гипонимической лексемой, называющей кустарник *боярышник*) и ПО:

А странно потому, что накануне

боярышник царапался в стекло,

преследуемый ветром

«Суббота (9 января)»;

2) ПО, включающие в свой состав причастие и предложно-падежную форму (8):

а) находящиеся на одной строке с главным словом (6 случаев):

— в препозиции по отношению к главному слову (2 примера), напр., строки с атрибутивной характеристикой лексемы, номинирующей гипонимическое обозначение дерева (*тополь*):

Трубят зима над сумраком полей

в фанфары юго-западного ветра,

и снег на расстояньи километра

*от **рвущихся из грунта тополей***

кружится недоверчиво...

«Неоконченный отрывок»;

— в постпозиции по отношению к главному слову (4 случая), ср., напр. сочетание ПО с гиперонимической лексемой, обозначающей совокупность деревьев (*роща*):

Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам,

*вдоль березовых рощ, **отбежавших во тьме**, к треугольным домам,*

вдоль оврагов пустых, по замерзшей траве, по песчаному дну,

освещенный луной, и ее замечая одну.

«Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам...».

Ср. также строки с дистантным расположением главного слова (употребленного поэтом для собственно видового обозначения цветка лексемой *георгин*) и ПО:

*Посредине абсурда, ужаса, скуки жизни
стоят за стеклом цветы, как вывернутые наизнанку
мелкие вещи -- с розой, подобно знаку
бесконечности из-за пучка восьмерок,
с колесом георгина, буксующим меж распорок,
как расхристанный локомотив Боччони,
с танцовщицами-фуксиями и с еще не
распустившейся далией.*

«В Англии»;

б) находящиеся на другой строке после (до) главного слова (2 контекста):

— в препозиции по отношению к главному слову (гиперонимической номинации: *дерево*) (1):

Ветреный летний день.

Прижавшееся к стене

дерево и его тень.

«Сидя в тени»;

— в постпозиции по отношению к главному слову (гиперонимической номинации: *травы*) (1):

Узнаю этот ветер, налетающий на траву,

под него лежащую, точно под татарву

«Узнаю этот ветер...»;

3) ПО, которые включают в свой состав более, чем два элемента (6 случаев):

а) находящихся на одной строке с главным словом (2 словоупотребления):

— в препозиции по отношению к главному слову и только в конструкции с дистантным расположением главного слова (в частности, лексемы со значением видового обозначения реалии растительного мира - цветка *хризантемы*) и ПО (1):

Кухня;

издающая запах чая гудящая хризантема

газовой плитки. И очертания тела

оседают на кресло, как гуца, отделяющаяся от жижи.

«В Англии. IV. Ист Финчли»;

— в постпозиции по отношению к главному слову – гипонимической номинации кустарника лексемой *боярышник* (1 случай):

Боярышник, захлестнувший металлическую ограду.

Бесконечность, велосипедной восьмеркой принохивающаяся к коридору.

«Стрельна»;

б) начинающиеся на другой строке после (до) главного слова, хотя сами расположены полностью на одной строке (4 случая):

— в препозиции по отношению к главному слову (1), называющем *неон* (собственно видовое название цветка):

Хуарец, действуя как двигатель прогресса,

...забывшим начисто, как выглядят два песо,

неонам новые винтовки выдает.

«1867».

— в постпозиции по отношению к главному слову (3 случая), ср., напр., сочетания ПО и лексемы *розы* (собственно видовое название цветка):

*Азийский ветер, загасив маяк
на башне в Сесте, хлопает калиткой
и на ночь глядя баламутит розы,
в саду на склоне впавшие в столбняк,
*грохочет опрокинувшейся лейкой
вниз по ступенькам**

«Неоконченное».

Ср. также строки с дистантным расположением главного слова (лексемы, называющей совокупность растений: *чаща*) и ПО:

*Он, голову подняв, смотрел туда,
где обнажались корни чащи мрачной,
разросшейся над ним
-- и там звезда
*среди них (корней) зажгла свой свет прозрачный.**

«Исаак и Авраам»;

4) ПО, которые включают в свой состав более, чем два элемента, занимающие в поэтическом тексте Бродского несколько строк, при этом (8 примеров):

а) одно или несколько слов причастного оборота находится на одной строке с главным словом (4 случаев):

— в препозиции по отношению к главному слову (1), называющему собственно видовое название растения – *далию*:

*...как расхристанный локомотив Боччони,
с танцовщицами-фуксиями и с **еще не***

распустившейся далеей

«В Англии»;

— в постпозиции по отношению к главному слову (3 примера), в частности, к гиперониму *дерево*:

*Померкший взор опередил ботинки,
застывшие перед одной из луж,
в чьем зеркале бутылки
деревьев, переполненных своим
вином, меняли контуры, и город
был потому почти неотрезвим.*

«Набережная р. Пряжки»;

б) весь причастный оборот находится на других от главного слова строках (4):

— в постпозиции по отношению к главному слову (только; все 4 примера), напр., к гиперонимическому названию *тальник*:

*...пронзительные рулады

соек тревожат прибрежный тальник,
скрывающий белизну опальных
мест у скидывающих купальник
в зарослях...*

«Эклога 5-я (летняя)».

Как показывает описанный выше материал, употребление причастных оборотов в качестве атрибутивной характеристики номинаций объектов растительного мира в поэзии Иосифа Бродского имеет целый ряд особенностей, обусловленных:

1) структурой ПО (в частности, количественным составом входящих в причастный оборот элементов), на основании которой выделяются три группы поэтических конструкций, включающих:

а) ПО, которые включают в свой состав два элемента (достаточно частотно: **15** конструкций);

б) ПО, которые включают в свой состав причастие и предложно-падежную форму (8 конструкций);

в) ПО, которые включают в свой состав более, чем два элемента (14 конструкций);

2) синтаксическим употреблением ПО, в стихотворном тесте пространственно (графически) по-разному расположенных по отношению к главному слову, номинирующем объекты растительного мира, а именно:

- на одной строке (в наибольшем количестве контекстов: **23** конструкций);
- на другой строке после либо до главного слова (10 словоупотреблений);
- на нескольких строках (8 примеров);
- в постпозиции (в наибольшем количестве случаев: **27** конструкций);
- в препозиции (10 примеров);
- контактно (в абсолютном большинстве выявленных контекстов: **32** конструкции);
- дистантно (гораздо реже: 5 случаев).

Таким образом, создаваемый при помощи причастных оборотов столь характерный для поэтического творчества И. Бродского сложный синтаксис оказывается значимой характеристикой идиостиля автора.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу В 3 т. – М.: Современный писатель, 1995. – 824 с.
2. Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 34-37.
3. Бродский И. Стихотворения и поэмы (основное собрание) // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (дата обращения: 14.01.2017).
4. Ваншенкина Е. Острие: Пространство и время в лирике И. Бродского // Литературное обозрение. – 1996. – № 3. – С. 35-41
5. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. – 766 с.
6. Завалишина Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Г. Завалишина. – Курск: изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1998. – 220 с.
7. Егорова Е.Н. Флористическая символика в поэзии Пушкина // Приют задумчивых дриад. Пушкинские усадьбы и парки. – М.: Информационный центр, 2006. URL: <http://www.proza.ru> (дата обращения 20.11.2017).
8. Елисеева М.Б. Семантический объём слова «сад» в культурно-историческом контексте: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.01) / М.Б. Елисеева; ГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 1991. – 16 с.
9. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 1996.
10. Камаль З.А., Чарыкова О.Н. Роль лексики, называющей растения, в репрезентации художественной картины мира С. Есенина // Вестник ВГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: ВГУ, 2011. – № 1. – С.58-63.

11. Киселева Г.В. Цветы в русской языковой картине мира // Историко-культурное освещение слова и языковая экология. – Липецк, 2002. – С. 72-75.
12. Константинова С.К. «Цветы» и «Деревья» в лирике А.А. Фета // А.А. Фет и русская литература: материалы Всероссийской научной конференции «XV Фетовские чтения». – Курск: КГПУ, 2000. – С. 53-163.
13. Крепс М.Б. О поэзии Иосифа Бродского. – Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1984. – 278 с. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/29635/slug/o-poezii-iosifa-brodskogo> (дата обращения 20.11.2017).
14. Куллэ В.А. «Поэтический дневник» И. Бродского 1961 года: (Формирование линейной концепции времени) // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. – СПб.: Журнал «Звезда», 1998. – С. 97-107.
15. Лотман Ю.М., Лотман М.Ю. Между вещью и пустотой (из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Урания») // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – С. 731-746.
16. Полухина В.П. Поэтический автопортрет Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. – СПб.: Журнал «Звезда», 1998. – С. 145-153.
17. Твердохлеб О. Г. Местоимение и согласованные с ним причастные формы в поэзии Иосифа Бродского: синтаксические особенности // NovaInfo.Ru. – 2017. – № 58. – Т. 3. – С. 270-278.
18. Твердохлеб О.Г. Тематическое своеобразие растительных реалий, определяемых причастными формами (в поэтическом тексте Иосифа Бродского) // International conference on modern researches in science and technology: materials of the I international research and practice conference January

31th, 2017, Berlin, Germany: Scientific public organization “Professional science”, 2017. pp. 650-664.

19. Твердохлеб О.Г. Причастия в афоризмах // Язык и культура. – 2016. – № 2 (34). – С. 85-97.

20. Титова В.С. Мир душистых растений в поэзии С.А. Есенина. - М.: Советский писатель, 2005. – 48 с.

21. У Луцянь. Семантическое поле «цветок» в языке русской художественной прозы второй половины XIX века (на материале произведений И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, А.П. Чехова): дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.01 / У Луцянь ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, [Филол. фак.], Каф. рус. яз. – М., 2015. – 292 с.

22. Хамитонова Э.Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX – XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. Монография / Под ред. профессора Л.Г. Саяховой. – Уфа: РИО БашГУ, 2009. – 145 с.

23. Штырлина Е.Г. Прошлое, настоящее, будущее в поэтическом мире И. Бродского // Ученые записки Казанского университета. – Т. 152. – Кн. 6. Гуманитарные науки. – 2010. – С. 252-257.

24. Щербаков С.А. Растительный мир как природный, историко-культурный и духовный феномен в русской поэзии XX века: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01: защищена 14.03.2013 / С.А. Щербаков; [Московский гос. областной ун-т]. – М., 2013. – 38 с.

25. Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной.» Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 247-249.

УДК 811.133.1

Чекалина Т.В. К вопросу о вербализации концепта «Patrie» во фразеологизмах и афоризмах французского

On verbalization of the concept "Patrie" in phraseological units and aphorisms of the French language

Чекалина Татьяна Владимировна,
Старший преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Chekalina Tatyana Vladimirovna,
The senior teacher of the Department of roman and classical philology,
V.I. Vernadsky Crimea Federal University

Аннотация: В фокусе внимания данной работы некоторые характеристики паремиологического поля концепта «Patrie» во французской языковой картине мира. Компоненты концепта «Patrie» исследуются на материале французских пословиц и афористических текстов, авторами которых являются известные общественные, политические деятели, писатели Франции различных исторических эпох.

Ключевые слова: концепт, пословица, афоризм, паремиологическое поле, концептосфера.

Abstract: The focus of the present study is on the paremiological characteristics of the concept «Patrie» in the French semantic picture of the world. The problem of the concept «Patrie» objectivation and representation of its components is analyzed in the proverbs and aphorisms of the French language.

Keywords: concept, proverb, aphorism, paremiological field, conceptual field.

Целью данной работы является описание специфики паремиологических средств, объективирующих концепт «Patrie» во французском языке.

Паремиологическое поле концепта строится на основе анализа пословиц, крылатых выражений и афоризмов, содержащих ключевое слово «patrie» – репрезентант концепта, а также его синонимы: pays, France, République, Etat.

Когнитивная модель изучения языка является актуальным направлением современных лингвистических исследований и имеет большую практическую значимость для преподавания иностранных языков. Обучение ключевым концептам иноязычной картины мира позволяет значительно оптимизировать

процесс формирования у обучающихся лингвокультурологической компетенции. Фразеологический фонд языка – один из объектов данного исследования – также играет важную роль в этом процессе: «Фразеологизмы – это жемчужины языка, и знание иноязычных фразеологизмов и особенно их использование в речи, свидетельствует о достижении наивысшего уровня владения языком».[1]

Как известно, понятие «концепт» имеет различные трактовки в концепциях разных научных школ. Мы понимаем концепт, как многомерное образование, обладающее признаками вербализованности и маркированности.[3]

Концепт имеет определенную структуру. Как отмечает М.В. Пименова, « в структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры... Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц- репрезентантов концепта». [2, 10].

Таким образом, концепт обладает обширным номинативным полем и вербализуется лексическими, фразеологическими, перемиологическими и другими языковыми средствами. Следует подчеркнуть, что национальные паремии, афоризмы имеют высокую степень оценочности, образности, самобытности и глубоко отображают когнитивные стереотипы определенной национальной концептосферы. Несомненно, что этот пласт лексической системы языка представляет большой интерес для исследования.

Концепт «Patrie» («Родина») –важнейший базовый культурный компонент картины мира любого языка, поскольку «в нем выявляется отношение человека и общества к обитаемому пространству, к своему и чужому, ко многим событиям, людям, явлениям. [5, 4].

Изучению значений лексемы и понятия «patrie» во французском языке посвящены работы Р.А. Будагова, Ф. Брюно, А. Стекард, Р. Шевалье и других. Особый интерес представляют исследования Бернара Пелуаля «Le vocabulaire des notions «nation», «Etat», «patrie» и Жан-Клода Карона «La nation, l'État et la démocratie en France de 1789 à 1914». Авторы раскрывают семантический объем, динамику в семантике понятия «patrie» в связи с историей народа и особенностями национального менталитета.

Репрезентация исследуемого концепта во французских паремиях и афористических текстах была рассмотрена на материале словарей: Grand Larousse de la langue française/Réd. L. Guilbert, Dictionnaire culturel en langue française Robert/Réd. A.Rey, Dictionnaire de la pensée politique hommes et idées, Paris 1989, Dictionnaire historique de 1870 à nous jours/Red. F. Thomas, а также электронных интернет-словарей пословиц и афоризмов французского языка. Кроме того в материал исследования включены речи и публицистическое наследие французских политиков и общественных деятелей.

Исследуемый материал показывает, что концепт «Patrie» во французской афористике представлен намного шире по сравнению с паремиологическим фондом.

Авторы афористических сентенций – французские философы, общественные и политические деятели, писатели различных исторических эпох: Вольтер, Монтескье, Дантон, Робеспьер, Наполеон Бонапарт, Шатобриан, Камю, де Голль и другие.

Рассмотрим основные семантико-когнитивные профили концепта «Patrie», выявленные в ходе исследования.

Семантико-когнитивный профиль «малая родина, земля предков»(petite patrie, pays natal, terre des ancêtres, sol) непосредственно связан с этимологией ключевого

лексического репрезентанта концепта-существительного «patrie». Как известно, французское слово «patria» происходит от латинского «patria» – родина, отечество, которое, в свою очередь, образовано от «patrius», что означало «отцовский, отеческий, унаследованный от отца, родной». Этимон латинского слова – древнегреческая лексема аналогичной семантики.

Представим несколько примеров:

«Pour nous, la patrie c'est le sol et les ancêtres, c'est la terre de nos morts.»

(М. Баррес).

Семантический компонент «малая родина» передает сильное эмоциональное чувство по отношению к земле на которой родился, живет человек:

«L' idée de la patrie est une idée de la ville. La petite patrie, c'est la grande, c'est l'unique!» (J. Renard).

«Une partie, ce sont des champs, des murs, des tours et des maisons, ce sont des autels et des tombeaux...»(Ch. Maurras).

Поля, городские стены, башни, дома, храмы и могилы предков – метонимическое выражение понятия «малая родина».

Родина в языковом сознании французов - это и прекрасная природа родной земли, лазурное небо, ласковое солнце, родные реки, леса, плодородные земли:

« La patrie, c'est l'azur de notre ciel, c'est le doux soleil qui nous éclaire, le beau fleuve qui nous arrose, la forêt qui nous ombrage et les terres fertiles qui s'étendent sous nos pas ! »(L.-M. DeLahayedecormenin).

В этой поэтической сентенции, принадлежащей перу французского политического деятеля, академика, автора популярных политических памфлетов Луи-Мари де Лаэ Корменина ясно звучит связь человека с окружающим миром, единение с родной природой.

Семантико-когнитивный профиль, связывающий концепт «Patrie» с родной землей, местом рождения имеет и яркое паремиологическое воплощение, объективируясь посредством орнитологической метафоры: «*A chaque oiseau, son nid est beau.*»

Во французской афористике в концепте «Patrie» актуализируется семантико-когнитивный профиль «женщина-мать». Это общечеловеческая метафорическая ассоциация. В.И. Телия подчеркивает связь слова и понятия «родина» с базовыми культурными архетипами патриотического сознания: архетипом рода и архетипом матери – земли. [4].

Как указывается во французских толковых словарях, понятие *la mère patrie* употребляется для обозначения любви, привязанности к родной земле, к месту, где ты родился, откуда родом.

В индивидуальной концептосфере Шарля де Голля рамки этого компонента расширяются. Женский образ Родины- это символ Франции. Он представлен в разных ипостасях: матери, божественной мадонны и даже сказочной принцессы.

«...*j'entends la France me répodre. Au fond de l'abime, elle se relève, elle marche, elle gravit la pente. Ah ! mère, tels que nous sommes, nous voici pour vous servir !*»

«*Ce qu'il ya d'affectif en moi imagine naturellement la France telle la princesse des contes ou la madone aux fresques des murs, comme vouée à une destinée eminente et exeptionnelle.*»

Необходимо отметить, что в афористическом поле концепта «Patrie» ключевыми являются также семантические компоненты, связанные с патриотической идеей любви к родине, священного долга перед Родиной - обязанности защищать ее:

«*...servir la patrie est l'honneur veritable*» (Voltaire).

« *La premiere des vertus est le dévouement à la patrie.* » (Napoleon)

« *La patrie, c'est la nation que vous devez aimer, honorer, servir et défendre de toute énergie et de tout l'amour de votre ame !* » (Cormenin).

Исследуемый материал показывает, что устойчивые ассоциации концепта «Patrie» связаны с образом семьи. Этот лингво-ментальный компонент относится к общечеловеческим ценностям:

« *Quand on cesse d'aimer ses parents parce qu'ils ne nous sont plus nécessaires, on cesse d'aimer sa patrie.* »(Chateaubriand).

« *Qui porte les armes contre sa patrie est un monstre qui bat sa mère et tue ses frères.* » (Boiste).

« *La patrie est comme la famille, on n'en sent bien le prix, que lorsqu' on n'en a plus.* » (Flaubert).

Значимость истинной ценности ощущения человеком своей родственной, кровной связи с родиной, осознания своих французских корней ярко представлена в афористической метафоре Антуана Лорана де Жюссё, французского ученого, члена Французской Академии наук: «*La patrie est un arbre dont vous etes les racines et les branches.* »

Де Жюссё сравнивает Родину с деревом, а граждан с его корнями и ветвями. Этот образ наглядно демонстрирует тесную связь афоризмов с культурой и личностью автора: де Жюссё- известный ученый- ботаник.

Особый акцент в афоризмах, объективирующих концепт «Patrie», имеет семантико-когнитивный компонент «язык, как средство идентификации личности»:

« *Où qu'il soit , où qu'il aille, l'homme continue à penser avec les mots, avec la syntaxe de son pays.* » (R.M. du Gard).

« *Ma patrie, c'est la langue française.* »(A. Camus).

История Франции, ее историко-культурные традиции прочно сформировали в сознании французов ассоциативный ряд: *Patrie -France , République , valeurs de la République .*

« *Liberté, égalité, fraternité* » - этот комплекс аксиологических ценностей, провозглашенных в эпоху французской революции и выражающих фундаментальные принципы республики, находит регулярное отображение во французской афористике:

« ... *La patrie, c'est la gloire de nos pères, c'est la communauté du nom français, c'est la grandeur de la liberté.* » (Cormenin).

« *En marche, la liberté !*

En marche, légalité !

En marche, la fraternité !...

En Marche, la France ! » (Е. Macron).

Это слова из предвыборной речи Эммануэля Макрона – независимого кандидата на пост президента Франции на выборах 2017 года.

В важные моменты общественно-политической жизни государства, в том числе в предвыборный период, эти базовые ценностные доминанты французского сознания выходят на первый план среди маркеров, объективирующих концепт « *Patrie* ».

Необходимо отметить специфику репрезентации оппозиции «родная земля-чужая земля», отражающей универсальный оппозитивный концепт «свой-чужой» в пословицах и афоризмах французского языка. На наш взгляд в данном случае можно говорить о пространственной региональной дифференциации, отражающей особенности менталитета. Как считается, этническому менталитету французов свойственна политкорректность. Бретонцы же славятся очень

своенравными, упрямыми, малокультурными (идиома « de bas Breton » означает «некультурный человек»). Представленные пословицы ярко подтверждают эти наблюдения:

« *Toute terre m'est bon pays où je trouve biens et amis.* »(proverbe français).

« *Qui ne respecte pas mon pays, qu'il rentre chez lui.* » (proverbe breton).

Как видно резкий тон бретонской паремии контрастирует с дружелюбием и прагматизмом французского изречения.

Результаты исследования репрезентации концепта « Patrie » во французских паремиях и афористических текстах, представляющих собой ценностно – маркированные высказывания, позволяют говорить о значимости данного концепта как абсолютной ценности в различные периоды развития французского национального сознания.

Библиографический список

1. Науменко Н.П., Климачёва А.И. Структурно-семантическая характеристика фразеологических единиц испанского языка, вербализирующих концепт «внешность» в испанской фразеологии[Электронный ресурс]/ «Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции »: сб.научн.тр.-Симферополь, 2017. – С.309 – 316.<http://scipro.ru/conference-2/topical.html>
2. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации: монография.- Кемерово: ИПК «Графика», 2004- 386с.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 2-е изд. – М.: Академический проект, 2001. – 590с

4. Телия В.Н. Наименование Родина как часть социального концепта «Patria» в русском языке//языковая категоризация. Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е.С. Кубряловой- М.,1997-С.77-79.

5. Холкина А.С. Концепт patrie во французском языке Канады. Автореферат: диссертации на соискание ученой степени кандидат филологических наук- М.- 2013-27с.

УДК 811.133.1

Шибаета И.В., Костюченко Ю.В. Коммуникативно-деятельностный подход в формировании и развитии аудитивных навыков и умений (средний этап обучения французскому языку в средней школе)

The communicative activity approach in the formation and development of listening skills (middle stage of teaching the French language)

Шибаета Ирина Вадимовна

ст. преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь
irich_97@mail.ru

Костюченко Юлия Витальевна

студентка кафедры романской и классической филологии,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь
kostyuchenkoyulia@yandex.ru

Shibaeva Irina Vadimovna,

The senior teacher of the Department of roman and classical philology,
V.I. Vernadsky Crimea Federal University,
Simferopol

Kostyuchenko Yulia Vitalievna

The student of the Department of roman and classical philology,
V.I. Vernadsky Crimea Federal University,
Simferopol

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию применения коммуникативно-деятельностного подхода при обучении аудированию на среднем этапе обучения французскому языку. Подчеркивается важность использования коммуникативно-деятельностного подхода при обучении аудитивным навыкам и умениям, поскольку аудирование определяет в дальнейшем успешное изучение иностранного языка, развивает интеллектуальные способности школьников, раскрывает их общеобразовательный потенциал и готовность к межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативно-деятельностный подход, аудирование, иноязычная речевая деятельность, учебное аудирование, коммуникативное аудирование.

Abstract: The following article investigates the application of communicative activity approach in the middle school for developing listening skills in the French language. The authors highlight the importance of a communicative activity approach for acquiring listening skills as it ensures further successful learning of a foreign language. It improves intellectual abilities of pupils

and enhances their academic potential in general as well as prepares them for crosscultural communication.

Keywords: communicative activity approach, listening, foreign speaking activity, training listening, communicative listening.

Обучению аудированию в преподавании иностранных языков отводится решающая роль. Исследованиями различных процессов аудирования занимаются как лингводидакты, так и психологи. Такая заинтересованность данной темой специалистами из разных областей вызвана тем, что аудирование является не только целью, но и важным средством обучения иностранному языку, применяемому в различных сферах человеческой жизни.

Целью данного исследования является изучение возможностей применения коммуникативно-деятельностного подхода в формировании и развитии аудитивных навыков и умений при обучении французскому языку.

Исходя из намеченных целей, в исследовании были поставлены следующие **задачи:** провести анализ научных исследований по изучаемой проблеме; изучить особенности обучения аудированию французского языка при применении коммуникативно-деятельностного подхода; создать комплекс упражнений, направленных на реализацию коммуникативно-деятельностного метода в формировании и совершенствовании у учащихся навыков аудирования.

Объектом изучения выступает процесс обучения аудированию в средней школе.

Предметом исследования являются методы и приемы использования коммуникативно-деятельностного подхода в формировании и развитии аудитивных навыков и умений на среднем этапе обучения французскому языку.

Методами исследования послужили: анализ учебной и научной литературы по изучаемой проблеме; изучение истории методики и опыта учителей, использующих инновационные методики, чьи профессиональные

достижения отражены в критической литературе; описательный и сравнительно-сопоставительный методы с целью отбора наиболее эффективных приемов преподавания.

Методологическую основу данной статьи составили исследования отечественных и зарубежных ученых: С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, И. А. Зимней (проблемы психологии речевой деятельности); Р. К. Миньяр-Белоручева (теория и методика обучения иностранным языкам); И. А. Зимней, Э. Розана, Ж. - П. Роббера и К. Ренара (теоретические положения коммуникативного и деятельностного подходов в обучении всем видам **иноязычной речевой деятельности**).

Результаты исследования. «**Коммуникативно-деятельностный подход** – современный подход к обучению, рассматриваемый в качестве теоретической базы построения системы обучения неродному языку. В центре обучения находится обучающийся как субъект учебной деятельности, а система обучения предполагает максимальный учет индивидуально-психологических, возрастных и национальных особенностей личности обучающегося» [1]. Говоря о современном этапе развития образовательной системы, он приобрел весомую авторитетность в практическом применении при организации процесса обучения как иностранного языка, так и других общеобразовательных предметов в дошкольных учреждениях, средних школах и высших учебных заведениях.

Согласно определению коммуникативно-деятельностного подхода, «**учащиеся выступают в роли субъектов обучения, взаимодействующих с учителем и друг с другом, с целью получения новых знаний и развития приобретенных навыков. Объектом коммуникативно-деятельностного подхода является речевая деятельность, во всех своих видах (аудирование, говорение, чтение, письмо)**» [5, с. 203-205].

Коммуникативно-деятельностный подход соответствует современным требованиям, стоящим перед организацией учебного процесса: коммуникативная ориентированность; воспроизведение реальных речевых ситуаций; индивидуализация под каждого ученика; комплексное развитие всех языковых навыков. Деятельностный аспект данного подхода в обучению аудированию предполагает необходимость «*placer l'apprenant dans une situation d'écoute active, c'est-à-dire de lui donner une tâche précise à accomplir avant l'écoute du document ainsi que le préparer à l'écoute par une discussion sur le thème ou les aspects culturels abordés, par des associations de mots ou d'idées à partir d'un mot donné, par l'analyse d'une photo ou encore en faisant appel à son vécu*» [6, с. 29]. Методическим содержанием процесса обучения с применением коммуникативно-деятельностного подхода «являются способы организации учебной деятельности, связанные в первую очередь с широким использованием коллективных форм обучения, с решением проблемных задач, с сотрудничеством между преподавателем и учащимися» [2, с. 222]. Таким образом, перед педагогом и методистом стоит задача создать определенную систему, в которой должны присутствовать все возможные средства для успешного овладения иностранным языком.

В научной литературе существует значительное количество дефиниций понятия «**аудирование**». Впервые этот термин вводится американским ученым-психологом Дж. Брауном в 1930 г. и обозначает «понимание воспринимаемой на слух речи». В отечественной методике А. В. Щепилова рассматривает аудирование как «рецептивный вид речевой деятельности, посредством которого учащиеся получают информацию, заложенной в сообщение собеседника в разных коммуникативных ситуациях и при наличии неизученных языковых

элементов, а также понимание аутентичных текстов на иностранном языке» [4, с. 230].

В современной лингводидактике выделяют два этапа **учебного** (подготовительный и речевой) и три этапа **коммуникативного аудирования** (глобальное, детальное, выборочное извлечение информации). Основными механизмами, задействованными в процессе аудирования, Р. К. Миньяр-Белоручев определяет «слух, память, вероятностное прогнозирование и артикулирование» [3, с. 136 - 140].

Основываясь на рассмотренные виды и этапы аудирования разработаны и предложены упражнения на развитие навыков аудирования на среднем этапе обучения французскому языку в средней школе. Структура системы упражнений состоит из двух типов заданий. К первому типу относятся подготовительные упражнения, соответствующие всем 4 механизмам аудирования:

1) Упражнения, развивающие речевой слух:

- Определите на слух рифмующиеся слова, отметьте их цифрами:

trop-on-drap-monde-galop-beaucoup-environ-loup-million

Ключи: (1-5; 6-8; 2-4-7-9);

coeur-rose-comment-personne-soeur-dose-boeuf-moeurs-chose-suffisant

Ключи: (1-5-8; 2-6-9; 3-10).

- Определите значение незнакомых слов с помощью описания на французском языке:

La pâtisserie désigne à la fois certaines préparations culinaires sucrées à base de pâte.

Le plateau est une plaque rigide pour transporter de la vaisselle et des plats.

La cantine est un restaurant où on se rend régulièrement.

2) Упражнения на тренировку памяти:

- Прослушайте слова и словосочетания разных лексико-семантических полей, сгруппируйте их:

une tempête, de neige, un étang, un fourré, une station balnéaire, des rochers, une randonnée, séjourner dans un hôtel, une clairière, le temps est clair, une agence de voyage, un océan, des nuages.

Ключи:

le temps	une tempête de neige, le temps est clair, des nuages.
le paysage	un étang, un fourré, des rochers, une clairière, un océan.
les vacances	une station balnéaire, un agence de voyage, séjourner dans un hôtel, une randonnée.

- Прослушайте ряд слов и словосочетаний, выделите слова, принадлежащие к одному лексико-семантическому полю: «bon appétit» ou «le portrait»:

mince, un restaurant, des yeux, blond, un jambon, poli, une cantine, manger, drôle, un poisson, un nez, un porc, sage, des cheveux frisés, une fourchette, gentil;

Ключи:

un restaurant, un jambon, une cantine, manger, un poisson, un porc, une fourchette («bon appétit»);

blond, gentil, poli, sage, drôle, mince, des cheveux frisés, des yeux, un nez («le portrait»)

3) Упражнения на тренировку вероятностного прогнозирования:

- Прослушайте начало предложения и запишите в паузу вероятное его завершение:

1. Des animaux de la forêt sont des renards... . (des lièvres, des ours et des ours, des loups).

2. Ils écoutent toujours ... de danse des groupes pop. (de la musique).

- «Найдите правильное слово»

1. Прочитайте текст песни и запишите в каждой строке недостающее слово, последний слог которого соответствует указанному звуку:

Paris

Je marche dans tes [y]

Qui me marchent sur les [je]

Je bois dans tes [e]

Je traîne dans tes [o]

2. Прослушайте текст песни и проверьте правильность своих ответов.

Ключи:

Je marche dans tes **rues**

Qui me marchent sur les **pieds**.

Je bois dans tes **cafés**,

Je traîne dans tes **métros**,

4) Артикулирование, в процессе которого отрабатываются базовые упражнения, заключающиеся в повторении иноязычной речи, а также специальные фонетические упражнения, предусмотренные для формирования произносительных навыков и отработки интонации.

- Прослушайте и отметьте правильный ответ:

1. [i] - [y] - [u]

1) biche - buche - bouche

2) dit - dû - doux

2. Прослушайте и произнесите вслед за диктором данные слова

- «Найдите правильное слово»

1. Прослушайте текст, вставьте недостающие слова, обозначьте все виды связывания, а также повышение или понижение интонации:

Le petit ... traversa le ... et ne rencontra qu'une Une fleur à trois ..., une fleur de rien du

- , dit le petit

- ..., dit la

2. Прослушайте текст, проверьте правильность своих ответов, произнесите его вслед за диктором, сохраняя все виды связывания и соблюдая повышение или понижение интонации.

Le petit **prince** traversa le **désert** et ne rencontra qu'une **fleur**. Une fleur à trois **pétales**, une fleur de rien du **tout**.

- **Bonjour**, dit le petit **prince**.

- **Bonjour**, dit la **fleur**.

Второй тип упражнений обучения аудированию включает в себя речевые упражнения, которые реализуются в процессе трех видов коммуникативного аудирования: глобального, детального, выборочного [6, с. 29].

Глобальное аудирование подразумевает выполнение комплексных практических заданий на понимание основного содержания аудиотекста.

На первом предтекстовом этапе выполняются следующие задания и упражнения [6, с. 124]:

1. Прочитайте задания, они помогут сориентироваться в теме высказывания.

2. По заголовку «Tabagisme» сделайте предположение о теме и содержании текста.

3. Ответьте на вопросы преподавателя: «Dans votre pays, est-il possible de fumer dans les lieux publics: cafés, restaurants, gares, aéroports? Y a-t-il des campagnes anti-

tabac? Pourquoi le tabac est-il nuisible à la santé? Quelles maladies celui-ci peut-il provoquer?

4. Ознакомьтесь с новыми незнакомыми словами и выражениями (le tabagisme, le tabagisme passif, le tabagisme actif, les maladies pulmonaires, l'asthme, la fumée, allumer la cigarette, un mégot), представленными на доске для лучшего понимания аудиотекста.

На текстовом этапе, во время первого и второго прослушивания происходит ознакомление с аудиотекстом в целом:

- Прослушайте аудиотекст и ответьте на вопросы: Qui parle? Où parle-t-on? Quand? Comment? (le ton d'un client) Pourquoi? (l'objet de la plainte).

Группа заданий, выполняемых после прослушивания, на послетекстовом этапе позволяет контролировать степень понимания смысла текста, осуществления коммуникативной установки и достижения коммуникативной цели:

- Определите основную тему и идею. Скажите, отражена ли тема в заголовке.

Детальное аудирование, выполняет роль инструмента формирования у учащихся полного представления об аудиотексте, навыков прогнозирования, способности анализировать и осмысливать текст.

Первое прослушивание важно для установления связи нового с фоновыми знаниями, понимания общего контекста ситуации: кто выполняет акт коммуникации, определение основной темы текста, обстоятельства, при которых осуществляется общение, коммуникативные установки говорящих и т.д.

- Прослушайте аудиотекст и отметьте «vrai» или «faux».

1. Le client appelle le serveur	V	F
2. Le client est très aimable avec le serveur	V	F
3. Le client dit qu'il va partir	V	F

Во время второго прослушивания выполняются упражнения, проясняющие степень понимания учениками текста.

- Ответьте на вопросы:

- 1) Pourquoi le client dit-il qu'il ne peut plus continuer son déjeuner?
- 2) Est-ce que le client de l'autre table fume une cigarette?
- 3) Est-ce que le serveur accepte de parler au client qui fume?

Составьте подобный диалог и разыграйте сценку, изменив предмет жалобы клиента (обслуживание недостаточно быстрое; поданные блюда недостаточно горячие и т.д.)

Фрагментарное (поверхностное) аудирование (А. Р. Лурия) реализуется посредством распознавания и понимания отдельных слов, выражений, вычленения из текста необходимой информации.

Перед прослушиванием учащиеся должны получить полные указания, на что стоит обратить внимание и какую информацию они должны выделить из речевого потока.

- Прослушайте аудиотекст и определите в каждом диалоге выражения, выражающие «цель»:

	dialogue №
avoir pour objectif de
envisager de
afin que

Во время второго прослушивания можно провести тестирование.

- Прослушайте диалог и отметьте правильный ответ:

1. Qui sont les deux personnes?
 - un homme et sa femme
 - un homme et sa soeur

- deux amis

Во время третьего прослушивания учащиеся отвечают на поставленные учителем вопросы:

- Прослушайте аудиотекст и ответьте на вопросы:

- 1) Où la femme habitait-elle avant de venir dans cette ville?
- 2) Que veut-elle faire maintenant?
- 3) Qu'est-ce que l'homme répond à la femme?

Вывод. В процессе обучения иностранному языку в школе, сам язык выполняет роль как цели, так и средства ее достижения. Общение является ключевым положением рассматриваемых подходов в данной работе. Именно коммуникативная активность является основным инструментом развития навыков иностранной речи. Представленные упражнения с поэтапным объяснением выполнения заданий позволят учащимся эффективно развивать навыки аудирования, как основы формирования коммуникативной компетенции и самостоятельно корректировать свои ошибки. Коммуникативная деятельность способствует стимулированию речемыслительной активности учащихся, что в свою очередь повышает их когнитивные способности.

Библиографический список:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР, 2009. — 448 с.
2. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. — М.: Просвещение, 1991. — 222 с.
3. Миньяр - Белоручев Р. К. Методика обучения французскому языку. Учебное пособие. — М.: Просвещение, 1990. — 224 с.

4. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. — М.: центр ВЛАДОС, 2005. — 245 с.

5. *Cadre européen commun de référence pour les langues: Apprendre, Enseigner, Évaluer.* — Strasbourg: Division des politiques linguistiques, 2000. – 196 p.

6. Desmons F., Ferchaud F., Godin D. Enseigner le FLE (français langue étrangère). Pratique de classe — P: Belin, 2005. — 272 p.

УДК 81.39

Шишони娜 Н.В. Интерактивное отношение между культурой и языком литературы

Interactive relationship between culture and language of literature

Шишони娜 Натали Владимировна
Гжельский государственный университет
доцент
пос.Электроизолятор Раменский район МО
e-mail: shishonina-nv@art-gzhel.ru

Shishonina Natali Vladimirovna
Gzhel state University
associate Professor
s. Electroizolyator Ramensky district, Moscow region
e-mail: shishonina-nv@art-gzhel.ru

Аннотация: в статье идет речь взаимосвязи языка и культуры при обучении иностранному языку и формировании межкультурной компетенции.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, культура, литературный текст, язык.

Abstract: in the article we are talking about the relationship between language and culture when learning a foreign language and the formation of intercultural competence.

Keywords: intercultural competence, culture, literary text, language.

В настоящее время цель обучения иностранному языку формулируется как подготовка к реальной межкультурной коммуникации, которая трактуется отечественными лингводидактами как совокупность специфических процессов взаимодействия партнеров по общению, принадлежащих к разным лингвоэтнокультурным сообществам. Процесс становления способности к межкультурной коммуникации осуществляется в учебных условиях во взаимосвязи, во-первых, освоения учащимися иноязычного кода (развития, речевого опыта) и, во-вторых, развития его культурного опыта, в составе которого можно вычленить отношение индивидуума к себе, к миру, а также его опыт творческой деятельности. Таким образом, формирование межкультурной

компетенции - одна из важнейших задач обучения иностранному языку [2, с.47]. В условиях обучения иностранному языку в вузе знакомство с культурой страны изучаемого языка происходит на всех языковых дисциплинах.

На традиционных занятиях по иностранному языку передаются сведения и факты страны изучаемого языка. Однако, страноведение должно охватывать больше, чем простую передачу фактов. Речь идет о том, чтобы увидеть и понять исторические, политические и социальные взаимосвязи, мысли, действия и восприятие людей изучаемой культуры, поэтому страноведческие знания должны передаваться в интеграции с другими практическими дисциплинами. Использование литературных текстов на занятиях помогает решить эту задачу, поскольку они содержат различную страноведческую информацию. Студент - бакалавр через литературу может узнать, как думают люди изучаемой культуры, какие проблемы они имеют, о чем они мечтают, и как политические или социальные отношения эти мечты воплощают, или им препятствуют.

Иногда ситуация произведения, проблемы в нем представленные становятся только тогда понятными, когда вовлекается широкий исторический и политический контекст. Таким образом, литературные тексты предполагают у будущего бакалавра предварительное страноведческое знание (социокультурный фон), которым, обладает не каждый. Если такое знание у студента отсутствует, то оно должно быть предъявлено на занятии. Для этого, помимо литературных текстов, необходимы и другие источники (предметные тексты, словари, справочники), из которых можно почерпнуть необходимую информацию. Итак, литературные тексты знакомят с чужой культурой. При этом содержание текста всегда представлено с определенной точки зрения - это может быть перспектива персонажа или перспектива автора. Литературные тексты не просто отражают действительность, они имеют свои собственные правила

организации текста. При этом и точка зрения студента имеет значение, ведь фигуры и события воспринимаются им на фоне личных знаний, ожиданий, воспоминаний. Один и тот же текст читается и понимается по-разному. Носитель языка читает по-другому, нежели иноязычный читатель, да и внутри культурного пространства имеется различное прочтение и точка зрения на одни и те же события. Здесь оказывает влияние личный опыт, знание о том, что и как читается, понимается, т.е. при чтении важнее только когнитивный, но и эмоциональный компонент. В зависимости от того, каким социокультурным фоном обладает читатель, проблемы и переживания героев для него вплетены в целый клубок эмоций, так что к объективному значению присоединяется субъективное [1, с.132]. Даже если при чтении трудно разделить эти оба компонента, их различение важно для дидактики. Литературные тексты могут многое оставлять открытым, быть многозначными.

Эта открытость, незавершенность текста побуждает будущего бакалавра к построению смысловых взаимосвязей, в чем также заключается эффект. Понимание литературных текстов это пошаговое приближение к чужой перспективе. Чтение - это сравнение между тем, что студент приносит из собственного культурного знания, и тем, что текст предъявляет из своей культуры. Можно сказать, что чтение это интерактивное отношение между текстом и читателем. Студент должен понять внеязыковые фактические взаимосвязи и соединить это с конкретными фигурами, ситуациями и событиями текста, так чтобы они стали понятными. Таким образом, литературные тексты предлагают широкие возможности мотивировки и заинтересованности. Резюмируя, назовем следующие основания для работы с литературными текстами:

1. Литературные тексты затрагивают студентов не только когнитивно, но и эмоционально.

2. Литературные тексты не однозначны, побуждают к размышлению.

3. Литературные тексты содержат страноведческую информацию и помогают лучше понять культуру чужой страны.

4. Литературные тексты дают возможность разнообразить формы проведения занятия.

При непосредственном отборе литературных текстов для занятия следует учитывать следующие дидактические факторы:

- будет ли текст интересным для студентов, в том числе в страноведческом плане;

- имеются ли у студентов требуемые социокультурные фоновые знания (если «да», то, как их можно активизировать; если «нет», то, как эти знания можно предоставить);

- может ли содержание текста быть присоединено к знакомым ситуациям, опыту будущего бакалавра;

- не будет ли текст слишком сложным в языковом и содержательном плане;

- имеет ли текст воспитательный потенциал;

- сможет ли текст побудить студентов к поиску нового знания.

Принцип межкультурного обучения делает возможным интенсивное и критическое изучение актуальных страноведческих тем, поэтому особое внимание следует уделить отбору тем [2, с.186]. С этим связана определенная сложность, ведь культура страны изучаемого языка охватывает целую палитру значимых компонентов, не все из которых имеют смысл для изучения иностранного языка и могут быть обсуждены на занятии. Тем самым возникает вопрос, какие темы релевантны для учебного занятия. Выбор страноведческих и

тем зависит от многих факторов: с одной стороны, от того, насколько важна и типична тема, но с другой стороны, от существующего учебного контекста - от интересов, возраста, уровня обученности целевой группы, от цели занятия. Поэтому можно рекомендовать проработку определенных тематических модулей, таких как, например, молодежь, окружающая среда, политические изменения, мигранты и т.п. Как отмечалось выше, при работе над какой-либо страноведческой темой одних литературных текстов недостаточно, они должны быть дополнены предметными текстами, научной информацией, а может, и учебным фильмом, чтобы студенты получили соответствующие фоновые знания. Это важно и с психологической точки зрения, поскольку соответствует различному стилю учения студентов: одним мало интересна художественная литература, другие скучают при чтении предметных текстов, третьи реагируют, прежде всего, на визуальный ряд. Кроме того, важен деятельностно-ориентированный подход к текстам, при котором студенты что-то делают с текстом: трансформируют текст, дописывают его до конца, принимают перспективу какого-либо персонажа и обдумывают, что бы сам сделал в данной ситуации или как бы почувствовал себя в ней, пишут дневник или письмо, сочиняют диалог и разыгрывают его и т.п. [3, с.529].

Литературные тексты широко используются на занятиях, поскольку именно литература и язык развивает интерес студентов к истории и культуре, формирует толерантное отношение к представителям другой нации и культуры, и в конечном итоге, углубляет страноведческие и культурологические знания студентов.

В рамках дисциплины «Иностранный язык» успешно применяется концепция межкультурного обучения. Для этого из различных источников нужно выбрать предложения или части предложений, даже отдельные слова,

которые представляются интересными, информативными, вырезать их, положить на бумагу. Затем следует скомбинировать эти отдельные части заново так, чтобы получился новый текст, в котором строчки из разных контекстов соединяются. Вероятно, нужно придумать логичные смысловые переходы, чтобы соединить эти строки.

В заключение нужно придать форму всему тексту, наклеить его на бумагу, озаглавить и повесить на доску. Для подобного «монтажа» потребуются страницы из журналов, рекламных проспектов, брошюр. Уровень сложности задания можно регулировать для каждой рабочей группы. Конечно, в такой технике работать довольно сложно, хотя и увлекательно. Подобные задания всегда вызывают большой интерес у студентов, желание найти необходимую информацию, воплотить новые идеи.

Таким образом, в результате творческой работы достигается главная задача обучения иностранному языку - формирование межкультурной компетенции.

Библиографический список:

1. Клычникова, З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке /З.И.Клычникова. - Пособие для учителя. –М., 2003. – 207с.

2. Тер-Минасова С. Г. Языки и межкультурная коммуникация/ С.Г.Тер-Минасова //Программы теоретических курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров: по специальности «Английский язык». М., 2008. – 264с.

3. Шишона Н.В. Развитие межкультурной коммуникации на занятиях по иностранному языку. // В сборнике: Образование. Наука. Культура Материалы VII Международной научно-практической конференции: сборник научных статей. Под общей редакцией профессора Б. В. Илькевича. Ответственный редактор Н. В. Соловьева. 2015. С. 529-530

СЕКЦИЯ 5. ЕВРАЗИЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

УДК 811.112.2:008

Акишева Е.Г., Перепечкина С.Е. Лингвокультурологические аспекты формирования образа России в политическом дискурсе немецких СМИ

Linguocultural aspects of the image formation of Russia in the political discourse in the
German mass media

Перепечкина Светлана Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии института
иностранной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г.
Симферополь
s.perepechkina@gmail.com

Акишева Екатерина Григорьевна,
студентка кафедры немецкой филологии института иностранной филологии Крымского
федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
katya_akisheva@mail.ru

Perepechkina Svetlana Evgenyevna,
Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Institute of Foreign
Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Akisheva Yekaterina Grigoryevna,
student at the Department of German Philology, Institute of Foreign Philology, V.I. Vernadsky
Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: В статье на материале публикаций немецкоязычных СМИ выявляются основные черты образа России с позиции лингвокультурологического подхода. В ходе исследования анализируются аспекты, влияющие на формирование представлений о России, которые существуют в немецкой языковой картине мира.

Ключевые слова: политический дискурс СМИ, языковая картина мира, межкультурная коммуникация, Россия, стереотип.

Abstract: In this article the main features of the image of Russia are revealed from the position of the linguoculturological analysis. This study defines the aspects that influence the formation of Russian image that exists in the German linguistic view of the world.

Keywords: political discourse of mass media, linguistic view of the world, intercultural communication, Russia, stereotype.

Введение. Политика – постоянно развивающееся, динамическое явление, представляющее собой сложную сферу человеческой деятельности. Ее процессы и институты не могут существовать изолировано от языка. Более того, язык вбирает в себя специфические функциональные особенности, соответствующие целям политической коммуникации. Это позволяет говорить о политическом дискурсе, который, являясь одной из разновидностей дискурса в целом, представляет собой многоплановое явление, образующее комплексную коммуникативную структуру. Широкий подход к определению данного феномена представлен в работах Е.И. Шейгал, которая понимает под политическим дискурсом «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [4, с. 32]. Поскольку политический дискурс зачастую опосредован средствами массовой информации, правомерно говорить о политическом дискурсе СМИ, который образуется на пересечении медийного и политического дискурсов.

Многие аспекты политического дискурса СМИ, такие как его структура, содержательная сторона, языковая составляющая, а также прагматика, представляют собой большой интерес для изучения с позиций лингвокультурологии. Это обусловлено тем фактом, что политический масс-медийный дискурс «представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, поскольку в силу своей природы отражает как языковое, так и культурное статус-кво социума» [3, с. 29]. Кроме того, он представляет собой широкое поле для межкультурной коммуникации, целью которой в рамках политического дискурса СМИ является формирование общественного мнения и образов игроков, представленных на политической арене. Все вышесказанное и обуславливает несомненную актуальность выбранной темы.

Целью данного исследования является выявление аспектов формирования образа России в политическом дискурсе немецких СМИ с позиции лингвокультурологического подхода.

Поставленная цель достигается путем решения следующих **задач**:

- рассмотреть основные стереотипы о российской политике, существующие в немецкой языковой картине мира и отображенные в ряде немецких СМИ;
- определить роль стилистических средств в формировании образа России;
- проанализировать влияние имиджа главы государства на формирование представлений о стране в целом.

Методика исследования основана на использовании описательного метода, метода направленной выборки и контекстуального анализа.

Материал исследования составил корпус данных, сформированный из новейших публикаций в немецких СМИ.

Результаты исследования. Каждый народ имеет собственную языковую картину мира, под которой понимается исторически сложившаяся в сознании определенного лингвокультурного сообщества и отраженная в языке совокупность представлений о действительности. Современный мир немислим без двусторонних отношений между различными государствами, что служит стимулом для активного формирования образа определенной страны в представлении контактирующих народов.

Несмотря на неоднозначное отношение к России в современном мире политики, в настоящее время происходит интенсификация русско-немецких контактов, укрепление их связей в различных сферах. По этой причине немецкие СМИ активно освещают вопросы двусторонних отношений России и Германии, а также характер и направленность российской политики в целом.

Т.Г. Добросклонская отмечает, что СМИ «моментально фиксируют стремительно меняющуюся картину окружающего мира подобно гигантскому зеркалу, которое отражает все вокруг» [2, с. 17]. Однако, учитывая известный факт манипулятивной направленности политического дискурса СМИ, следует говорить скорее об интерпретации, нежели об отражении. Посредством СМИ сознательно формируется образ любой страны и отношение читателей к ней путем использования односторонней аргументации, создания стереотипов, оппозиций «свой/чужой», «хорошо/плохо» и т.д.

Проанализировав ряд авторитетных немецких изданий (*Die Welt*, *Die Zeit*, *Der Spiegel*, *Süddeutsche Zeitung*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*), можно выделить следующие стереотипные представления о России как об одном из центральных игроков политической арены.

Россия представлена как манипулятор, способный влиять на внутреннюю политику других государств:

Längst gibt es Hinweise darauf, dass Russland versuchen wird, in den deutschen Wahlkampf einzugreifen (Die Zeit, 26.02.2017). Russlands Präsident Wladimir Putin hat nach Einschätzung der amerikanischen Geheimdienste persönlich Cyber-Angriffe angeordnet, um die Wahlchancen des Republikaners Donald Trump zu erhöhen (Die Frankfurter Allgemeine, 07.01.2017).

Отдельно неоднократно выделяется тот факт, что Россия является государством с мощной военной базой:

Die Rede ist vom massiven russischen Truppenaufbau jenseits der Grenze (Die Zeit, 2.03.2017).

...unmittelbar zuvor hatte Putin erklärt: "Wir müssen die strategischen Atomwaffen stärken und dazu sollten wir Raketen entwickeln ..." (Süddeutsche Zeitung, 12.02.2017).

Объектом критики в немецкой прессе являются сами российские СМИ, задача которых косвенно определяется ею как дезинформация и пропаганда: Россия пытается выставить себя в лучшем свете, искажает факты действительности и даже ведет информационную войну:

Im russischen Fernsehen sieht die Welt anders aus. Hier wird eine europäische Apokalypse gezeigt (Die Zeit, 27.02.2017).

Schon 2004 startete der Kreml die Strategie zur "Verbesserung des russischen Images" zu Hause und im Ausland. ...Es ging bei Russia Today zunächst darum, der Welt zu zeigen, dass Russland besser ist, als CNN, BBC und Deutsche Welle es darstellen (Die Zeit, 27.02.2017).

Es herrscht wohl wirklich ein Informationskrieg, in dem Russland versuche, gegen die Desinformation des Westens anzukämpfen (Die Zeit, 27.02.2017).

Свобода печати является мерилом демократии. В печатных немецких масс-медиа высказывается мнение о том, что СМИ в России контролируются правительством страны и даже президентом напрямую:

Putin braucht sich vor der vierten Gewalt einer Demokratie nicht fürchten. Er hat 140-Zeichen-Nachrichten nicht nötig, weil er sich seit seiner Machtübernahme ein ihm ergebendes Medienimperium aufgebaut hat (Die Zeit, 27.02.2017).

Ein Jahr nach der Annexion der Krim ist die Halbinsel komplett an Russland angegliedert – auch bezogen auf die Pressefreiheit: Mittlerweile gibt es dort offenbar kaum noch unabhängige Journalisten (Der Spiegel, 12.03.2015).

Также во многих статьях формируется образ России как тоталитарного государства, в котором отсутствуют политические свободы, а всякое противостояние существующей власти жестко пресекается:

Seit dem Mord an Nemzow geht unter Oppositionellen die Angst um, wer als Nächstes ausgeschaltet werden könnte (Die Zeit, 26.02.2017).

Общий негативный тон задается не только использованием разнообразных речевых актов обвинения, но и употреблением пейоративной лексики, которая завуалированно выражает отношение автора к изложенному вопросу:

Die Bundesregierung verurteilte das russische Vorgehen als "Barbarei" (Der Spiegel, 28.10.2016).

Большинство употребляемых лексических единиц с эмоционально-негативной окраской имеют в себе сему «воздействие с применением силы»: «подрывать», «принуждать», «аннексия», «агрессия»:

Doch die Bundesregierung wirft Moskau vor, mit der Anerkennung von Pässen aus Separatistengebieten eine Friedenslösung für die Ukraine zu torpedieren (Der Spiegel, 20.02.2017).

In täglichen Luftangriffen Syriens und Russlands <...> sieht der UN-Menschenrechtsrat eine "brutale Taktik", um Rebellen zur Aufgabe zu zwingen (Die Zeit, 1.03.2017).

Sollte der neue US-Präsident die Sanktionen gegen Russland aufheben, obwohl Moskau keine Anstalten macht, die völkerrechtswidrige Annexion der Krim und militärische Aggression in der Ostukraine zu beenden, wäre das für die Zukunft des Westens verheerend (Die Welt, 29.01.2017).

Употребление в текстах статей эпитетов с отрицательной коннотацией позволяет усилить негативную оценку описываемых событий:

"Ich werde weiter gegen Putins faschistisches Regime kämpfen", sagte Dadin nach seiner Freilassung (Die Zeit, 26.02.2017).

Keineswegs ist das neoimperiale Russland weniger aggressiv und den westlichen Werten gegenüber kompromissbereiter eingestellt als einst die Sowjetunion (Die Welt, 29.01.2017).

Для создания контрастной характеристики, авторы статей часто

используют антитезу, противопоставляя Россию Западу:

Beide Länder [Russland und China] wollen zeigen, dass eine autoritäre staatliche Struktur die Gesellschaft besser zusammenhält und mehr erreicht als die liberale Ordnung der westlichen Staaten (Frankfurter Allgemeine, 26.02.2017).

Ирония позволяет сделать политический текст более ярким, привлекательным, чтобы легче воздействовать на читателя. В последующем примере ирония выражает саркастический язвительный намек на неверное изложение фактов российскими СМИ:

Ein heuchlerischer, überforderter Westen zersetzt sich durch die Einreiseerlaubnis für Terroristen selbst und greift Russland an. Das tugendhafte, wertetreue Russland widersetzt sich dem Zerfall (Die Zeit, 27.02.2017).

Использование риторических вопросов призвано привлекать внимание и усиливать эмоциональный фон. Зачастую они используются для косвенного выражения дискредитации:

Aber wie funktioniert diese Propaganda made in Russia? Und warum gelingt es dem Kreml so gut, die Wahrheit zu verdrehen? (Die Zeit, 23.02.2017).

Образ главы государства и образ страны в целом тесно взаимосвязаны. Негативное восприятие политического лидера за рубежом, как правило, отрицательно сказывается на имидже государства. По этой причине отдельное внимание следует уделить образу президента В.В. Путина.

В большинстве своем немецкие СМИ не одобряют политику российского лидера, отмечая, что его личность сегодня якобы изменилась и стала «более жесткой», «эгоцентричной», «агрессивной»:

Wer ihn heute trifft, erlebt einen anderen Putin. Einen härteren. Einen, der Russland repräsentiert und zwar das starke Russland (Die Welt, 27.02.2017).

Aus dem offenen, zugewandten, neugierigen Putin ist ein egozentrierter

Hardliner geworden (Die Welt, 27.02.2017).

Gauk nannte Wladimir Putin nach der Annexion der Krim einen Aggressor (Süddeutsche Zeitung, 12.02.2017).

Следует отметить употребление авторами статей прецедентных имен для выражения не прямой эмотивной оценки. При использовании прецедентных имен реальному лицу «приписывают определенный комплекс характеристик, эталонным носителем которого выступает образец, означенный прецедентным именем», «указанному лицу приписываются действия, заданные той позицией, ...той моделью поведения, которая характерна для соответствующего персонажа» [1, с. 121].

Так, поставив Путина в один ряд с Гитлером и Муссолини, автор газетной статьи намеренно приравнивает его политику к фашистской:

Die Kritiker verzweifeln an ihm [Trump] und retten sich in schiefe Vergleiche mit Hitler, mit Mussolini, mit Putin (Süddeutsche Zeitung, 12.02.2017).

Анализ публикаций показал, что в немецкой прессе Путин отождествляется не только с Россией, но и с СССР. В частности, авторы ряда статей сравнивают действующего президента РФ со Сталиным:

Das Abkommen von Jalta 1945 zwischen Stalin, Roosevelt und Churchill erscheint dabei gleichsam als Mutter aller Deals. Denn es entspricht der Aufteilung der Welt in „Einflusssphären“, die für Putins Politik der vergangenen Jahre zentral ist (Die Frankfurter Allgemeine, 26.02.2017).

Другой образ – образ царя – закономерно приписывается Владимиру Путину на основании факта многолетнего управления страной и мнения о том, что он практически единолично держит в руках бразды правления:

Und doch hat sich außerhalb der Kremlmauern einiges verändert für Putin, der so lange unangefochten der zarenhafte Führer Russlands war (Süddeutsche Zeitung,

15.05.2016).

Важно отметить, что характеристики, присваиваемые как отдельно президенту, так и стране в целом, отличаются частотой своего употребления. Данное исследование позволило установить, что наиболее часто затрагиваемые темы – это агрессия России в отношении Украины, аннексия Крыма и влияние на выборы президента в США, а соответственно и критика именно этих положений встречается в статьях чаще всего. Это ярко отражает наиболее актуальные вопросы политической проблематики в данный период времени.

Выводы. Поскольку с помощью языка народ выражает свои представления о действительности, можно сделать выводы о том, что в немецкой языковой политической картине мира Россия представлена в большей мере негативно. Это нашло свое отражение в печатных немецких СМИ. Так, в статьях в отношении России употребляется негативная оценочная лексика: «агрессия», «нападение», «опасность», «насилие» и т.п. Образ государства тесно связан с образом его главы – Владимиром Путиным, который зачастую представлен жестким диктатором, неоднократно сравниваемым со Сталиным и Гитлером. Таким образом, проанализировав ряд немецких печатных изданий, можно воссоздать следующий потенциальный собирательный образ России в сознании немцев – это тоталитарное государство, не имеющее политических свобод и свободы слова, это государство-агрессор и государство-манипулятор.

Библиографический список

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: Филология, 1997. – С. 116–129.

2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 288 с.
3. Иванова С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. – Вып. 1(24). – Екатеринбург, 2008. – С. 29–33.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 440 с.

УДК 81.133.1'27'42:391.6

Емельянова Т.А., Шапошник Н.А. Гастрономические образы во французском парфюмерном дискурсе

Gastronomy images in the french perfumery discourse

Емельянова Татьяна Анатольевна,

ассистент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Шапошник Нина Аркадьевна

старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Yemelyanova Tatyana Anatolyevna,

assistant of the Department of the Romance and Classical Philology Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Shaposhnik Nina Arkadyevna,

senior lecturer of the Department of the Romance and Classical Philology Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье анализируется ассоциативная связь между запахом и едой. На материале интернет – отзывов, посвященных обсуждению личных впечатлений пользователей парфюмерной продукцией, выявляются особенности словесной экспликации одорических образов при помощи понятий и терминов гастрономии. Основным способом передачи ароматных ощущений выступает метафора.

Ключевые слова: парфюмерный дискурс, гастрономия, интернет – дискурс, лексическая семантика.

Abstract. The article is an attempt to analyze the associative relation between the odor and the food. The peculiarities of a word explication of odor images are detected on the basis of the internet comments dedicated to the discussion of personal impressions of the users of the perfumes and with the help the notions and terms of the gastronomy. A metaphor is the main way of transmitting of the odor sense.

Keywords: perfumery discourse, gastronomy, internet discourse, lexical meaning.

В настоящее время в лингвистических исследованиях возрос интерес к изучению проблемы языковой репрезентации перцептивной информации, а также языковой реализации образности, так как сегодня информация передается не только в виде текстов, но и различных образов. **Актуальность** настоящего

исследования определяется большим интересом в современной лингвистике к тематическим дискурсам, к которым можно отнести и парфюмерный дискурс. **Научная новизна** исследования заключается в самом выборе темы, где изучается описание (характеристика) одной понятийной сферы (одорической) в терминах другой понятийной сферы (гастрономической). Вслед за Т.И. Бельской отметим, что в системе ценностей франкоязычной культуры парфюмерный дискурс характеризуется большой значимостью, так как составляет важную часть национальной культуры, что находит свое подтверждение в многочисленных воплощениях в языковой семантике и коммуникативной деятельности ее носителей [2].

Широкий круг вопросов и проблем, затрагивающих сущность парфюмерного дискурса (ПД) как феномена лингвистической науки рассматривается в работах следующих ученых: Ф.Л. Косицкой, Е.Г. Басалаевой, Т.И. Бельской и И.А. Маринченко, труды которых послужили теоретической и методологической базой для нашего исследования.

Ф.Л. Косицкая определяет парфюмерный дискурс как «тип профессиональной коммуникации, связанный с созданием (изобретением), производством (технологией), рекламой, защитой, оценкой, маркетингом (продажей) парфюмерной продукции» [3, с.72]. Т.И. Бельская, под термином «парфюмерный дискурс» подразумевает любой текст о парфюмерной продукции, формальным признаком которого являются языковые средства, прямо или опосредованно репрезентирующие опорные концепты «Запах» и «Духи» [2].

В современной лингвистике одной из наиболее актуальных областей теории дискурса становится изучение особенностей коммуникации в интернете. Поэтому вслед за Е.Г. Басалаевой, нам представляется возможным

говорить о существовании парфюмерного интернет – дискурса, «понимаемого как тематически сфокусированную на описании запаха, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [1, с. 17].

Целью настоящей работы является выявление лексико-семантических особенностей вербальной экспликации ольфакторных восприятий, формирующих гастрономические образы. **Предметом** анализа в данной статье являются языковые средства реализации образности в современном французском парфюмерном дискурсе, выступающего в качестве **объекта** исследования. **Материалом** анализа являются интернет-форумы французских специализированных сайтов [8, 9, 10].

Необходимо отметить, что «запах с трудом поддается когнитивной обработке и описанию с использованием средств “собственного” модуса перцепции. Поэтому ольфакторная лексика довольно бедна, и в парфюмерном дискурсе “чужие позиции” занимает более дифференцированная в плане семантики лексика звука, цвета, вкуса, осязания» [4, с. 41]. В исследуемых отзывах описание парфюмерного продукта субъектами строится посредством использования, с их точки зрения, более понятных и привычных, легче поддающихся озвучиванию впечатлений, а именно вкусовых.

В нашей работе анализу подвергается оценочная составляющая парфюмерного дискурса, с его образностью, метафоричностью и ассоциативностью. На данном этапе исследования внимание уделяется лексико-семантическим особенностям описания парфюмерных впечатлений. Такой анализ является одним из уровней когнитивного анализа дискурса. По мнению Т.В. Чекалиной «когнитивный дискурс – анализ является актуальным подходом

к исследованию различных типов дискурса в современной научной парадигме» [5, с.352-353].

В современном обществе процесс создания аромата можно сравнить с приготовлением изысканного блюда. Направленность очевидна: идеи некоторых композиций словно подсмотрены в кулинарной книге. Чаще всего вместо цветов и фруктов в запахах солируют гастрономические ноты десертов, овощей, деликатесов, специй и даже крепкого алкоголя. «Связь между обонянием и вкусом для творцов парфюмерии является очевидным фактом. Потомственный парфюмер из Граса **Жак Кавалье (Jacques Cavallier)** подтверждает это: “...можно сказать, что и парфюмерный, и гастрономический шедевры создаются по одним законам. Так, сахар – это как мускус в парфюмерии, нужно добавлять его буквально по капельке, только чтобы оттенить, сделать более ярким вкус. Добавишь много – и он убьет все”» [6].

Исследования специалистов International Flavors and Fragrances показывают, что спрос на те или иные ароматы напрямую связан с нашими ежедневными кулинарными пристрастиями. Известный парфюмер Серж Лютенс (Serges Lutens) говорит о том, что «в странах, где высок процент потребления мяса (Ближний Восток, США, Латинская Америка...), парфюмерия пользуется очень большой популярностью. Общее правило таково: чем больше мы любим продукты с ярко выраженным вкусом (баранина, зрелый сыр, специи, вино с богатым вкусовым букетом...), тем больше нам нравятся сильные запахи с богатой палитрой аромата». [6]

Франсуаза Донш (Françoise Donche), ольфактолог Живанши (Givenchy), считает, что парфюмерия с запахами фруктов и цветов начинает исчерпывать себя. «Постепенно красные фрукты и сладкие ароматы уступают место формулам с преобладанием зеленых нот. Начинает писаться новая, явно

растительная, глава парфюмерии. Мир огорода начинает вдохновлять парфюмеров. Некоторые из них используют в своих композициях петрушку, другие – ревень, тыкву или даже свеклу». [7]. Ароматы с овощными нотами уже сегодня можно встретить в магазинах, но пока только у селективных брендов. Например, сочные ноты моркови и огурца есть в пирамиде аромата Fleur de Carotte французской марки L'Artisan Parfumeur. А сладкое звучание тыквы можно услышать в парфюмерной композиции Pumpkin pie американского бренда Demeter Fragrance и в Purrfect Pumpkin также американской компании Bath and Body Works.

Тексты интернет-форумов непрофессиональных пользователей парфюмерией «позволяют проанализировать возможные пути языковой экспликации запаха обычным носителем языка. Тем самым, можно понять, каким образом дифференцируется одорическая зона перцепции в обыденном сознании». [1, с. 17]

Гастрономические образы, возникающие у пользователя парфюмерией, чаще всего представляют собой прообраз кулинарного блюда или являются прототипами природных съедобных составляющих парфюмерной пирамиды, таких как ваниль, кофе, абрикос и т.д. Безусловным атрибутом парфюмерных впечатлений является метафоричность высказываний: духи могут характеризоваться как «parfum délicieux» (вкусный парфюм) и т.п.

Таким образом, основные впечатления от аромата у авторов формируют:

- **образы выпечки** : «Le départ est pour moi l'évocation très réaliste *d'un baba au rhum*, avec le rhum, la bonne dose de crème vanille, et le nappage de caramel légèrement brûlé». (Isabelle);

«Les notes énumérées ici font regarder un comme un sucré, moelleux, *petit gâteau blanc*. Bien que doux, les notes sur le site officiel sont gourmand en tant sombremenent que possible»...(Ahava247)

- **образы десертов:** «Comme j'adore tiramisu en dessert, je suis fasciné que je peux sentir une *véritable tiramisu*.... Je suis entouré de crème, la crème douce et le *chocolat au lait*. Pour ce qu'il est cela est un peu de nectar céleste à tomber endormi dans!» (Ahava247);

«Cela me rappelle en poudre sucre dépoussiéré, des bonbons violets saupoudrés généreusement sur le dessus d'une violette *gâteau infusé*. On savoure les bonbons croquante d'abord, décider de sauver le gâteau humide pour plus tard...» (Ahava247)

- **образы напитков:** «En effet, après les premiers moments initiaux et la touche de musc, ce que je perçois est plus proche de *l'odeur laiteuse mousseuse d'une tasse de café au lait plutôt que de caramel lui-même*. Cela me rappelle plus du DSH Au Lait, par exemple, que Pink Sugar». (MHASK);

«Pour moi le plus beau... La magie de matières naturelles et nobles, *un cocktail pétillant d'agrumes*, d'ananas rôti légèrement fumé». (nicolas2)

- **образы фруктов:** «...La fleur dominante est une tubéreuse, légère et assez solaire, joliment fruitée d'agrumes et de fruits jaunes sans sucre ajouté. L'ensemble est harmonieux et ne tombe pas dans *le piège de la salade de fruits* (ce qui était un peu ma crainte, j'avoue)». (Isabelle);

«Après environ 30 minutes, comme la fragrance s'échauffe sur la peau, la note fruitée dominante se décale vers la pêche, probablement dû à la combinaison de la fruit de la passion et le gardénia. *Ici, la pêche est bien mûre et succulente, qui évoque une purée de pêche avec du jus de fruit de la passion mélangé dedans*». (StellaDiverFlynn)

- **образ варенья:** «... Je n'ai jamais goûté de *confiture d'abricot aux épices*, mais si cela existe, j'imagine assez bien que ça ressemble à ce parfum». (Isabelle)
- **образ шоколада и конфет:** «Correspond bien à son nom, *mais ce sont un chocolat et des cerises bas de gamme*». (Isabelle);
«Ce parfum gourmand sent délicieusement bon : sucré, pétillant, *un vrai bonbon à la violette*. Ressemblerait-il à un parfum de Lolita Lempicka». (Orangepoudree)

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что образность свойственна современным тематическим дискурсам. В парфюмерном дискурсе еда является той концептуальной сферой, с помощью образов которой пользователь парфюмерной продукции описывает свои впечатления преимущественно метафорическим способом вербализации. При помощи гастрономической метафоры субъективные переживания аромата становятся наглядными.

Библиографический список

1. Басалаева Е.Г. Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет – дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 16–20. . URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/375/image/375-016.pdf> (дата обращения: 20. 02. 2017)
2. Бельская Т.И. Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.
3. Косицкая Ф. Л. Жанровая палитра французского парфюмерного дискурса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 6. (171) С. 71–75. . URL :

http://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/kositskaya_f._1._71_75_6_171_2016.pdf (дата обращения: 21. 12. 2016)

4. Маринченко И.А. Образы, связанные с одеждой, в современном парфюмерном дискурсе. // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 8 (110). – С. 40-43 . URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2016/8/10.html> (дата обращения: 10. 12. 2016)

5. Чекалина Т.В. К вопросу о языковой репрезентации концептуальной оппозиции «свой-чужие» в современном французском политическом дискурсе (на материале выступлений политических лидеров Франции по вопросам миграции)/ Т. В. Чекалина // Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. «Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции». – Симферополь: Профессиональная наука, 2017. – С. 352 – 353

6. Ароматы по гастрономическим пристрастиям// CARAVAN.KZ: медиа-портал. 2011. 11 окт. URL: <https://www.caravan.kz/art/aromaty-po-gastronomicheskim-pristrastiyam-91365/> (дата обращения: 18. 02. 2017).

7. Vignal. M. Matières de parfumerie à sentir//еженедел. интернет-изд. 2013. 28 апр. URL: http://www.lexpress.fr/styles/parfums/matieres-de-parfumerie-a-sentir_1244270.html (дата обращения: 15. 02. 2017).

8. <http://www.fragrantica.ru/> (дата обращения: 10. 02. 2017).

9. <http://www.adopt.fr> (дата обращения: 12. 02. 2017).

10. <http://www.beaute-test.com> (дата обращения: 13. 02. 2017).

УДК 821.111

Лукинова М.Ю., Юнак Е.О. Об особенностях перевода жанра травелог (на материале произведений Питера Мейла)

About the peculiarities of the translation of the genre of travelogue (based on the works of Peter Mayle)

Лукинова Марина Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода

Юнак Елена Олеговна

Студентка Института иностранной филологии
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского

Lukinova Marina Yuryevna

Candidate of Philology, Associate Professor Theory and Practice of Translation Chair

Yunak Elena Olegovna

Student of the Institute of Foreign Philology,
Crimean Federal V.I. Vernadsky University
mlukinova@gmail.com
alenayunak@mail.ru

Аннотация: Литературу путешествий можно справедливо назвать одной из самых древних, которая со временем трансформировалась в полноценный литературный жанр. Травелог – это литературный жанр, который реализуется в форме записок, дневников, мемуаров, очерков и остается актуальным и востребованным в современном литературном пространстве.

Целью данного исследования является выявление приёмов художественного перевода травелогов на примере творчества Питера Мейла.

В работе использовались *метод интерпретации, метод переводческого анализа.*

Основные результаты и выводы: травелог – произведение, в основу которого ложится описание автором собственного путешествия, а также тех эмоций и впечатлений, которые он испытал. Травелоги П. Мейла можно отнести к произведениям художественной литературы. Перевод травелогов осуществляется коммуникативным способом, с применением различных приёмов и трансформаций: калькирование, транскрипция/транслитерация, приемы перевода фразеологических единиц, опущение, частичный перевод, приемы перевода реалий.

Ключевые слова: жанр, травелог, литература путешествий, особенности перевода.

Abstract: literature of travel can be rightly called one of the most ancient, which eventually transformed into a full-fledged literary genre. Travelogue is a literary genre, which is realized in the form of notes, diaries, memoirs, essays. It remains relevant and in demand in contemporary literary space.

The purpose of this research is to investigate the features of travelogues written by P. Mayle and literary translation techniques of his works. In this research several approaches and methods are used, among them the method of interpretation and critical analysis of the translation.

The main results and conclusions: Travelogue is a literary work based on the author's description of his own journey and those emotions and impressions that he experienced during this journey. Travelogues of P. Mayle can be attributed to works of fiction. Translation of the travelogues is carried by a communicative manner, using various methods and transformations/ among them there are transcription / transliteration, the methods of translation of phraseological units, omission, partial translation, methods of translation of realities.

Keywords: Genre, travelogue, travel literature, features of translation.

Постановка проблемы: В наше время литература путешествий активно развивается. В связи с этим актуальными является изучение особенностей перевода жанра травелог.

Цель исследования: выявление приёмов художественного перевода травелогов Питера Мейла. В работе использовались метод интерпретации и метод переводческого анализа.

Травелог – довольно специфический литературный жанр, который долгое время (ещё со времён античности) совершенствовался многими писателями. В ходе работы используется следующее определение «травелога»: «Это произведение, автор которого описывает собственное путешествие, а также те эмоции и впечатления, которые он испытал» [1].

Одним из самых ярких представителей литературного жанра травелога по праву считается Питер Мейл – современный английский писатель, искренне увлечённый французскими традициями и культурой. Материалом для данного исследования послужили произведения Питера Мейла «Год в Провансе» и «Хороший год».

Общеизвестно, что от качества художественного перевода зависит восприятие произведения в целом. Говоря о травелогах Питера Мейла, можно утверждать, что подобного рода текст необходимо переводить **коммуникативным** способом. Данный подход заключается в том, что для трансляции исходной информации необходимо подобрать подходящие

стратегии перевода, благодаря которым текст нужным образом будет воздействовать на психоэмоциональное состояние реципиента. Т.А. Казакова утверждает, что такой способ является «оптимальным для бóльшей части художественной литературы, публицистики, а также огромного массива научно-теоретических и научно-популярных текстов» [2, с. 196].

Одной из немаловажных особенностей перевода травелогов является **членение текста**. «Установив параметры и статус единиц перевода, мы членим текст на более или менее крупные отрезки, от отдельного слова до целого эпизода, а порой и до сегмента, равного самому тексту» [2, с. 177], – определяет метод членения текста Т.А. Казакова. Описанная переводческая стратегия может быть продемонстрирована на примере романа П. Мейла «Хороший год»:

«It was high summer in London, and the raindrops felt almost warm on Max Skinner's face as he ran up Rutland Gate and into Hyde Park» [3].

«Макс Скиннер взбежал по Ратленд-Гейт к Гайд-парку. Лето в Лондоне выдалось жаркое, и падавшие на лицо дождевые капли казались нагретыми» [4].

Для перевода лексических элементов с нестандартным контекстовым значением необходимо использование дополнительных методов и приемов перевода.

Калькированием принято называть переводом на уровне слова. Он заключается в воспроизведении в первую очередь не звукового, а комбинаторного состава лексемы или словосочетания, при котором структурные компоненты слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка.

При переводе травелогов данный приём встречается довольно часто. Так, например, в романе «Хороший год» переводчик использует кальку при переводе *«albert Memorial»* – «мемориал принца Альберта», *«the Young Connoisseurs'»*

Club» – «клуб юных дегустаторов». В романе «Год в Провансе» калькой переводится «*winter olympics*» – «зимние олимпийские игры».

Прием **транскрипции/транслитерации** применяется на уровне фонемы/графемы. Таким способом переводятся названия стран и народностей, большая часть имён собственных (имена людей, географические названия, названия фирм (если они происходят от личного имени), печатных изданий, сказочных персонажей), а также некоторые национально-культурные реалии. Что касается анализируемых романов («Хороший год» и «Год в Провансе»), нами были замечены следующие транскрипции:

Имена собственные:

- *Max Skinner* – Макс Скиннер;
- *Christie* – Кристи;

Географические названия:

- *Notting Hill* – Ноттинг-хилл;

Названия периодических изданий:

- *The Times* – «Таймс»;
- *Country Life* – Кантри Лайф.

Говоря о методе лексико-семантических модификации, отметим, что в данном контексте переводчики часто эксплуатируют приём **эмфатизации**, или **нейтрализации** определённых лексических единиц, что подразумевает нейтрализацию первоначального лексического значения путём выделения/приглушения конкретного слова, что приводит к иному эмоционально-оценочному восприятию фразы в целом.

«... “*There are five steps,*” he said, reaching for the glass, “*that make all the difference between the art of drinking and the act of swallowing*” ...» [3].

«...– *Пять важных моментов отделяют искусство питья от вульгарной пьянки, – произнёс он и взял бокал. ...*» [4].

Как видим, при переводе словосочетания *act of swallowing*, которое буквально означает «процесс питья (поглощения)», переводчик, обращаясь к эмфатизации, благодаря которой фраза приобретает негативное звучание (коннотацию).

Как известно, фразеологизмы играют важнейшую роль в процессе общения, так как придают высказываниям выразительность и эмоциональность. Наиболее адекватным способом перевода устойчивых выражений является поиск аналогов в языке, на который фразеологизм переводится. Неоднократно в мейловских произведениях фиксируется такой распространённый фразеологизм *God knows when*, который переводится как «*Бог знает что*».

Что касается грамматически обусловленных приёмов перевода, они реализуются на уровне предложения путём **нулевого перевода или опущения**. Обращение к данному приёму оправдано при традиционно-функциональном несовпадении при условии схожести непосредственно самих форм. Несовпадение перевода местоимений демонстрирует следующий пример, взятый из романа «Хороший год»:

«*“As you see,” said Fitzgerald, “the robe is particularly fine, somewhere between...”*» [3].

«– *Как видите, – опять заговорил Фицджеральд, – цвет необыкновенно хорош, где-то между*» [4].

При переводе местоимений переводчики часто обращаются к **частичному переводу** на уровне морфем. Он предполагает использование не полной, а частичной формы, не полностью совпадающей по функциональной нагрузке. Например, в русском языке возвратные местоимения имеют собственно

местоименную форму (полный перевод «себя»), а также могут передаваться с помощью частицы -ся. Соответственно, по отношению к ним применяется полный или частичный перевод.

«„*Bonjour*”». *He unscrewed a cigarette butt from the corner of his mouth and introduced himself.* «*Massot, Antoine*» [5].

«– *Von jour.* – *Человек выплюнул прилепившийся в уголке рта окурок и представился: – Массо, Антуан*» [6].

Исходя из особенностей травелога, в процессе его перевода пристальное внимание должно уделяться точной **передаче реалий и культуронимов**. Безусловно, на фоне массовой межкультурной коммуникации такие именованья формируют довольно многочисленную группу, а самым распространённым способом их передачи средствами другого языка является транскрипция/транслитерация. Так, например, название ресторанчика *Bocuse* в одном из произведений автора переводится в результате транскрипции как «Бокюз». Параллельно переводчик даёт комментарий, в котором объясняет, что данное заведение в Лионе считается одним из самых успешных в мире. Таким образом, когда переводчику не удаётся подобрать точное словарное соответствие, на уровне текста он практикует подобные **переводческие комментарии**. Такие объяснения содержатся не в самом тексте, а в специальной сноске внизу этой же странице или в конце книги в разделе «Примечания». В романе «Год в Провансе» при помощи переводческого комментария переводчик объясняет читателю некоторые французские реалии в виде примечаний:

– *carte grise* (дословно «серая карточка») означает *технический паспорт автомобиля*;

– *digestifs* – «*напитки*» (как правило, коньяк, кальвадос, ликёр), подаваемые в *завершение приёма пищи для улучшения пищеварения*.

В заключении можно сделать **вывод**, что перевод художественных текстов считается одним из самых сложных, поэтому требует от переводчика языковой и межкультурной компетенции и значительного переводческого опыта. При переводе травелога необходимо сохранить те признаки, на основании которых делается вывод о его жанровой принадлежности. В частности, такими жанрообразующими чертами являются: наличие различных повествовательных форм, авторские переживания и впечатления, вкрапление реальности в художественное повествование, возможность авторского отстранения от процедуры повествования в нужный момент. Кроме того, переводчик должен передать стиль автора, его замысел, отобразить смысл и сохранить гармоничность художественного текста.

В настоящее время травелог – стремительно развивающийся жанр, который не имеет четких, строгих границ. Травелог находит свое применение не только в литературе, поэтому **перспективы данного исследования** видятся в рамках изучения травелога и его применения в туристической индустрии.

Библиографический список:

1. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. – 2014. – №3 (37) – С. 254-258.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Серия: Изучаем иностранные языки / Т. Казакова. – СПб.: Союз», 2001. – 320 с.
3. Mayle P. A good year [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://study.syau.edu.cn/upload/1631/attach/_1998500013_201203211133571.pdf (дата обращения 2.04.2017).
4. Мейл П.. Хороший год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=126368> (дата обращения 03.04.2017).

5. Mayle P. A year in Provence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://usuaris.tinet.cat/palonso/llobres/mayle_petera%20year%20in%20provence.pdf (дата обращения 01.04.2017).

6. Мейл П. Франция. Год в Провансе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=4323&p=1 (дата обращения 01.04.2017).

УДК 141.339

Новикова М.А. Рунные камни Швеции: фольклорно-магический и культурно-исторический аспекты

Runic stones of Sweden:folklore, cultural and historical aspects

Новикова Марина Алексеевна,
д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Novikova Maria Aleekseevna,
PhD, professor, Russian and foreign literature Chair
V.I. Vernadsky Crimea Federal University
nina1963vasya@mail.ru

Аннотация: В сообщении рассматриваются фольклорно-магические и культурно-исторические аспекты памятников мирового значения – рунных надписей Швеции Века Викингов (IX-XI вв. н.э.). Отмечается сочетание в них меморативной и магической функций. Анализируются образы викингов и образ Руси, воссозданной в этих надписях.

Ключевые слова: Швеция, Русь, Век Викингов (IX-XI вв.), рунные надписи, их фольклорно-магические и культурно-исторические аспекты, образы викингов и мест их действий.

Abstract: The paper is devoted to the magic (folklore) and historical aspects of runic inscriptions in Sweden of the Viking Era (IXth-XIth cc. AD). The author traces their contaminating memorative and magic functions. The Vikings and the Rus' characters are also put under analysis.

Keywords: Sweden, Rus', the Viking Era (IXth-XIth cc. AD), runic inscriptions, their memorative and magic functions, their characters.

Настоящее сообщение посвящено рунным надписям на камнях Швеции. Ставились такие камни в память умерших, но иногда и живых, прежде всего близких, но порой и товарищей – по военному ли походу, или по торговой поездке. Бывали случаи, когда камни люди ставили загодя, по самим себе, перед религиозным паломничеством в далёкие страны, особенно в Иерусалим. Большинство рунных камней поставлены в «Век Викингов» в IX-XI вв. н.э. [15, 16, 18].

Зачем они ставились? Бесспорно, первая их функция – меморативная. Покрытые орнаментом, ярко окрашенные (обычно в черный, белый и красный

цвета, реже в жёлтый и коричневый), увитые высеченными строками, краткими, но выразительными, – рунные камни должны были обессмертить тех, чьи имена они несли.

Понималось это бессмертие отчасти по-христиански: скандинавы «Века Викингов» были уже крещены [1-3]. Однако в не меньшей степени бессмертие и понималось, и закреплялось при помощи рун ещё по-старому, по-язычески. «Вечный» камень, поставленный на особых священных местах, магически украшенный, должен был выполнять и вторую функцию – служить магическим же «заместителем» живого человека, сохранять его присутствие среди соплеменников и/или потомков. Оттого «замещал» он либо умерших, либо находившихся в пути, далеко от дома. Более того: камень этот служил «замещением» самой Родины, если ставился он на чужбине [4]. Оттого же рунические тексты виртуозно организованы ритмически и фонически [5].

Что же могут рассказать нам эти тексты сегодня – и про «Век Викингов», и про места их действий? Места не только в Западной Европе, но и на землях Руси, на Севере, так и на Юго-Востоке. И ещё один, быть может, главный вопрос. Насколько актуально изучение этих памятников Средневековья, даже «дома» многие филологи считают интерес к ним исчерпанным? (Полемику с этим взглядом см. в [13]). Ясно, чем вызвано такое мнение: недостаточной изученностью подобных текстов и их функционирования.

Пространство от Северного Приозёрья Руси (Новгород, Старая Ладога и др.) вплоть до Среднего Поднепровья рунные надписи именуют «Гардарикой». В отечественной научной литературе сложилась традиция переводить этот топоним как «Страну городов». «Gard~» действительно восходит к той же индоевропейской праоснове, что и старославянское «град~» и восточнославянское «город~». Однако «городов» в современном понимании

раннее Средневековье и на Западе, и на Востоке Европы знает немного. «Гардарика»-Русь впечатляла иноземцев количеством «городищ»: селений, обнесённых рвами (или омываемых реками) и огороженных земляными валами, плюс деревянными стенами, позже с угловыми и надвратными башнями. Неогороженных селений в «Гардарике» почти не практиковали по многим причинам. И крупного хищного зверя в тамошних лесах водилось множество, и этноплеменная карта тех мест была весьма пёстрой, и лежала «Гардарика» на важнейших транзитных путях Евразии: на «шёлковом пути», «янтарном пути», «пушном (меховом) пути» и др.

Встречается в рунных надписях и урбаноним «Новгород». В древнескандинавском языке (Old Norse) он имеет устойчивое соответствие «Хольм-Гардр (Holmgardr)». «Хольм» тоже внешне, фонетически похож, этимологически близок, однако семантически не вполне равнозначен славянскому «холму». Древнескандинавский «хольм» содержит ещё и оттенки значений «(родной) дом» (ср. англ. home) и «дым(от очага)» как ситуативный синоним «дома» (ср. англ. hume). Поэтому Новгород-Хольмгард – это городище на высоких местах, где от домов поднимаются к небу струи дыма [18, p. 45 f].

Впрочем, «Восточный» (Эста) могло означать не только земли Руси. Стороны света в архаике отсчитывались от священного центра. А центром могла быть и площадка святилища или родового собрания-тинга, отмеченный природный объект (холм, гора, озеро и т.п.). Место рунного камня по имени Эста могло быть расположено к востоку от такого центра.

В текстах надписей регулярно встречаются кеннинги: «загадки», «игра слов», «двойные метафоры». Так думаем мы, сегодняшние. Для Века Викингов это были священные формулы, понятные для «своих», посвящённых. Например, одна такая формула переведена у нас как «капитан корабля» (с сохранением

древнегерманской аллитерации, равноценной современной рифме) [5]. В оригинале, однако, герой надписи, некто Зигвид (Sigvid), назван сложней: он – «Скользящего (skaiþar) Смотритель (visi)». «Скользящий (по волнам)» – это корабль; «Смотрящий» или «Зоркий» на корабле – это капитан. Кстати, «скейт»ами называл большие военные корабли викингов (вмещавшие до 100 человек) ещё древнерусский Нестор Летописец.

Прозвище этого капитана «visi») первоначально означало «мудрый» (в смысле – ясно, далеко видящий). Мудрость архаики и язычества ещё телесна и магична. Она – словно бы свойство и не интеллектуальное, а физическое, не приобретённое, а врождённое (т.е. дарованное богами), подобно дальнорукости. Заодно «visi» – прозвище-титул Одина: бога-шамана, бога-покровителя неистовых воинов [9]. Так что всякий опытный и удачливый предводитель мореходов-викингов относился к «породе Одина»: к знатокам тайн, укротителям стихий, а не просто к умелым навигаторам.

Косвенно надпись указывает и на то, что в Хольмгарде-Новгороде XI в. (время создания надписи) уже существовала торговая база «гётов»–выходцев со знаменитого о. Готланда, восточного соседа Швеции. Об этом острове стоит поговорить отдельно и подробно. Надеемся сделать это в специальной работе. Здесь уместно лишь упомянуть о некоем особом значении о. Готланда в истории Скандинавии, Балтии, да и славян. Достаточно назвать три имени, несомненно связанных с гётами и, следовательно, с о. Готландом. Это гений немецкой литературы Йоганн Вольфганг Гёте; это гений русского кино Андрей Тарковский, снявший свой мистический фильм «Жертвоприношение» на о. Готланде; и это целая британская королевская династия (включающая ныне правящую Королеву Елизавету II). До 1917 года династия носила имя Саксен-Кобург-Гота. Есть, в связи с этим, гипотеза о том, что готы-гёты-геаты (см.

англосаксонскую поэму «Беовульф») были не просто племенем, а священной кастой. Они спасали какие-то тайные «веды» и выполняли какую-то сакральную миссию. Возможно, проверка этой гипотезы поможет прояснить гибель двух викингов-христиан: отца и сына, Иоанна и Федора. Они пали в Киеве в 987 году, во время языческого жертвоприношения. А заодно гипотеза могла бы пролить свет на рунную надпись о гибели капитана корабля, вместе с командой. Погибли они в Новгороде и были похоронены в новгородской «гостевой» церкви викингов, во имя Св. Олафа.

Другие – земледельческие и экономические – сведения о викингах и о Руси приносит надпись на камне из Уппланда: территории наиболее плодородных шведских земель, а отсюда и наиболее зажиточного крестьянства. Находится он на Юго-Западе Швеции. Надпись также повествует о пути на Восток. Но для заказчика Уппландского камня это не столько военный поход, сколько торговая экспедиция. Заказчик, видимо, зажиточный землевладелец – он не нуждался в военной добыче. Однако надпись сперва сообщает, что этот мемориал сын поставил в память об отце. В конце – что деньги на покупку нового участка земли отец нажил «на Востоке, в Гардарике». Получается, что «нажита» была могила отца.

Едва ли сын викинга (или его отец) испытали бы ужас от такой интерпретации надписи. Оба они знали, что добыча от походов – это не только цена риска (и немало: всё побережье северных морей было усеяно мачтами, досками, брёвнами от потопленных кораблей). Не только цена труда (тоже немало: торговля в чужой стране никогда не была делом лёгким). Это была ещё и цена жизни. Ведь викинги не только наводили трепет на всю Западную Европу – они массово гибли и сами.

Трудно сегодня представить, но рыжебородые великаны, объездившие «пол Европы, пол Земли», служившие десяткам государей (не всегда христианских), торговавшие с сотнями разнонациональных покупателей, неоднократно раненные, искалеченные, – «делали это» (цитируя надпись), чтобы приплыть домой, купить кусок каменистой скандинавской земли, прирезать его к своей ферме и поставить камень с рунами, иногда в честь живых, иногда в честь мёртвых. Им не казалось, что такая судьба слишком скудна для героев.

Наконец, третий рунный камень, о котором пойдет речь, найден в 1905 году на о. Березань в Чёрном море, в современной Николаевской области. Служил он крышкой каменного гроба-саркофага. Заказал его купец и предприниматель Гране в память о своём «товарище» (т.е. партнёре) Карле. Партнёры (*felaga*, ср. англ. «fellow») объединяли свои товары (ср. русский эквивалент, «товарищ»), деньги и совместно совершали торговую поездку. В XI веке это было уже не редкостью.

Место погребения тоже не должно нас удивлять. Оно находится вблизи от устья р. Днепр. А река эта издревле служила путём «из варяг в греки» – из Скандинавии в Византию (Константинополь). На острове хватало укромных бухт, где можно было причалить корабль и передохнуть. Позади был трудный речной путь, где пловцов поджидали днепровские отмели и пороги (о порогах напоминал другой рунный камень, поставленный дома: на далёком острове Готланде). Или наоборот: можно было отдохнуть перед не менее трудным путем вверх по реке, на вёслах.

Неизвестно, что случилось с «ферлягом»-партнёром-товарищем Гране: заболел ли тот в дороге или был ранен? Знаем мы одно: что приняла его причерноморская земля. А благодаря рунному камню знаем и другое: что базы-

стоянки были у скандинавов не только в Северной Европе, но и в Европе Юго-Восточной.

Библиографический список

1. [Б.а.] Иоанн варяг и его отец Федор // Полн. православн. богословск. энцикл. словарь. В 2 тт. Т. 1. М., 1992 [Репринт]. С. 1090.
2. [Б.а.] Стокгольмская икона Божией Матери // Полн. православн. богословск. энцикл. словарь. В 2 тт. Т. 2. М., 1992 [Репринт]. С. 2446.
3. Бахметова А.Н. История Церкви: Рассказы из истории Христианской Церкви: От I-го века до половины XI-го. В 2 частях. Часть 2-я. Изд-е Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 218.
4. Бенвенист, Эмиль. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с франц. НН. Казанского и др. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 74-96, 168-174, 220-237.
5. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. С. 38-42, 47-49.
6. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1. [Репринт изд. 1880-1882 гг.]. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. С. 158.
7. Левицкий Я.А. Образование раннефеодальных скандинавских государств – Дании, Норвегии и Швеции // Всемирная история в 10 т. Т. III. Под ред. Н.А. Сидоровой и др. М.: Гос. издат. полит. лит-ры, 1957. С. 691-693.
8. Новикова, Марина. Когда огонь соединяется с огнём // Вопросы литературы, 1988. № 1. С. 3-39.

9. Новикова, Марина. Коментар // Українські замовляння: Упоряд. М.Н. Москаленко. К., 1993. С. 199-306.
10. Новикова М.О. (авт., упоряд.). Матеріали й методичні рекомендації для спецкурсів, спецсеінарів і самостійної роботи магістрантів та аспірантів з лінгвістичних спеціальностей. Вип. 1. Сімферополь-Луганськ, 2007. С. 35-38, 54-55.
11. Новикова М.О. (авт., упоряд.). Методичні рекомендації для спецкурсів, спецсеінарів і самостійної роботи магістрантів та аспірантів літературознавчих спеціальностей. Вип. 2. Кам'янець-Подільський, 2007. С. 34-40, 63-65, 70-71, 90-93.
12. Новикова, Марина. Міфи та місія. К., 2005. С. 12-26, 86-94, 133-142, 199-220.
13. Новикова М.А. Отзыв на автореферат ... докт. филол. наук Кобленковой Д.В. (Нижний Новгород, 2017). 2017.02.03. Режим электронного доступа: <http://www.kfu.org.com>.
14. Новикова, Марина. Пушкинский космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. М.: Наследие, 1995. (Серия «Пушкин в XX веке». Вып. 1.) – С. 63.
15. Новикова М.А. Рунные надписи на камнях Швеции: переводоведческий аспект / Доклад на I Междунар. научно-практ. конф. «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход». – Симферополь, 2017.27-29.04. Режим электронного доступа: <http://www.kfu.org.com>.

16. Рунные надписи. Пер. Марины Новиковой. Режим электронного доступа:
<http://www.kfu.org.com>.
17. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. М., 1986. С. 238-239, 245, 545.
18. Jansson, Sven B.F. Runes in Sweden. Transl. Peter Foote. Gidlunds: Royal Academy of Letters, History and Antiquities, Central Board of National Antiquities, 1987. Pp. 39f., 41, 45-49, 50, 53-54, 57-58f., 60-61, 64 f., 67-68, 70, 72-74, 108.
19. Ranke F. Das Wilde Heer und die Kultbünde des Germanen // Kleine Schriften. Bern, 1971. S. 380-408.

УДК 23/28

Палёха Е.В. Проявление элементов кельтской культуры в современном мире

Manifestation elements of Celtic culture in the modern world.

Палёха Екатерина Викторовна,
студентка IV курса
кафедры истории Древнего мира и Средних веков
Исторического факультета
Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского
Palekha Katerina Victorovna, student
Department of the Ancient and Medieval History,
Faculty of History, V. I. Vernadsky CFU

Аннотация: Кельтская культура жива и в наше время. Проявления ее элементов мы можем наблюдать в различных отражениях нашего мира. В чем причина приобщения различных народов к миру этой культуры? В данной статье будет изложена попытка узнать причину этого явления.

Ключевые слова: рецепция средневековья, рецепция кельтской культуры, кросскультурность, кельтская культура.

Abstract: The Celtic culture is alive in our time. Manifestations of its elements we can see different reflections of our world. What is the reason of initiation many-many peoples of the world to this culture? This article will set out an attempt to learn the cause of this phenomenon.

Keywords: reception of the Middle Ages, recession of the Celtic culture, Celtic culture.

При одном упоминании о кельтах в мыслях сразу появляются образы друидов, совершающие обряды в каменных кругах, смелых воинов, дающих отпор римским легионам. Культура этого народа была настолько обширна, что даже римляне стали заимствовать от них что-то для себя. Французский ученый Ж. Вандри говорил о кельтах, что если углубляться в изучении загадок кельтов, а особенно их верований, найдется лишь одни вопросы без попытки нахождения истины. Начиная уже с V в до н.э., название «кельты» быстро распространялось по тогдашней Европе. Но то, что было до V в., долго оставалось загадкой. Под влиянием романтизма с конца XVIII в. возрастает интерес к прошлому кельтской

культуры, ранее уже проявлявшийся в Западной Европе и на Британских островах, где жило много потомков этого народа. Кельтскую культуру этот интерес превратил в настоящую кельтоманию, в результате чего, без какого-либо критического подхода часто, собирались подлинные и мнимые свидетельства о прошлом кельтов. Еще с XVII в. было распространено мнение, что кельты на западном побережье Франции и Англии были строителями мегалитических сооружений, возведенных из крупных каменных глыб, как менгиров (высоких стоячих монолитов) и дольменов (древние погребальные и культовые сооружения из крупных камней), так и длинных каменных аллей или кругообразных сооружений, которые считаются астрономическими обсерваториями и местами культа. Романтики считали кельтов древнейшим народом, отождествляли их с потомками библейских персонажей и часто на основе произвольных этимологических сравнений приходили к выводу, что кельты были расселены почти по всей Европе. Представления о высоком развитии кельтской культуры подкреплялись также литературными фальсификатами. Самыми известными из них являются эпические произведения шотландского поэта Д. Макферсона, относящиеся к 1760-1763 гг., которые автор выдавал за перевод с кельтского творений Оссиана, кельтского барда, жившего в III веке. Отголоски пустого этимологизирования удержались очень долго, по существу до нашего времени, и в течение всего этого процесса самые разнообразные археологические находки без разбора приписывались кельтам. Еще в конце прошлого века наблюдались панкельтские тенденции как противовес воинствующему германизму или английскому империализму и до того же времени считались подлинными бретонские народные песни, повествующие о сопротивлении друидов христианству или о борьбе с франками; в действительности же это были произведения Эрсарта де ла Виллемарке,

изданные в 1839 г. Это лишь один из известных нам фактов фальсификации, на самом же деле сегодняшняя история кельтской культуры сильно искажена, поскольку единственным способом копирования книг была перепись, где никак нельзя исключать «авторских поправок» и самобытных мнений. Придворная перепись контролировалась, а вот весь остальной поток информации представляет собой хоть и сомнительную, но никак не проверяемую информацию.

На западе кельтскую традицию поддерживали самыми разнообразными источниками и памятниками: сообщения древних писателей, рассказывающих о жизни кельтов и кельтской культуре и их воинственности; литературные памятники галльско-римской эпохи, в особенности надписи на надгробных камнях и подобных сооружениях; этимологическая связь в названиях рек, местностей и возвышенностей; кельтские монеты, находки которых быстро множились; предметы кельтского искусства и материальные памятники в природе; и, наконец, случайные антропологические исследования. Всё это понемногу приоткрывает историю кельтов, правивших Европой многие века подряд и давшей ростки в современную культуру. К тому же кельты были весьма колоритным народом. Их обычаи носить яркую клетчатую одежду, раскрашивать тело, лицо и даже волосы яркими красками, вступать в сражения обнажёнными и коллекционировать головы убитых врагов производили неизгладимое впечатление на образованных и воспитанных в иных традициях греков и римлян. Довольно странно, почему такое широкое распространение кельтской культуры не сопровождалось у них образованием развитой государственности. Кельты никогда не стремились создать мощное военное государство. Их военные походы с большой натяжкой можно назвать завоеваниями, поскольку, занимая новые территории, кельты не стремились

подчинить себе местное население, а отчасти сливались с ним, отчасти предпочитали мирное сосуществование и, главное, никогда не имели никакого подобия государственного и политического центра. Свою самобытность к началу Средневековья кельты сохранили лишь на Британских островах. Здесь обитало две группы кельтских племён - бритты в собственно Британии, и галлы в Ирландии, а позднее и в Шотландии. Бритты подверглись определённому воздействию римской культуры, но всё же сохранили язык и многие обычаи. Галлы остались вне границ Римской империи, и тревожили её набегами. Пришедшие на острова в V - VI веках германские племена англов, саксов и ютов, частично истребили, а частично вытеснили бриттов. В распоряжении последних остались Уэльс, полуостров Корнуолл, на юге-западе Англии, и несколько островов. Кроме того, довольно большая группа бриттов переселилась на другую сторону Ла-Манша, в пределы бывшей римской провинции Арморика, которая с этого периода получила название Бретань. Что же до галлов, то они меньше пострадали в результате германского вторжения, и даже наоборот сами активно наступали. Гэльское племя скоттов переселилось из Ирландии и Шотландию, где и заняло господствующее положение, оттеснив аборигенное племя пиктов. Само название Шотландия происходит именно от скоттов. Таким образом, к концу Средневековья кельтское население сохранилось в основном в Уэльсе (валлийцы), Корнуолле (корны), Ирландии и Бретани (бретонцы). Что до Шотландии, то там причудливо перемешались друг с другом бритты, саксы и викинги. Кельтская культура, традиции и язык сохранили лишь шотландские горцы, в остальной части Шотландии повсеместно бытуют английский язык (в форме особого диалекта) и сходные с английскими обычаи. Мода на клетчатую ткань, мужские юбки - килты, и игру на волынке распространилась позднее, под влиянием горцев, наиболее упорно отстаивавших свою независимость от

англичан. Современные потомки древних кельтов населяют лишь небольшую территорию на Британских островах (в Ирландии и Уэльсе) и полуостров Бретань, находящийся на северо-западе Франции. Ирландцы, шотландцы, валлийцы говорят в основном по-английски (а бретонцы – по-французски).

Неизвестно откуда пришли эти племена, которые называли себя кельтами, каким образом зародилась кельтская культура однако точно известно, что в конце 2 тыс. до н.э. они облюбовали восток Франции, север Швейцарии, юго-восток Германии, а позднее стали осваивать Британию, Ирландию и Иберийский полуостров. Племена эти были неоднородны, поэтому обычно говорят не об одной культуре, а о культурной общности, объединяющей большое количество самостоятельных, но весьма сходных культур. Кельтские племена занимали обширные области в Центральной и Западной Европе.

К концу VI-V вв. до н.э. в кельтской среде и кельтской культуре уже произошли важные экономические и общественные перемены. Общественное расслоение, вызванное в первую очередь местными условиями и предпосылками. Возникли многочисленные центры власти местной племенной знати, о которых цивилизованный мир узнавал тогда, когда для него было экономически выгодно поставлять им свои изделия, помогая таким образом повышать жизненный уровень. И вдруг хорошо вооруженные группы кельтов дерзко и отважно напали на важнейшие центры образованного юга, вторглись в Северную Италию, заняли даже Рим и проникли далеко к самой Сицилии; в то же время другая волна направилась в Карпатскую котловину, на Балканы и даже в Малую Азию. Южный мир был ошеломлен их упорством в бою, их отвагой, мужеством и жадностью. Только теперь он оказался лицом к лицу с неприятным фактом, что за Альпами вырос многочисленный народ, который в течение

следующей половины тысячелетия европейской истории стал важным военным и политическим фактором.

Поэтому уже в IV в. кельты считались одним из крупнейших варварских народов тогдашнего мира наряду с персами и скифами. Кроме того, они не всегда поддерживали враждебные отношения с соседями. И все-таки, этот народ не достиг полного этнического единства и не создал единого государственного образования, державы, которая объединила бы различные племена в единое организованное и устойчивое целое. Народ этот был раздроблен на множество более или менее крупных племенных образований, говоривших на разных, хотя и родственных диалектах, большинство которых исчезло в более позднее время.

Кельты жили по законам родоплеменного общества. Их культура была очень богата легендами и преданиями, которые веками передавались из уст в уста и, как правило, сохранились в нескольких вариантах, как, впрочем, и сами кельтские имена и названия. Археологические раскопки, проведенные в последнее время, помогли пополнить знание об образе жизни и традициях народа. Так же как и большинство древних народов кельты верили в загробную жизнь, и при захоронении оставляли с умершим много бытовых предметов: тарелки, блюда, инструменты, оружие, ювелирные украшения, вплоть до телег и повозок с лошадьми.

Кельтская мифология оказала огромное влияние на мировую литературу. Многие писатели, такие как Шекспир, Вудсворт, Толкин, Теннисон и другие, вдохновлялись интереснейшими легендами о Кухулине, о короле Артуре, о любви Тристана и Изольды, о племенах богини Дану.

Кельтские народы оставили после себя богатое наследие. Можно изучать различные стороны их культуры бесконечно. Собрать воедино части их истории является проблематичным, ибо у кельтов было разделение на отдельные племена

(гальветы, аверны, битуриги и многие другие). Тем не менее, особенности развития кельтов не отталкивают ученых и других почитателей этой культуры к ее изучению.

Необходимо сказать о том, как кельтские образы представлены в современной культуре. По способу интерпретации и репрезентации они могут выступать в виде одной из трех категорий: «образ-знак», «образ-символ», «образ-судьба» (классификация разработана Е. А. Чиглинцевым для античных образов в современной культуре, но, по нашему убеждению, она прекрасно описывает и рецепцию кельтского наследия) [Чиглинцев, 2009, с. 287-288].

«Образ-знак» первоначально имеет одну или несколько доминирующих черт, которые делают его легко узнаваемым, именно знаковым в различные эпохи и вне зависимости от социокультурного контекста. «Образ-знак» – это то, что декодируется всегда одинаковым образом, именно он отсылает к авторитету, традиции. Эта узнаваемость и является основной функцией «образа-знака». Мы встречаем «образы-знаки», например, в достаточно простой части нашей бытовой жизни: кольцо, зеркало, светильник, серый, белый и черный цвета одеяний, – их символические значения почти не менялись в западноевропейской культуре еще со времен античности.

«Образ-символ» формируется в связи с социокультурным контекстом своего времени. При последующей передаче образа, он этот контекст сохраняет, но подвергается корректировке, в соответствии с культурными, общественными, политическими запросами тех эпох, которые к нему обращаются. Благодаря этой корректировке, символ становится понятным широким массам, не обязательно знакомым с историей, и зачастую приобретает ранее несвойственные ему черты. Например, Чаша Грааля в разные эпохи представлялась то как богатое блюдо,

выполняющее функции скатерти-самобранки, то как чаша Тайной Вечери, то как потомки Христа, несущие в себе его кровь.

«Образ-судьба» обычно сохраняет контекст своего времени, и целью обращения к нему является сопоставление современных и средневековых условий (культурных или политических) и извлечение уроков для своей эпохи [Чиглинцев, 2009, с. 287-288]. Надо заметить, что «образ-судьба» в случае с рецепцией кельтской культуры все-таки зачастую граничит с «образом-символом» (пример тому – многочисленные трактовки героев артуровского цикла, значение кельтских символов). Все эти категории образов, так или иначе, отражены в современной литературе, кинематографе, многообразных формах массовой культуры, даже в частях тела, после решения множества количества людей сделать себе тату. Например, популярность этого серьезного выбора является на таком же уровне как и китайские иероглифы. В основу причин такого выбора лежит не показать приверженность к этой культуре, а в основном отражение силы, как сейчас популяризуют кельтскую культуру.

Показателем, так называемого, второго дыхания древней культуры в современном мире является ее реконструкция. В течение нескольких столетий историки, археологи, этнологи, антропологи и другие ученые разных стран практикуют в своих исследованиях данные, полученные в результате реконструкции и исторического эксперимента. Поэтому можно сказать, что данная тема вполне актуальна на данный момент в системе исторических наук. Историческая реконструкция имеет своих приверженцев, считающие, что в ряде случаев обращение к тому или иному эксперименту просто необходимо, так и противников, обвиняющие исследователей-экспериментаторов в «искажении истории» и обращению к сочинительству и тому подобное. В данном случае уместно отметить, что довольно часто, например, при явной нехватке

письменных данных, выводы, сделанные в результате различных экспериментов, безусловно, важны, но ни в коем случае не должны идеализироваться и могут быть использованы лишь в качестве необходимых дополнений к основной работе. Значение данного метода возрастает, когда исследователь обращается к дописьменной истории человечества и часто располагает лишь отдельными предметами материальной культуры или же в случае, если информация письменных источников противоречит здравому смыслу и нуждается в немедленной проверке. При этом возникает целый ряд объективных проблем, встающих перед экспериментатором. Например, никогда нельзя быть точно уверенным, что наши далекие предки поступали в точности так, как ведет себя участник эксперимента, или же различные реплики (копии) древних орудий труда, одежды, оружия абсолютно соответствуют своим прототипам [Боярский, П.В. Введение в памятниковедение]. Эти, а также ряд других причин, значительно осложняют работу экспериментатора и ставят под вопрос результаты опытов. Тем не менее данный метод исследования не раз приходил на помощь исследователям, часто оказываясь единственным путем разрешения наиболее сложных и спорных вопросов, возникающих в процессе работы. Что же такое историческая реконструкция? Данное понятие весьма обширно и может рассматриваться в различных смыслах с нескольких точек зрения:

Историческая реконструкция — деятельность по воссозданию, восстановлению объектов материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона с использованием археологических, изобразительных и письменных источников с целью научного анализа и исследований.

Историческая реконструкция — это движение, ставящее перед собой научные цели и использующее метод ролевой игры и научного эксперимента для решения проблем и более глубокого изучения исследуемого вопроса.

Историческая реконструкция — довольно молодой вид молодёжного досуга, получивший распространение в кругу людей, увлекающихся историей, романтическим духом средневековья и искусством, включающий в себя несколько направлений.

Смысл идеи исторической реконструкции как научной деятельности заключается в том, что, применяя различные методологические процедуры, исследователь пытается добиться восстановления прошлого в его первоначальном виде. Иными словами, построения исследователя в значительной мере должны соответствовать прошлому. Идею реконструкции мы можем понимать, как минимум, двояко:

Реконструкция как идеал — раскрытие большинства основных параметров прошлого. По словам И.Д. Ковальченко [Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. / И.Д. Ковальченко. М., 1987], "этот идеал поддерживается установкой на инвариантный, не процессуальный характер прошлого (оно уже случилось, и измениться не может). Однако логика развития исторической науки подсказывает, что усложнение методологии и гносеологии ведет к диверсификации исследований, дроблению предмета, т. е. речь идет о парадоксе — чем больше усложняется и совершенствуется историческая наука, тем дальше она от идеала реконструкции".

Реконструкция является элементом исторического объяснения. Речь идет о том, что некое теоретическое построение, аргументированное фактами, может претендовать на «финальное» объяснение определенной проблемной области истории, поставить новые задачи и подсказать методику и пополнить опыт

исследований. В связи с рассматриваемой темой, необходимо указать еще на одно широко распространенное направление исторической реконструкции, получившее толчок к развитию несколько десятков лет назад и со временем трансформировавшееся в мощное интернациональное движение. Самые известные и наиболее крупные ассоциации исторической реконструкции, существующие в настоящее время и объединяющие десятки и даже сотни более мелких однотипных организаций (военно-исторические, историко-этнографические клубы, фольклорные коллективы, культурные общества и т.д.), были основаны еще в 70-х годах. Большинство из них на данный момент уже прошли любительский уровень развития и превратились в крупные коммерческие организации, тесно сотрудничающие с шоу-бизнесом. При участии клубов исторической реконструкции снимается большинство современных художественных и научно-популярных исторических фильмов, устраиваются рыцарские турниры, проводятся знаменитые сражения древности, отмечаются праздники, пришедшие к нам из далекого прошлого. Кроме того, клубы ведут серьезные экспериментальные исследования, просветительскую и общеобразовательную работу. Среди всего многообразия направлений реконструкции в среде любительских и полу-профессиональных клубов особенно выделяются общества "индейцев-традиционалистов", "древних кельтов", "скандинавов эпохи викингов", "древних римлян" и некоторые другие организации.

Если рассматривать возникновение и функционирование клубов исторической реконструкции как своеобразное социальное явление, то они представляют несомненный интерес для этнологов, социологов и психологов. Необходимо отметить, что многие из них возникли на волне интереса к национальной культуре и истории отечества и со временем влились в

радикальные националистические движения, при этом резко изменив свои изначальные цели и методы работы. Другие со временем превратились в солидные религиозные организации (например, многие современные неоязыческие секты в прошлом являлись культурными обществами или же клубами реконструкции). И, наконец, ряд клубов остался в стороне от политической и религиозной деятельности, и до сих пор продолжает заниматься исключительно различными формами исторической реконструкции.

В рамках любого клуба формируются определенные культурные традиции (обычаи, характер одежды, особые фольклорные произведения, этикет, вид субординации в рамках организации и т.п.), передающиеся от старших и более опытных членов к молодым, вырабатывается специфический стиль взаимоотношений, свод правил и законов, выполняющих регулирующие функции в коллективе. Со временем возникает оригинальный сплав из отдельных реконструированных элементов традиционной материальной и духовной культуры и различных инноваций, продиктованных современной социокультурной средой. Таким образом формируется специфическая субкультура, характерная именно для клубов исторической реконструкции. У большинства членов подобных организаций отмечаются значительные изменения в мировоззрении и самоидентификации, а некоторые из них открыто противопоставляют себя обществу (например, " иногда мне кажется, я родился на 10 столетий позже, в душе я ощущаю себя викингом, а здесь все чужое!", или так - " я всегда чувствовала особую внутреннюю связь с Южной Калифорнией, а теперь поняла, что мое место именно среди индейцев Северной Америки" и т.п.). Особенно остро это ощущается в среде тех обществ, которые сознательно живут в относительно изолированных условиях (например, многие алтайские группы

"индейцев-традиционалистов") и значительно ограничивают поступление новых членов.

Виды любительской исторической реконструкции:

- «Живая история» — разновидность реконструкции, находящаяся на пересечении таких исторических дисциплин, как экспериментальная археология и «музейная педагогика».

Живая история — это воссоздание повседневного быта жителей какого-либо места в определенный исторический период, обычно в форме организации «музея живой истории» и/или проведения «фестиваля живой истории», а также уроков «живой истории» в школах.

Тут важно абсолютно все, начиная от кроя и внешнего вида носимой одежды и заканчивая аутентичными рецептами кухни. Подобные мероприятия интересны не только самим участникам, но и зрителям, которые могут воочию посмотреть на нехрестоматийную историю своей страны, на то, как жили их предки.

Данное направление очень популярно и развито в Западной Европе, там существуют десятки «музеев под открытым небом», где живут и трудятся люди в обстановке былых времен. Всё это уже было упомянуто и более подробно описано выше. Важно отметить, что данные реконструкции воссоздают именно быт мирного времени людей той или иной эпохи (см. пример на рис. 1 в приложении).

Турниры (бугурты, или сражения) — сутью этого вида является изучение и применение на практике военного искусства определенной эпохи. Много берется из источников того времени, кое-что додумывается людьми исходя из здравого смысла. В результате получается зрелищное представление, посмотреть которое будет интересно каждому, ведь вблизи все воспринимается особенно остро. Турниры могут разделяться на постановочные (для зрителей или же

просто эстетики) и спортивные, на которых люди хотят объективно оценить свои силы, умения.

Историческая реконструкция на современном этапе развития представляет собой весьма неоднородное явление. В традиционном устоявшемся понимании историческая реконструкция подвергается на современном этапе достаточно существенным изменениям, ещё и, учитывая её особенности и проблематику как научной деятельности, в ней можно выделить три принципиально различных направления (научное, музейно-образовательное и любительское), отличающихся по отношению к целям работы и подходу к самому процессу реконструкции. Историческая реконструкция постоянно находится в состоянии развития, совершенствуется и является весьма популярной на данный момент. Любое из её направлений имеет право на существование и заслуживает отдельного исследования. При этом в большей степени это проявляется в любительской форме исторической реконструкции, ставшей в последнее время достаточно популярной и интересной весьма широкой публике, как к своеобразному социо-культурному явлению, в равной степени интересному для социологов, этнологов, психологов и ряда других ученых, занимающихся проблемами современного общества.

Распространенность кельтских элементов в современном мире видится вполне закономерным как в контексте глобальных процессов, происходящих сегодня внутри мирового культурного пространства, так и ввиду той особой роли, которую сыграла кельтская культура в формировании, развитии и становлении европейской истории. Широкое распространение кельтской культуры на континенте и на островах во многом объясняет то всеобъемлющее влияние, которое она оказала на культуру Европы. Глобальный характер такого влияния обусловлен несколькими значимыми факторами, анализ которых

позволяет объяснить след, который кельтская культура оставила в культурах других европейских народов.

Во-первых, кельты были необыкновенно развиты технологически: в то время лишь они умели извлекать медь, олово, свинец и ртуть из глубокозалегающих месторождений; они первыми наладили производство железа и стали, использовавшихся для изготовления мечей, шлемов и кольчуг, законно признанных лучшим оружием в древней Европе, наряду с их конными колесницами и повозками. К тому же, только они владели технологией обработки металла и изготовления из него украшений, не имеющих «швов». Помимо этого, кельты проявили себя в качестве масштабных строителей: только лишь на территории современной Баварии ими было воздвигнуто 250 культовых храмов и построено 8 больших городов. Город Кельхайм, например, занимал 650 гектаров, а Хайденграбен - 1600 гектаров, равно как и Инголыптадт, который во времена кельтов назывался Манчинг. Он был окружён крепостным валом длиной в семь километров, который с точки зрения геометрии, представлял собой идеальную окружность. Считается, что для создания точной круговой линии строители изменили течение нескольких рек.

Во-вторых, кельты были не только искусными мастерами, но и носителями своеобразной, уникальной и чрезвычайно развитой культуры, и потому вполне естественно, что некоторые её элементы, были легко восприняты соседними народами и глубоко проникли в их культурные манифестации. Так, ранняя, европейская литература немало почерпнула из памятников творчества кельтов, например, героев средневековых сказаний - Тристана и Изольду, принца Айзенхерца (Железное Сердце) и волшебника Мерлина. В их героических сагах, записанных ирландскими монахами, фигурируют Персифаль, Ланселот и другие

рыцари Грааля, а образ первого христианского короля Артура, до сих пор остаётся одним из популярнейших литературных и ролевых персонажей.

В Российской Федерации ежегодно проводятся различные мероприятия связанные с кельтской культурой. В Республике Крым в современной мире проявления этой культуры имеет только в тематических развлекательных учреждениях, которые пользуются большой популярностью. На материковой территории Российской Федерации существуют частные образовательные учреждения посвящённые кельтской культуре, обучающие танцам, музыке и языкам. Проявление в социо-культурной атмосфере современности, даёт толчок к новому всплеску изучения культуры и возвращения ее к жизни, давая ей новое дыхание. В мире и в частности Российской Федерации в ряде с обычным проявлением реконструкции культуры, существует движение кельтского язычества.

Кельтское реконструкционное язычество это политеистическое, анимистическое, религиозное и культурное движение. Оно старается реконструировать аспекты древних кельтских религий, потерянных под давлением христианства, внутри современного кельтского культурного контекста.

Существуют некоторые дохристианские кельтские традиции, сохранившиеся в фольклоре и народных практиках кельтских стран и в кельтской диаспоре, однако, после веков христианского давления, большинство людей не видит в этих народных традициях цельного и живого духовного пути. Изучая древние манускрипты и региональный фольклор, комбинируя информацию с мистическими и экстатическими практиками и работая сообща, чтобы удалить из практик не-кельтские элементы.

Кельтские реконструкторы высоко ценят исследование и сохранение кельтских языков, так же как и участие в жизни кельтских культур. Язык для них это ключ к пониманию образа мыслей культуры. Хотя знание кельтского языка не является обязательным для участия в жизни сообщества кельтской реконструкции, но люди, серьезно желающие развивать традицию, почти всегда посвящают себя изучению одного из кельтских языков, что становится частью их практики.

Представители кельтской реконструкции пытаются моделировать различные формы дохристианской кельтской духовности. Делается это для того, чтобы создать современную духовную практику, которая настолько, насколько это возможно, опирается на аутентичный древний материал, который можно использовать в современном мире. Реконструкторы занимаются этим, потому что чувствуют потребность и необходимость сохранить современные кельтские языки, музыку и культуру.

Кельтская реконструкция это новая традиция, основанная на старых идеях и идеалах. Они работают с лучшими современными академическими исследованиями, чтобы постараться понять культуры ранних кельтских народов и то, чем они занимались, в контексте дохристианских политеистических духовных традиций. Также они принимают участие в традициях современных, живых кельтских культур, которые выражают политеистическую, анимистическую духовность. Однако, хотя многие языческие элементы дошли до наших дней в вере фэйри и прочих народных обычаях, если говорить о полной, политеистической языческой религии, у Кельтской Реконструкции нет непрерывной связи с дохристианским прошлым.

Один из основных объектов размышления, стоящих перед представителями сообщества Кельтской Реконструкции, это вопрос: «Как бы выглядели кельтские

культуры сегодня, если бы их не затронуло христианство?». Все религии и традиции растут и меняются с течением времени. Если бы политеистические кельтские культуры оставались неприкосновенными со времен железного века по сегодняшний день, то сегодня они бы очень сильно отличались от того, что было в железном веке, точно так же как индуизм и прочие духовные практики со временем изменились, оставаясь в своих странах и культурных рамках.

На протяжении долгих лет существовало общее неудовлетворение отношением к кельтской духовности и некоторое количество личностей обсуждали, как создать более аутентичную традицию, приближенную к политеистической кельтской религии. В конце 80-х гг. все большее количество людей стали собираться вместе, чтобы обсудить предмет и поделиться информацией о своих кружках прото-Кельтской Реконструкции.

Ключевым событием, заложившим фундамент для многих практик Кельтской Реконструкции (КР), стал Фестиваль «Языческий Дух», прошедший в Висконсине в 1985 г., и проводившиеся на нем кельтские мастер-классы и лекции. Участники фестиваля вернулись домой и продолжили развивать основы своей КР субтрадиции, включив в них полученную информацию. Позже, некоторые из них встретились онлайн и продолжили сотрудничество. Впервые термин «Кельтский Реконструктор», описывающий особое религиозное движение, а не просто отдельный тип исследования кельтского наследия, появился в издании журнала «Жатва» за весну 1992 г., в статье Кима Ламберта ни Дореанна. Ни Дореанн ссылается на использование этого термина Кэтрин Прайс НикДаной; в то же время она сама ссылается на использование термина «Язычники-Реконструкторы» в книге Марго Адлер «Убывание Луны». Хотя Адлер и посвятила немного места в книге традициям Реконструкции, ни одна из них не была исключительно кельтской. Также, в «Убывании Луны», описывая

свою нео-друидическую группу RDNA, Исаак Боневиц использовал фразу «Эклектичный Реконструктор». Как бы то ни было, со временем КР стала признанной традицией и эта терминологическая шелуха стала оксюмороном, поскольку «Реконструкция» в языческом/политеистическом смысле была предназначена для отделения от «Эклектики».

Ник Дана и Ни Дореанн утверждали, что они касались термина КР для того, чтобы отделить свои практики от таких эклектичных традиций, как викка и неодруидизм того времени. Эринн Роуэн Лаури также начала использовать самоназвание «Кельтский Реконструктор» в 90-х гг., хотя выбранное ей инициатическое определение звучало как «нео-кельт». С популяризацией Ни Дореанном Кельтской Реконструкции в языческой прессе, а также использование термина этими тремя личностями в интернете, «Кельтская Реконструкция» стала обозначением развивающейся духовной традиции.

У КР нет лидера. В индивидуальных группах могут быть лидеры, хотя многие группы представляют собой лишь информационные сообщества. В дополнение стоит отметить, что есть много людей, которые заслужили уважение внутри сообщества КР за их идеи. В любом случае, это уважение не наделяет их верховной властью и уважение не является ни всеобщим, ни абсолютным. Они все работают на благо того, чем обладают.

В данный момент сообщество посвященное кельтской реконструкции (в 2006 г.) относительно небольшое и развивающееся, оно находится в Москве. Насчитывает около полторы тысячи человек. В течении года проводятся образовательные и культурные мероприятия. Хотя некоторым из КР достаточно повезло в том, что у них есть группа единомышленников, но существует гораздо больше КР, чье ощущение сообщества происходит из общения онлайн – на форумах и через e-mail. Даже те, кто практикует с группой КР, обычно

присоединяются к сетевым дискуссиям, поскольку это самый быстрый и простой способ сотрудничать с большим количеством народа и может дать нужные контакты для формирования локального сообщества. Сочетание чтения, индивидуального исследования и участие в форумах и группах КР поможет вам связаться и присоединиться к традиции Кельтской Реконструкции.

Кельтская культура никогда не умирала. Хотя кельтские языки временами стояли на грани исчезновения, некоторые из них никогда не умирали полностью, а валлийский и шотландский языки подают признаки нового роста. Корнский язык постепенно возвращается к жизни, хотя очень мало людей разговаривают на нем сегодня как на родном языке, но гораздо большее количество использует его как второй язык. Многие из форм искусства, такие как музыка, поэзия, литература, визуальное искусство и танец развиваются очень энергично. Многие из КР глубоко погружены в поддержание жизни в этих частях живых культур.

Реконструкция в большей степени требуется дохристианским политеистическим формам ритуала и духовной практики, которые были утрачены за период христианской эры. Хотя у реконструкторов есть определенное количество фольклора, знание космологии и мифологии, также следует уделить внимание личным экспериментам и исследованиям, чтобы реконструировать живую духовную практику. Мнения относительно того, насколько нужно развитие, различаются в сообществах КР; некоторые удовлетворяются простыми народными практиками, другие хотят ввести более театрализованные или оккультные ритуалы, а третьи сосредоточены на теологической структуре. Различные типы практик развиваются в разных ветвях нашей традиции. В этом плане нам предстоит еще много работы и это непрерывный процесс.

КР для участников этих движения является политеистической религией, основанной на понимании и участии в жизни кельтских культуры.

Основная причина развития КР – желание сохранить кельтские духовные практики и верования в контексте кельтских культур настолько, насколько это возможно. Представители этого движение не приемлют внедрение вне культурного и не кельтского элемента в КР, считая что каждый элемент должных «уходит корнями в культуру».

Многие КР вовлечены в деятельность кельтских диаспор или сообществ на кельтских территориях. Поддерживая культуры, из которых происходят их традиции, и помогая им расти и процветать, они понимают, что это совпадает с целями кельтской духовности, несмотря на то, живут ли они в кельтской стране или в диаспоре. Их цель не состоит в точном воскрешении исторической культуры, они одинаково смотрят, как на исторические, так и на современные кельтские культуры, чтобы понять, каким образом они могут укрепить их практики и верования в своей повседневной жизни. Это также помогает понять, что если они практикуют кельтскую религию, при этом не обязательно быть кельтом, попадая под некие строгие определения, точно так же, как не обязательно быть азиатом, чтобы практиковать азиатскую религию буддизм.

Никогда не существовало одной монолитной кельтской культуры и, вероятно, таковой никогда не будет. Они слишком разные для этого. Существовали (и существуют) различные кельтские страны и даже в их границах существует множество обычаев, практик и верований. Неудивительно, что это разнообразие отражается и в КР. Существует разница не только в религиозных верованиях, но также и в обычаях, которые они выбирают для адаптации из живых и исторических источников, равно как и их интерпретации этих обычаев.

В культурной религии важность обычая может порой перевешивать важность веры, таким образом, некоторые культурные группы могут включать участников, которые решат участвовать в определенных практиках, хотя верования этих участников могут не совпадать с ними. Часто бывает проще согласиться с обычаем, чем с каждой особенной деталью верований, стоящих за ним. Эти различия в вере могут быть поводом для споров, но для споров в доброжелательной манере и с желанием поддержать их, без каких-либо интерпретаций того, почему мы делаем так или иначе, именно так нас связывают те обычаи, которые мы разделяем.

Многие из представителей живых кельтских культур являются христианами, хотя этот тип христианства, который часто является гармоничным с кельтским язычеством. В духовном смысле, широкое, современное кельтское сообщество будет включать и тех, и других: КР и кельтских христиан, также и тех, кто будет следовать другой религии, или не будет следовать вообще никакой. Язычники и христиане могут молиться Бриде у ее священного колодца, только КР будут рассматривать ее как Богиню, а христиане – как святую. Для них это не является конфликтом. Они все являются частью многообразного гобелена живых кельтских культур.

Под живыми кельтскими культурами подразумевается разные значения, все зависит, как именно используют эту фразу представители кельтских наций. В самом строгом определении «живые кельтские культуры» относятся только к культурам, состоящим из людей, которые выросли, разговаривая на кельтском языке, в сообществе, которое считает этот язык родным или вторым. В более вульгарном значении, этот термин также может относиться к тем культурам, которые меньше говорят на кельтском языке, но все еще поддерживают традиции, обычаи, верования и формы искусства кельтских народов, которые

глубже погружены в этот язык и культуру. Обычно, эти люди являются детьми или внуками носителей языка, и хотя они не изучали кельтский язык дома, когда они росли, но культура их семей не слишком далеко отошла от своих корней.

Некоторые представители кельтского наследия, живущие внутри кельтских наций или диаспор, также признают себя частью живой культуры, даже если они не говорят на кельтском языке. В этом случае их идентификация с кельтской культурой может быть скорее этническим интересом, но она подразумевает и некоторое участие в кельтских культурных событиях и некоторую степень уважения к языкам, даже если они не могут активно их изучать. В московском сообществе КР, когда используется фраза «Живые кельтские культуры» то, обычно ссылаются на наиболее строгое определение, которое иногда может принимать форму определения номер два, поскольку такие явления не всегда определяются четкими границами. Большинство из представителей различных сообществ КР называют свои традиции и движение «Кельтской Реконструкцией» и существует основа, состоящая из разделяемых всеми принципов и некоторые общие ритуальные структуры, во многих случаях КР – это зонтик, под которым укрыты различные субтрадиции.

В 80-х и начале 90-х гг. во время первых попыток создания традиции использовалось множество имен. В ретроспективе, многие из этих вещей сегодня называют «Прото-Кельтская Реконструкция». Даже после того как «Кельтская Реконструкция» или «Кельтское Реконструкционное Язычество» стали наиболее распространенными терминами, всегда были и другие имена. Некоторые КР придают более специфическую окраску своему самоназванию, например, называя себя «Ирландскими Реконструкторами», «Шотландскими Реконструкторами» или «Валлийскими Реконструкторами».

Не все люди, использующие техники неоязыческой реконструкции, чувствуют себя комфортно с названием «Кельтская Реконструкция», как с относящимся к их религии, считая, что этот термин описывает скорее методологию, чем систему верований, или как неверный описательный термин. Другим термин КР кажется вполне приемлемым, но они решают дать свое имя их субтрадиции КР, чтобы отделить свои практики от других суб-групп. Вот некоторые названия, которые используют люди, следующие религии КР:

- Amldduwiaeth («Политеизм» на валлийском)
- Aurrad («Член Племени» на староирландском)
- Кельтская Реставрация
- Pdíachas («Политеизм» на ирландском гэлике)
- Ioma-Dhiadhachd («Политеизм» на шотландском гэлике)
- Liesdoueadegezh («Политеизм» на бретонском)
- Pàganachd («Язычество» на шотландском гэлике)
- Pàgánacht («Язычество» на ирландском гэлике))
- Pàgántacht (альтернативное и более распространенное произношение слова Pàgánacht на ирландском гэлике)
- Senistrogmata («Обычаи Предков» на восстановленном старо-кельтском)
- Yljeeaghys («Политеизм» на мэнском гэлике)

Интерес к кельтской культуре и религии возник ещё в 18 в., на волне кельтомании, и именно тогда произошла романтизация образа кельта, или галла, которая так способствует сегодняшней популярности этой культуры. Для представителей сообществ кельтской реконструкции это является смыслом жизни, бесценной философией и способом сохранить культуру, которая им не безразлична.

Интерес к этой культуре будет всегда, так как она это совокупность загадочного, мистического, завораживающего мира к которому социум будет стремиться.

В России интерес к кельтской культуре существовал с давних времён. В 1765г: вышла в свет книга «Сочинения Оссиана, сына Фингала», написанная шотландским поэтом Джеймсом Макферсоном. Данное произведение нашло широкий отклик в самых разных кругах российского общества. Начало целой серии переложений «Поэм Оссиана» и откликов на них было положено И.И. Дмитриевым, в 1788 году написавшим стихотворение «Любовь, и Дружество», посвящённое Ойсину. За этим последовали стихи В.В. Капниста («Поэма, творение древнего каледонского барда Оссиана, сына царя Фингала», 1790), В.Л. Пушкина («Оссиан», 1795), П.С. Кайсарова, («Оссиан», 1797), М:М. Вышеславцева («Минвана», 1799), Н.И. Гнедича («Последняя песнь, Оссиана», 1804), Д.В. Веневитинова, С.Н. Глинки, А.И. Писарева и многих других. Очевидно, что трагедия сына Фингала не могла не вдохновить А.С. Пушкина на «вольное переложение» эпизода из поэмы Макферсона, которое в 1814 г. было напечатано в «Русском вестнике» под названием «Кольна. (Подражание Оссиану)». М.Ю. Лермонтов, «узнав от путешественника описание сей могилы»¹²⁹, выразил свои впечатления- через стихотворение «Гроб Оссиана», написанное в 1830 году.

Поэты «Серебряного века» также не остались равнодушными к мотивам кельтской мифологии (например, бессмертные стихи Н.Гумилёва «Красота Морни», «Гондла», «Оссиан», «Канцона Первая», «Дева-Птица» и др.). Однако, В отличие от предшественников, интерес поэтов «Серебряного века» был вызван уже не столько произведением Макферсона, сколько ирландской и шотландской историей, культурой и литературой. Произведения представителей ирландской

ветви кельтской литературы У.Б. Йетса, Дж. Свифта, Д. Джойса, С. Беккета, О. Уайльда, Р.Стерна и др., вызвали широкий отклик среди российских поэтов и писателей. Примечательно, что именно поэты «Серебряного века» обратили внимание на некоторое сходство русской и кельтской культур, сопоставляя не только и не столько исторические события, сколько национальные характеры. Так З. Гиппиус в своём стихотворении «Почему» (Сентябрь, 1917) проводит параллель между Ирландией и Россией, равно как и Осип Мандельштам («Я не слышал рассказов Оссиана.», 1914), а Н. Гумилёв называет У.Б. Йейтса «английским Вячеславом» (имея в виду В. Иванова).

Вторая волна повышенного интереса к кельтской культуре пришлась на середину 90-х годов прошлого столетия. Именно тогда во многих российских вузах было организовано немало студенческих союзов по изучению кельтских языков и культуры, в частности, на филологическом факультете МГУ, а также в РГГУ. В программу этих курсов и по сей день, входит изучение древних языков Gaelic (гэлик) и Irish Gaelic (айриш гэлик), а также чтение публичных лекций по истории и культуре кельтских народов. В этом контексте особый интерес представляют древние кельтские языки и диалекты, поскольку они, также как и другие значимые элементы кельтской культуры, не исчезли бесследно. Во многих современных европейских языках, таких как английский, французский, немецкий, испанский, нидерландский и др. существуют понятия и слова, заимствованные из бретонского, валлийского, ирландского, мэнского, корнского или гэльского языков. Ввиду полного отсутствия текстов, по истории, и литературе, созданных непосредственно в момент расцвета кельтской цивилизации, такие заимствования, являются незаменимым (и порой единственным) помощником при проведении различных исследований в данной области, поскольку в них зафиксированы термины, использовавшиеся кельтами

для обозначения различных понятий или предметов, являющихся неотъемлемой и уникальной частью кельтской культуры. Их наличие в современных европейских языках позволяет установить факт влияния культуры кельтов на другие народы, а также сформировать суждение о степени данного влияния.

В ходе работы мы смогли проанализировать цели и причины создания сообществ, посвященные кельтской реконструкции. Так же провели анализ и описание развития реконструкции в течении всей истории.

Исходя из всего выше изложенного, мы можем сформулировать следующие выводы:

1) Современные знания о культурах древних народов в целом и кельтской культуре в частности позволяют нам сформировать полноценное представление об устройстве и специфике культурной среды кельтских народов.

2) Становление и развитие кельтского культурного сообщества может быть изучено и описано в рамках ряда аспектных категорий, представляющих собой своеобразные «понятийные поля», позволяющие максимально подробно и точно осветить различные стороны материальной и духовной жизни кельтов на различных этапах существования кельтского общества.

3) Кельтская культура оказала серьёзное влияние на формирование и становление других европейских культур, что является одним из элементов, определяющих специфический облик культурного пространства современного европейского социума и его манифестаций.

4) Реконструкторы, которые занимаются кельтской культурой являются достойными носителями ценностей материальной и духовной культуры, своей деятельностью они сохраняют наследие и популяризируют культуру в массы.

Библиографический список

1. Боярский, П.В. Введение в памятниковедение. / П.В. Боярский. М., 1990.
2. Боярский, П.В. Исторический эксперимент: теория, методология, практика. /П.В. Боярский. М., 1990.
3. Гюйонварк К.Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. СПб.; М.: Культурная инициатива, 2001
4. Леру Ф. Друиды. СПб.: Евразия, 2003
5. Кучмаева И.К. Культура общения, этикет и стиль. - М.: ГАСК - 2002.- С. 43
6. Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. - М.: ГАСК. - 2006.- С. 141.
7. Коробейников, А.В. Историческая реконструкция по данным археологии. / А.В. Коробейников. М., 1990. - [Электронный ресурс] - <http://books.google.ru/books?printsec=frontcover&id=FGZi1OikZW8C#v=onepage&q&f=false> - Дата обращения:02.02.2017
8. Семёнов С.А. Изучение следов работ на каменных орудиях. / С.А. Семёнов. Л., 1940.
- 9.. Семёнов С.А. Изучение первобытной техники методом эксперимента / С.А. Семёнов. М.-Л., 1963.
10. Сергеев В.Н. К вопросу о статусе концепта "историческая реконструкция". / В.Н. Сергеев. М.. 2005. [Электронный ресурс] - http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1314345057&archive=&start_from=&ucat=23& - Дата обращения: 05.02.2017.
11. Малинова, Р.А. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. / Р.А. Малинова, Я.К. Малина. М., 1988.

12. Широкова Н.С. "Мифы кельтских народов"/ Н.С. Широкова. – Астрель; Транзиткнига, 2005.
13. Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия 2000.
14. Широкова Н.С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. С-Пб.: ЛГУ, 1989.
15. Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в культуре конца XX – начале XXI вв. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – 209 с.
16. Эко У. Средние века уже начались. // Иностранная литература, 1994. – N 4. – С. 258 – 267.

УДК 811.11-112/81'373.47

Петренко А.Д., Гребенюк Д.А., Влияние процессов глобализации на современное немецкое студенчество: социальные и социалингвистические аспекты

The influence processes of globalization on the modern German students: social and sociolinguistic aspects

Петренко А. Д.

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социалингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Гребенюк Д. А.

обучающаяся кафедры теории языка, литературы и социалингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Petrenko A. D.

The Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of the Theory of Language, Literature and Sociolinguistics, the Institute of the Foreign Philology, Taurida Academy, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

Grebenyuk D. A.

the student of the Department of the Theory of Language, Literature and Sociolinguistics, the Institute of the Foreign Philology, Taurida Academy, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние процессов глобализации на современное немецкое студенчество с позиции социальных и социалингвистических аспектов. Материалом исследования послужили немецкоязычные студенческие форумы, позволяющие выделить основные лингвистические тенденции свойственные студенческому социолекту в период глобализации.

Ключевые слова: общество, социалингвистика, студенческий социолект, глобализация.

Abstract. In the article there is considered the influence of the globalization processes on the modern German studentship from the position of the social and sociolinguistic aspects. As the material for the research there have been used German speaking student forums allowing to single out the main linguistic tendencies typical of the student sociolect in the period of the globalization.

Keywords: society, sociolinguistics, student sociolect, globalization.

Введение. Процесс глобализации конца XX и начала XXI вв. ознаменовался развитием экономической, политической, культурной и религиозной интеграции во всем мире. Первоначально, процесс глобализации получил свое развитие в

экономической и политической сферах, но в дальнейшем изменения коснулись культуры, духовно-нравственного развития общества и образования. Прежде всего, данный процесс рассматривается исследователями с позиции экономики и информатики. Это связано с тем, что фундаментальным достижением глобализации считается появление и развитие мировой информационной сети – Интернет. Именно поэтому социальные аспекты глобализации требуют более детального рассмотрения.

С точки зрения социолингвистики наиболее яркие изменения наблюдаются прежде всего в молодежной среде, а именно, в языке студенчества. Как отмечает А. Д. Петренко, «материалы современных научных исследований представляют значительный вклад в изучение тенденций развития национальных языков, вопросов их социальной стратификации и территориальной дифференциации, намечают пути поиска источников языковых изменений, наблюдения их в динамике» [1, с. 157]. Языковой глобализации свойственно влияние английского языка на национальные языки. Это связано с тем, что английский язык приобрел статус интернационального и таким образом активно охватил области политики, экономики, СМИ и систем коммуникации.

Согласно мнению А. Д. Петренко в статье «Формирование языковой способности детей и роль языкового инпута»: «Любое общество давно заботит возможность ликвидации языкового неравенства и устранения всяческих языковых барьеров в образовании. Тем не менее, тезис о «стирании различий», в том числе и языковых, постоянно доказывает свою несостоятельность. Многогранные и обширные социальные процессы, постоянно оказывающие влияние на язык, не устраняют языковые различия, а лишь подчеркивают их все время с новой силой» [2, с. 127].

Целью данного исследования является рассмотрение вопросов развития

немецкого языка в условиях глобализации на материале студенческого социолекта. Для достижения поставленной цели необходимо последовательное решение следующих **задач**: 1) проанализировать социолингвистические аспекты глобализации немецкого языка; 2) рассмотреть степень влияния английского языка на лексику студентов; 3) изучить основные проблемы, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения в ВУЗах Германии.

В ходе исследования применяются классические **методы** исследования: сбор, обобщение, сравнение и классификация полученного языкового материала.

Основой исследования послужили немецкоязычные студенческие форумы, материал которых рассматривается на грамматическом и лексическом уровнях.

Результаты исследования. В ходе грамматического анализа материалов форумов было отмечено, что наибольший процент составляют эллиптические предложения (56%), целью использования которых, является упрощение общения среди участников форума.

С целью передать эмоциональное состояние автора сообщения, студенты используют эмоционально – окрашенные предложения и повелительное наклонение (23%); модальные глаголы, чтобы передать пожелание или же посоветовать что-либо собеседнику (8%); конъюнктив, чтобы высказать свое желание или предпочтение (2%).

Желая ускорить процесс написания сообщения на форум достаточно часто обучающиеся прибегают к редукции личных окончаний глаголов (6%).

Употребление частиц (4%) позволяет выразить целую гамму эмоций, которую легко отобразить в процессе общения и сложно – на письме. Частицы могут подчеркивать не только положительное отношение собеседника к обсуждаемой теме, но и отрицательное.

Достаточно редким, но очень ярким, является использование немецких

суффиксов в словах других иностранных языков (1%). Это позволяет сделать вывод о том, что немецкие студенты склонны не только заимствовать слова из других слов, но и адаптировать их с помощью суффиксов к своему родному языку.

В ходе лексического анализа было установлено, что английские заимствования в студенческом социолекте составляют 29,6%.

Язык студенчества изобилует разговорными единицами (30,8%), так как представителем студенчества является в основном молодежь, которая стремится к упрощению речи и созданию собственных лексем.

Студенческий социолект отличается обилием как разговорной лексики, так и профессиональной (17,8%). Большой частью профессиональная лексика студентов базируется на тематике обучения, однако, встречаются заимствования и из других областей.

Немаловажная роль отведена и фразеологизмам (18,4%), которые позволяют максимально точно передать эмоциональное состояние участников форума. Это связано с тем, что и студенты, и старшие школьники являются подростками, что свидетельствует об эмоциональной нестабильности и подверженности влияния социума.

Основными проблемами, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения и социальной коммуникации, являются межличностные отношения, пути решения конфликтов с преподавателями, а также сложности с организацией и планированием режима труда и отдыха.

Выводы. Изучив языковой материал можно сделать вывод, что студенты при обсуждении актуальных для себя проблем, наряду с профессиональной и разговорной лексикой употребляют заимствования из английского языка, что связано с колоссальным влиянием англоязычной культуры на немецкую

молодежь.

Библиографический список

1. А. Д. Петренко, Д. А. Петренко. Социофонетические аспекты языковой вариативности. - / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко /. – Научный журнал «Известия Южного федерального университета» – № 4. – Ростов на Дону: ЮФУ, 2014 г. – Стр.150-157.

2. Петренко А.Д., Петренко Д.А. Формирование языковой способности детей и роль языкового инпута / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко. – Ученые записки КФУ имени В.И.Вернадского – Научный журнал. – Филологические науки. – Том 1(67), №1. – Симферополь, 2015. – Стр. 125-131.

УДК 821.112.2 (436)

Сдобнова С.В., Штольц Е.Н. Особенности композиции сюжета новеллы Стефана Цвейга «Письмо незнакомки»

Compositional peculiarities of the Stefan Zweig's novella «Letter from an Unknown Woman»

Сдобнова Светлана Викторовна,

к.ф.н., доцент

кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,

Института иностранной филологии

Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского

Sdobnova Svetlana Viktorovna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Department of Linguistic Theory, Literature and Sociolinguistics,

Institute of Foreign Philology,

Taurida Academy of Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

Штольц Евгения Николаевна

студентка кафедры немецкой филологии

Института иностранной филологии

Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского

Shtolts Yevghenia Nikolayevna

Student, Department of German Philology,

Institute of Foreign Philology,

Taurida Academy of Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей композиции новеллы С. Цвейга «Письмо незнакомки». В ходе исследования было определено, что композиция является смыслообразующим элементом в произведении. Композиционной доминантой новеллы выступает сочетание приемов ретроспекции и умолчания.

Ключевые слова: новелла, композиция, ретроспекция, структура сюжета, умолчание, Стефан Цвейг.

Abstract: The article is devoted to the analysis of compositional peculiarities in Stefan Zweig's novella «Letter from an Unknown Woman». In studies is defined, that the plot structure appears as the sense-making element in the writing. Compositional dominant of the novella is the combination of such literary devices as retrospection and omission.

Keywords: novella, composition, retrospection, plot structure, omission, Stefan Zweig.

В данной статье новелла рассматривается с точки зрения структуры композиции сюжета. Проблемами композиции художественных произведений занимались многие литературоведы и теоретики, среди них: А.Б. Есин, В.В. Виноградов, В.Е. Хализев, Г. Гегель, Г. Фрайтаг и другие. **Целью** исследования является рассмотрение композиционных особенностей новеллы «Письмо незнакомки».

Цель работы обусловила необходимость решения следующих **задач**: 1) выявить основные принципы композиции; 2) осуществить композиционный анализ; 3) определить композиционную доминанту в новелле С.Цвейга «Письмо незнакомки».

Стефан Цвейг (1881-1942) – австрийский писатель, критик, наиболее почитаемый автор новелл и беллетризованных биографий. Одной из самых известных его новелл по праву считается «Письмо незнакомки».

С. Цвейг создал и детально разработал свою собственную модель новеллы, отличную от произведений общепризнанных мастеров короткого жанра. События большинства его историй происходят во время путешествий, то увлекательных, то утомительных, а то и по-настоящему опасных. Всё, что случается с героями, подстерегает их в пути, во время коротких остановок или небольших передышек от дороги. Драмы разыгрываются в считанные часы, но это всегда главные моменты жизни, когда происходит испытание личности, проверяется способность к самопожертвованию. Кульминацией каждого рассказа С. Цвейга становится монолог, который герой произносит в состоянии аффекта.

Вопросом исследования особенностей композиции литературоведы уделяют значительное внимание. Так, Б.А. Успенский утверждает, что «центральной проблемой композиции произведения искусства» является

«проблема точки зрения». «Предполагается, что структуру художественного текста можно описать, если вычленив различные точки зрения, то есть авторские позиции, с которых ведётся повествование (описание), и исследовать отношения между ними» [5, с.16].

По мнению А.Б. Есина, «композиция – это состав и определённое расположение частей, элементов и образов произведения в некоторой значимой временной последовательности» [1, с.127]. В.Е. Хализев называет такие композиционные приёмы и средства: повторы и вариации; мотивы; крупный план, общий план, умолчания; точка зрения; противопоставления; монтаж; временная организация текста [6, с.276]. «Композиция литературного произведения, составляющая венец его формы, – это взаимная соотнесённость и расположение единиц изображаемого и художественно-речевых средств» [6, с.276].

В.В. Одинцов утверждал, что «только осознав общий принцип построения произведения, можно правильно истолковать функции каждого элемента или компонента текста. Без этого немислимо правильное понимание идеи, смысла всего произведения или его частей» [2, с.171].

А.Б. Есин полагает, что «начинать анализ композиции целого произведения необходимо именно с опорных точек ...Точки наибольшего читательского напряжения мы будем называть опорными точками композиции. Анализ же опорных точек – ключ к пониманию логики композиции, а значит, и всей внутренней логики произведения как целого» [1, с.51]. К опорным точкам композиции он относит такие элементы: кульминацию, развязку, перипетии в судьбе героя, сильные позиции текста, эффектные художественные приёмы и средства, повторы, противопоставления. «Анализ опорных точек – ключ к пониманию логики композиции» [1, с.51].

Следует отметить важность характеристики хронотопа новеллы, поскольку «хронотоп, как единство времени и пространства, является той категорией, которая позволяет постигнуть сюжетостроение и композицию художественного текста» [4, с.285].

Поскольку новелла Стефана Цвейга представляет собой эпистолярную прозу, то данному произведению «свойственно условное двойное авторство» [3, с. 310]. Кроме всезнающего автора-творца, в тексте присутствует точка зрения незнакомки как автора письма. Кроме того, эпистолярной новелле характерна «двойная адресованность» [3, с. 310], то есть предполагается восприятие содержания письма не только адресатом, но и читателем. Начинается новелла с экспозиции, где формируются обстоятельства завязки и развития сюжета. Автор повествует о получении известным романистом Р. письма: «Когда известный романист Р., после трехдневной экскурсии в горы, возвратился ранним утром в Вену и, купив на вокзале газету, взглянул на число, он вдруг вспомнил, что сегодня день его рождения. Сорок первый — быстро сообразил он, и этот факт не доставил ему ни радости, ни боли» [7, с. 274]. «Als der bekannte Romanschriftsteller R. früh morgens von dreitägigem erfrischendem Ausflug ins Gebirgewieder nach Wien zurückkehrte und am Bahnhof eine Zeitung kaufte, wurde er, kaum daß er das Datumüberflog, erinnernd gewahr, daß heute sein Geburtstag sei. Der einundvierzigste, besann er sich rasch, und diese Feststellung tat ihm nicht wohl und nichtweh» [8, с.9]. Необходимо отметить, что С. Цвейг создал произведение «Письмо незнакомки» («Brief einer Unbekannten») в 1922 году, когда ему, как и «известному романисту Р.», исполнился сорок один год, что предполагает усиление биографического аспекта в новелле.

Далее следует прочтение письма адресатом и создается эффект интеграции текста письма в текст новеллы. Само письмо незнакомки представляет собой

воспоминания и жизнеописание, в связи с этим главным и определяющим принципом построения сюжета является прием ретроспекции: «Mein Kind ist gestern gestorben – drei Tage und drei Nächte habe ich mit dem Tode um dies kleine, zarte Leben gerungen, vierzig Stunden bin ich, während die Grippe seinen armen, heißen Leib in Fieber schüttelte, an seinem Bette gesessen» [8, с.10] («Мой ребенок вчера умер, — три дня и три ночи боролась я со смертью за маленькую, хрупкую жизнь; сорок часов грипп сотрясал лихорадкой его бедное горячее тельце, и я не отходила от его постели» [7, с. 275]). Главная героиня в своем рассказе обращается также к воспоминаниям о жизни в Вене: «Als Du kamst, war ich dreizehn Jahre und wohnte im selben Hause, wo Du jetzt wohnst, in demselben Hause, wo Du diesen Brief, meinen letzten Hauch Leben, in Händen hältst..», «Du erinnerst Dich gewiß nicht mehr an uns, an die ärmliche Rechnungsratswitwe (sie ging immer in Trauer) und das halbwüchsige, magere Kind – wir waren ja ganz still, gleichsam hinabgetaucht in unsere kleinbürgerliche Dürifgkeit» [8, с.12]. («Когда ты явился, мне было тринадцать лет, и я жила в том же доме, где ты теперь живешь, в том самом доме, где ты держишь в руках это письмо...», «Ты, наверное, уже не помнишь нас, вдову скромного чиновника (она всегда ходила в трауре) и худенького подростка, — мы ведь всегда держались незаметно, словно придавленные нашим мещанским убожеством») [7, 276].

Прием ретроспекции в произведении сочетается с приемом умолчания, что подчеркивает трагичность событий. Главная героиня в конце письма открывает тайну, что адресат является отцом ее умершего сына: «Наш ребенок вчера умер — ты никогда его не знал» [7, с. 301] («Unser Kind ist gestern gestorben – Du hast es nie gekannt» [8, с.47]).

Текст произведения содержит значительное количество повторов в виде анафоры. Каждый новый смысловой отрывок новеллы повествует о тяжести

переживаемой героиней смерти ее ребенка: «Мой ребенок вчера умер, — три дня и три ночи боролась я со смертью за маленькую, хрупкую жизнь» [7, с. 275] («Mein Kind ist gestern gestorben – drei Tage und drei Nächte habe ich mit dem Tode um dies kleine, zarte Leben gerungen» [8, с.10]); «Мой ребенок вчера ночью умер, — теперь я буду опять одна, если мне действительно суждено жить еще» [7, с. 285] («Mein Kind ist gestern nacht gestorben – nun werde ich wieder allein sein, wenn ich wirklich weiterleben muß» [8, с.28]).

В результате анализа содержательно-формальных особенностей новеллы Стефана Цвейга «Письмо незнакомки» можно заключить, что данное произведение относится к жанровой разновидности и классифицируется как биографическая эпистолярная новелла. Сюжет произведения представляет собой изложение всезнающим автором-повествователем процесса получения «известным беллетристом Р.» и прочтения письма от незнакомки. Данное письмо одновременно выполняет функцию автобиографии и посмертной записки.

Рассмотрев особенности композиции сюжета произведения, необходимо выделить сочетание приемов ретроспекции и умолчания как доминирующий принцип построения биографической эпистолярной новеллы Стефана Цвейга «Письмо незнакомки». Прием умолчания в тексте письма проявляется через внезапность сюжетного поворота, когда оказывается, что сын незнакомки был также сыном адресата письма. Изложение своей автобиографии рассказчиком-персонажем (незнакомкой) создает эффект ретроспекции, который усиливается при помощи повтора фраз с наибольшим эмоциональным напряжением: «Мой ребенок вчера умер» [7, с. 275]. Данные повторы являются текстовыми анафорами и выполняют не только связующую функцию, но также акцентируют внимание адресата и читателя на основном конфликте произведения.

Библиографический список

1. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие/ А.Б. Есин. – 3-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
2. Одинцов В.В. Стилистика текста/ В.В. Одинцов. – М., 1980. – 263 с.
3. Поэтика: слов. актуал. Терминов и понятий/ [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
4. Сдобнова С.В. Особенности структуры хронотопа сказки Г. Гессе «Август»/ С.В. Сдобнова// Язык как система и деятельность – 5/ Материалы Международной научной конференции; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – С. 284-286.
5. Успенский Б.А. Поэтика композиции/ Б.А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000 – 352 с.
6. Хализев В.Е. Теория литературы/ В.Е. Хализев. 4-е изд., испр. и доп. - М.: 2004. – 405 с.
7. Цвейг С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1: Цепь: Цикл новелл: Звено первое: Жгучая тайна; Звено второе: Амок; Звено третье: Смятение чувств / Пер. с нем.— М.: ТЕРРА, 1996. — 512 с.
8. Zweig Stefan. Brief einer Unbekannten. Die Hochzeit von Lyon. Der Amokläufer/ Stefan Zweig. – Fischer Bibliothek: 1985. – 164S.

УДК 81'282.3/811.112.2

Чернышова М.В. Понятие социальной структуры. Социальная структура общества

The notion of the social structure. The social structure of the society.

Чернышова Марина Викторовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры немецкой филологии;
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Chernyshova Marina Victorovna,
Associate Professor, Ph.D,
Federal State Autonomous Educational Institution
“V.I. Vernadsky Crimean Federal University”
margomarina2003@mail.ru

Аннотация. Современная теория социальных систем опирается на функциональную методологию, исходящую из принципа первичности идентификации целого (системы) и его элементов. Такая идентификация проводится, как правило, на уровне объяснения поведения и свойств целого. Поскольку подсистемные элементы связаны различными причинно-следственными связями, то существующие в них проблемы могут, в той или иной степени, порождаться системой и влиять на состояние системы в целом.

Ключевые слова: функциональная методология, социальная система, причинно-следственные связи, языковая система, немецкий язык

Abstract: The modern theory of social systems is based upon the functional methodology, following the principle of antecedence of identification of the whole (system) and its elements. The given identification is realized, as a rule, on the level of explanation and the properties of the whole. As the elements of the whole are bound by different cause-and-effect relationships, so the problems existing in the theme, to a certain extent, may be produced by the system and influence the state of the system itself.

Keywords: functional methodology, social system, cause-and-effect relationships, language system, the German language.

В последние десятилетия ясно определились следующие направления в изучении социальной системы Германии с позиции социолингвистики, по которым проводятся современные исследования. К ним можно отнести: а) подсистемы немецкого языка и их влияние на социальные структуры; б) социально детерминированное языковое поведение и социальное поведение как реакция на язык.

Своеобразие языковой ситуации в современной Германии обуславливает особую роль социолингвистических исследований. Это выражается как в большом количестве теоретических и прикладных разработок, так и в оживленном обсуждении основных положений и методических проблем, касающихся взаимодействия и пересечения элементов социальной системы и языка. Данные вопросы продолжают оставаться в фокусе современных исследовательских работ, что определяет их безусловную новизну и актуальность.

Целью статьи является анализ понятия социальной структуры применительно к обществу современной Германии, а также установление взаимодействия элементов социальной структуры и языка. К основным задачам можно отнести следующие: 1. Определение содержания конкретной социальной структуры (Германия); 2. Выявление характера связей языковых и социальных структур в стратификационном аспекте.

В современной науке под социальной структурой понимается строение общества в целом, система связей между всеми его основными составляющими [4]. В качестве элементов социальной структуры выступают социальные слои и классы. Общее их число, стратификация и характер взаимодействия составляют содержание конкретной структуры в определенном обществе. То есть социальная структура характеризует различные виды социальных общностей и их взаимоотношения: социально-классовые, социально-демографические, социально-этнические и пр. Представляется естественным, что все типы таких взаимоотношений отражаются в фактах языка.

Как справедливо отмечают А. Д. Петренко и Д. А. Петренко «в языке представлены варианты, обусловленные стратификацией общества на различные слои, группы, страты. Ситуативная вариативность проявляется в

преимущественном использовании тех или иных языковых средств на произносительном уровне и связывается с противопоставлением различных стилей произношения. Данный вопрос до сих пор окончательно не решен и остается одним из ключевых в современной лингвистике. Принято считать, что каждый социальный тип говорящих обладает своим набором произносительных стилей, зависящим от ряда обстоятельств» [1, с. 150].

Сама сущность социальной структуры общества позволяет определять ее как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и упорядоченных относительно друг друга различных социальных общностей, слоев, групп, страт, а также отношений между ними. В современном обществе представлено то или иное число социальных общностей, групп которые, с одной стороны, занимают разные места в общей системе социальных неравенств социума, в дифференциации населения по ряду основных критериев. Это – власть, собственность, доход, образование, профессия и пр. С другой стороны, они связаны между собой политическими, экономическими и культурными взаимоотношениями и выступают субъектами функционирования основных социальных субъектов общества. Социальная структура общества представляет собой объективно обусловленную стратификацию, подразделение на большие и малые группы и общности его членов, различающихся особым статусом и положением в системе внутренних и внешних общественных отношений.

Современный этап развития общества характеризуется нарастанием интеграционных процессов, усиливающегося многообразия экономических, политических и идеологических форм их проявления. Таким образом подтверждается вывод о том, что «хотя структура описывает устойчивый, неподвижный момент строения общества, исторически она изменяется» [2, с. 87]. К основным видам социальной структуры современного общества

традиционно относят социально-территориальную и профессионально-квалификационную.

Длительное время в социальных науках доминировала теория социально-классовой структуры общества. В любой структуре современного общества наиболее четко проявляется его экономическая структура. По определению классиков, основу социально-классовой структуры составляют классы – большие социальные общности людей, различающиеся по их месту в исторически обусловленной системе общественного производства, по их отношению к закрепленным и оформленным в законах средствам производства. Следовательно, и по их роли в общественной организации труда, по способам получения и размерам принадлежащей им доли общественного богатства.

При рассмотрении социальной структуры общества и выяснении отношений, которые складываются внутри нее, нередко выделяют три главных: характер собственности, отношение к власти, доход. Однако социальная структура любого общества представлена большим количеством социальных общностей, слоев и групп людей; в ней обязательно присутствуют социальные общности – классы, нации и т. п. Политически и экономически правящие слои и классы характеризуют конкретный тип социально-экономического развития общества. Производственные и экономические отношения членов социума определяют не только тип, но и динамику социальной структуры любого общества, зависящего от уровня развития производительных сил, сущности технических и научно-технических процессов, а потому его технический и социальный статус.

К важной разновидности социальной структуры общества относится социально-территориальная структура. Именно социально-территориальная

структура составляет обязательный компонент социальной структуры конкретного общества.

Изучение социальной структуры современного общества дает возможность определить основные ее элементы. Как уже отмечалось в исследованиях по социологии, члены социума делятся на:

- социальные общности, слои, группы: социально-классовые (классы, социальные слои, социальные группы, прослойки, сословия и т. п.);
- социально-профессиональные (трудовые и иные коллективы);
- социально-демографические (семьи);
- социально-территориальные (поселенческие общности людей, городское и сельское население и т. п.);
- социально-этнические (этносы, нации, народности и т. п.); личность.

Для современного этапа развития общества характерно нарастание разнообразных интеграционных процессов. Это наблюдение, может быть, в большей степени соответствует тем изменениям в социальной структуре Германии, которые начались даже до самого факта объединения ФРГ и ГДР. Поэтому несостоятельным было бы утверждать, что в восточной Германии перед объединением отсутствовали какие-либо предпосылки для реальной ассимиляции социальной модели, каковой она была в ФРГ того же периода. Динамика социальных процессов в восточной Германии, начиная с момента образования ГДР и до конца 80-х годов, представлена следующим образом: «Социальная структура и общественные изменения в ГДР явились результатом осуществлявшегося с 1945 г. политически обусловленного процесса. За изменением старой классовой структуры после войны последовало в начале 60-х годов изменение общественного разделения труда в результате «научно-технической революции». Зависимые от концепции научно-технической

революции представления о быстром сближении классов и слоев в результате ликвидации тяжелого физического труда и, как следствие, возрастания умственной деятельности не были внедрены в действительность. Вместо предполагаемой гомогенизации общество столкнулось с нарастающей социальной дифференциацией, которая с начала 80-х годов дошла до абсолютной качественной поляризации, Социальная дифференциация настолько положительно оценивалась, что ей начали придавать роль движущей силы экономического роста страны. Стало возможно не только легитимировать существующие социальные различия, но был открыт путь даже для формирования особых групп с отличающимся от всех существующих классов и слоев специфически высоким социальным статусом [4; 48]. Сегодня можно выделять однородные составы социальных структур в бывших ГДР и ФРГ. При этом можно констатировать, что «стратификационные модели в современных условиях начинают приобретать большее значение, нежели модели, основанные на общественном разделении труда» [3, с. 290]. Современные условия существования Германии позволяют выделять следующие компоненты социальной структуры:

- управленческая бюрократия и рядовое чиновничество;
- квалифицированные и неквалифицированные рабочие государственных предприятий;
- земледельцы;
- группы инженерно-технических работников и рядовых служащих;
- научно-техническая и гуманитарная интеллигенция;
- учащиеся и студенты;
- значительные группы, занимающиеся индивидуально-трудовой деятельностью, частным предпринимательством;

- деклассированные слои – не только профессиональные преступники, но также лица без определенного места жительства и группы люмпенизированного населения.
- военнослужащие;
- безработные, в группу которых входят неквалифицированные работники, женщины и лица, длительное время сохранявшие статус безработных).

Выводы:

Разноплановость социальной системы общества в Германии ведет к непосредственному воздействию социальных процессов на языковые структуры немецкого языка. В этой связи особо важными для социолингвистики становятся вопросы социально детерминированного языкового поведения носителей немецкого языка в Германии, функциональной стратификации современного немецкого языка в этой стране.

Библиографический список

1. Петренко А. Д., Петренко Д. А. Социофонетические аспекты языковой вариативности. Научный журнал «Известия Южного федерального университета». Ростов на Дону: ЮФУ, 2014. № 4. С. 150–157.
2. Социология / под ред. А. И. Кравченко. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 384 с.
3. Социология: наука об обществе. Учебное пособие для студентов вузов / под ред. В. П. Андрущенко, Н. И. Горлач. Харьков, 1997. 469 с.
4. Харчева В. Г. Основы социологии. М., 1997. 302 с.

УДК 412.5+413.223

Чернышова Т. Г., Макеева Л. Н. Использование функционального подхода в обучении специалистов профессиональной лексике.

The usage of functional approach in teaching specialists of professional lexics.

Чернышова Татьяна Георгиевна,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 4;
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Макеева Людмила Николаевна.,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии;
Крымский инженерно-педагогический университет

Chernyshova Tatyana G.,

Associate Professor, Ph.D,
Federal State Autonomous Educational Institution
“V.I. Vernadsky Crimean Federal University”

Makeeva Ludmila N.,

Associate Professor, Ph.D,
Crimean Engineer -Pedagogical University

Аннотация. Функциональный подход является одним из наиболее перспективных в изучении проблем лексической семантики. Использование его в обучении профессиональной лексике повышает эффективность обучения.

Ключевые слова: функциональный подход, лексическое значение, семантика, смысловая структура слова, тип семантической связи, обучение, профессиональная лексика.

Abstract: Functional approach is one of the most perspective in the study of the problems of lexical semantics. Its usage in teaching professional lexics increases the effectiveness of teaching.

Keywords: functional approach, lexical meaning, semantics, the structure of meaning, the type of semantic link, teaching, professional lexics.

Первая и основная цель обучения иностранным языкам состоит в обеспечении возможности общения и обмена информацией.

Одна из основных трудностей разработки эффективных курсов состоит в том, что большинство современных научных технических и иных специальностей носят слишком узкий характер, недоступный пониманию

неспециалиста. Это затрудняет решение таких методических проблем, как способ подачи языкового материала, принципы его организации и его усвоения изучающими иностранный язык.

Как следствие, иноязычная речь специалистов по форме языкового выражения не всегда отвечает определенным требованиям.

В последнее время был сделан ряд успешных попыток применить функциональный принцип, т. е. подойти к решению вопроса со стороны содержания профессиональной деятельности, отраженной в речевой коммуникации. К сожалению такие работы имеют ограниченное значение, т. к. рассчитаны на специалистов узкой сферы общения, тем не менее, подход имеет ряд положительных качеств, т.к. позволяет воспроизвести на занятиях реальные речевые ситуации общения и создать условия для мотивированного обмена информацией.

В основе функционального подхода лежит известный тезис о том, что в своей социальной роли речевая деятельность различается в зависимости от связи с внелингвистической реальностью.

А. А. Леонтьев формулирует это положение несколько иначе «Строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую» [2].

Овладение иностранным языком, согласно теории речевой деятельности, должно стать частью познавательного, интеллектуального процесса, который направлен не столько на сознательное изучение явлений данного языка, сколько на содержание соответствующей сферы деятельности. Иными словами, весь учебный процесс должен представляться учащемуся как путь от его области знаний к выражению этих знаний средствами иностранного языка. В связи с этим

встает вопрос: по каким принципам организовать высказывание в одной из релевантных форм и при этом сохраняя коммуникативную функцию речи. Этот вопрос имеет несколько аспектов.

В любом естественном акте речевого общения имеется предмет речи. Сфера профессионального общения не составляет исключения. Более того, в ней предмет речи, отражающий реальный объект или явление объективной действительности, играет базисную роль, поскольку цель коммуникации между специалистами сообщить и получить информацию о совершенно определенных вещах. Следовательно, профессиональная сфера речевого общения всегда ограничена известным набором понятий, которые соотносятся как с миром материальных предметов, так и с собственно интеллектуальной деятельностью специалиста.

Речевая деятельность, являющаяся разновидностью интеллектуальной деятельности, есть одновременно мыслительная, познавательная деятельность субъекта. Она протекает в форме взаимосвязанных суждений, в которых отдельные понятия увязываются друг с другом, и эти связи являются отражением объективно существующих отношений между предметами и явлениями. Таким образом, в содержание профессиональной речи входят связи и отношения между понятиями, выражениями в суждениях. Этот аспект отражает логико-семантическую сторону речи.

Проблема обучения иностранному языку включает в себя, наряду со многими вопросами, еще требующими разрешения, также и вопрос обучения способам языковой интерпретации. В этом смысле выявление и описание коммуникативных единиц, то есть единиц, с помощью которых осуществляется реальное общение, приобретает первостепенное значение для коммуникативной методики обучения в целом, поскольку это дает возможность наметить систему

единиц обучения языку как средству общения: слова с высокой частотой употребления несут более высокую коммуникативную нагрузку и наоборот. Однако фактор частотности это лишь часть проблемы, поскольку не только разные слова обладают дифференциальной частотностью, но и разные значения одной и той же лексической единицы, что обусловлено разными этапами формирования понятий, реализующихся в конкретных значениях.

Особенности построения смысловой стороны языков находят свое выражение в своеобразии внутренних членений, в результате чего возникают особые, характерные для конкретных языков системы смысловых отношений лексических единиц языка. Отмечая эту особенность, академик Л. В. Щерба писал, что принципиальная ошибка составителей словарей состоит в предположении адекватности систем понятий любой пары языков. Переводные словари, переводя иностранное слово тем или другим своим словом, совершенно не заботятся о многозначности этого последнего. А поэтому человек, добросовестно выписывающий слова из такого словаря и их заучивающий, сплошь и рядом будет попадать впросак. Так, прочитав, что «stir» означает «мешать», он легко может подумать, что это синоним «препятствовать» и т. д. [4].

Усвоение значения слова, следовательно, состоит в знании не только основного значения. Тем более, что выделение его в ряде случаев не всегда обосновано, не учитывается, что нередко встречаются слова, имеющие два-три главных значения и требующие специальной лексикографической интерпретации: например, с помощью компонентного анализа определить характер семантических связей между значениями каждой лексической единицы, а с помощью статистических данных и ассоциативных экспериментов выделить главные значения многозначных слов, порядок следования в

ассоциативной цепи, т. е. необходим всесторонний учет содержательной стороны ЛЕ, а также знание того, как в речи могут реализоваться отдельные звенья сложной смысловой структуры.

В определении этих моментов большую роль играют смысловые отношения слов в лексической системе данного языка и, следовательно, тот фактор, который именуется функциональным.

Отдельные значения многозначных ЛЕ находятся друг с другом в многообразных связях, объединяющих все значения в единую семантическую структуру. Для организации эффективной и экономной работы по овладению многозначным словом следует выяснить тип связи концептов в пределах семантической структуры той или иной ЛЕ, т.е. связаны ли все значения данной ЛЕ общим компонентом или они объединены в смысловом отношении в виде «пучков» значений или цепочкой попарно. Например, три основных значения глагола «report» имеют общий компонент значения, и в то же время каждое обладает своими дифференциальными семантическими признаками (сообщать, рассказывать, описывать, делать официальное сообщение).

Опираясь на эти данные, можно рационально построить семантизацию, используя черты семантической общности у значений и обращая внимание учащихся на дифференциальные семантические признаки, которыми они отличаются друг от друга.

Необходимо также учитывать, какое из значений является главным, а какие - неглавными, т.к. овладение главным значением означает преодоление основной трудности, а семантика неглавных – в большей или меньшей степени выводится из главного значения или соотносится с ним: «cancel» аннулировать, отменять: вычеркивать сводить на нет.

Не следует, однако, содержательные связи между значениями одного слова сводить к семантической производности, т. к. в семантической структуре слова связаны по содержанию в определенные, но не любые пары словосочетаний. В лингвистических целях достаточно выявить общие типы содержательных связей. Они представлены двумя основными типами концептуальных связей – импликационными и классификационными [3].

Импликационная связь значений широко представлена в семантических структурах многозначных слов, т.к. виды связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны, как у имен вещей, так и у имен признаков:

«suppress»

- 1) пересекать; сдерживать;
- 2) подавлять (восстание);
- 3) запрещать (газету);
- 4) скрывать, замалчивать (правду) и. т. п.

Что касается классификационных связей, то они могут быть двоякого рода:

- 1) гипо-гиперонимические;
- 2) симилятивные.

В плане объемов понятий гипо-гиперонимической связи соответствует отношение более широкого и более узкого понятий. К этому типу относятся все случаи сужения и расширения значений слов, когда оба значения исходное и производное сохраняются у слова очень часто в общенародном языке слово выступает как гипероним общего значения а в подъязыках развивает более иное терминологическое значение. Сравним:

«carry»

- 1) нести, переносить;
- 2) проводить (ток).

«treat»

- 1) обращаться, обходиться;
- 2) обрабатывать, подвергать действию (в ботанике обрабатывать биологически активными веществами).

Симилятивная классификационная связь имеет место в том случае, когда общая часть не исчерпывает содержание ни одного из компонентов: помимо общих семантических признаков концепты содержат еще различающие их признаки, каждый свои. Это отличает симиляцию от гипо-гиперонимических связей:

«affect»

- 1) действовать на кого-либо;
- 2) трогать;
- 3) задевать, затрагивать.

«plant»

- 1) сажать (растения), насаждать (сад);
- 2) внушать (мысль).

К вышеизложенному следует добавить, что усвоение значения слова состоит также и в знании того, как в речи могут реализовываться отдельные звенья сложной смысловой структуры полисемантического слова. В определении этих

моментов играют смысловые отношения слов в лексической системе данного языка и, следовательно, тот фактор, который именуется функциональным [1].

Таким образом, можно сказать, что при работе с содержательной стороной лексической единицы следует учитывать: тип смысловой структуры ЛЕ (предметно-понятийный или абстрактный), тип концептуальных связей каждой ЛЕ, а также функциональный фактор.

Всесторонний учет содержательной стороны ЛЕ мог бы привести к созданию своего рода «семантического атласа» словаря, который стал бы ценным справочником и надежным ориентиром в пестром, многообразном и мало еще систематизированном учебном лексическом материале.

Итак, словарный запас общелитературного языка является базовым. Однако, количество употребляемых индивидуумом лексических единиц ограничивается предельным объемом активного запаса индивидуума и варьируется в зависимости от таких причин, как физиологический порог объема памяти человека, интеллектуальный уровень, количество словесно дифференцируемых понятий в той или иной профессиональной или научной области и. т. д.

Язык передает индивиду вполне готовую сформировавшуюся систему понятий, классификации, отношений неисчерпаемый потенциал, который заново строится каждым индивидом по модели, выработанной в течении многих веков предыдущими поколениями, но в этом наборе индивид заимствует только то, что ему подходит (проходя мимо того, что превышает, например, его уровень мышления), и то, что он ассимилируется им в соответствии со сложившейся у него в данное время интеллектуальной структурой.

То есть, человек подходит к выбору своего активного словарного запаса дифференцированно, в соответствии с кругом общения в быту и на производстве.

В ходе взаимодействия индивида с окружающим его миром образы слов (словоформы) усваиваются и наличествуют в лексиконе как члены определенных групп, субъективно переживаемых в качестве «значений» или «смыслов» этих слов.

Библиографический список

1. Звегенцев В. А. «Семасиология». – М. : МГУ, 1957. – 321 с.
2. Леонтьев А. А. «Управление усвоением иностранного языка» // Иностр. яз. в школе. – 1975. – № 2. – С. 83-87.
3. Никитин М. В. «Лексикологическое значение в слове и словосочетании». – Владимир, 1974. – 222 с.
4. Щерба Л. В. «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Известия А. Н. СССР, отдел общественных наук. – М. : 1931. – С. 81-85.

Электронное научное издание

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ: МИФОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОР, РЕЛИГИЯ

Сборник научных трудов
по материалам II научно-практического форума

19 апреля - 11 мая 2017 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

978-5-00-009535-8

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100 экз.

Издательство Индивидуальный
предприниматель Краснова Наталья
Александровна

Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний
Новгород, ул. Бекетова 53